

ИРАНСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Хабиб Ахмад-заде

ШАХМАТЫ С МАШИНОЙ СТРАШНОГО СУДА

Роман

Москва
«САДРА»
2015

УДК 821.222.1-312.1
ББК 84(5Ирн)-44
А95

ФОНД
ИССЛЕДОВАНИЙ
ИСЛАМСКОЙ
КУЛЬТУРЫ

*Издание подготовлено при поддержке
Фонда исследований исламской культуры*

Ахмад-заде Хабиб

А95 Шахматы с Машиной Страшного суда / пер.
с перс. А.П. Андрюшкина. —М.: ООО «Садра»,
2015. — 408 с. — [Иранский бестселлер].
ISBN 978-5-906016-71-3

16+

Этот роман посвящен страшным и героическим событиям Ирано-иракской войны 1980–1988 годов. Книга повествует о нескольких днях из жизни юного ополченца, который вместе с горсткой товарищей держит оборону в окруженном врагами городе. На долю молодых людей выпадает нелегкая задача: разыскать и уничтожить поступившее на вооружение иракской армии новейшее оборудование, способное переломить ход боевых действий...

Для широкого круга читателей.

УДК 821.222.1-312.1
ББК 84(5Ирн)-44

ISBN 978-5-906016-71-3

9 785906 016713

ISBN 978-5-906016-71-3

© Фонд исследований
исламской культуры, 2015
© ООО «Садра», 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ирано-иракская война — один из самых жестоких военных конфликтов конца XX века. По сути, он явился попыткой иракского диктатора Саддама Хусейна подчинить молодую Исламскую Республику и завладеть богатейшими нефтяными месторождениями пограничной с Ираком области Хузестан. За Саддамом стояли страны Запада, в частности, США и Великобритания, стремившиеся его руками уничтожить в зародыше иранскую революцию. Однако иракское руководство и его западные покровители даже представить себе не могло, с каким мощным отпором придется столкнуться захватчикам, когда народ Ирана в едином порыве поднимется на защиту своей страны. «Священная оборона» и «Навязанная война» — так до сих пор именуются те события в иранском обществе. Да, эта война была навязана молодому государству, еще не полностью оправившемуся после революционных потрясений, и люди, совсем недавно сражавшиеся с прозападным шахским режимом, вновь объединились в священном порыве, чтобы отстоять свои завоевания и свою независимость. В то время как Ирак поддерживали практически все крупные мировые державы, иранцам пришлось воевать чуть ли не голыми руками, но ни

отсутствие новейших вооружений, ни наложенные на страну незаконные международные санкции не могли сломить духа иранского народа. Война, планировавшаяся иракским командованием как молниеносная, продолжалась восемь лет, с сентября 1980 до августа 1988 года, и унесла с обеих сторон сотни тысяч жизней, а главным итогом ее стало то, что мир понял: с Ираном нельзя разговаривать языком силы, ибо народ, опирающийся не только на мощь оружия, но и на глубочайшую духовность и жертвенность, непобедим...

В современной иранской литературе военная проза представлена отдельным и очень ярким направлением. Многие авторы, пишущие о Священной обороне, сами сражались на передовой — именно поэтому их произведения так документально достоверны. Здесь есть всё: и батальные сцены, и рассказ о трагедии гражданского населения, и — самое главное — глубочайший духовный подтекст. Вообще вся литература Ирана, начиная с древнейших времен, проникнута неповторимой духовностью, а в годы тяжелейших испытаний духовное начало нации в целом и каждого отдельного человека принимает особую окраску, становясь тем стержнем, без которого невозможно ни выжить, ни победить. И, как алые тюльпаны из капель крови павших за родину, так из светлой и трагической памяти вырастают яркие, берущие за душу произведения, заставляющие думать, сопереживать, а главное — помнить...

«...и взяла (жена) плодов его и ела; и дала также мужу своему, и он ел. И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги...»

И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно.

И выслал его Господь Бог из сада Едемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят.

...и поставил на востоке у сада Едемского херувима и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к дереву жизни».

Ветхий Завет. Книга Бытие.

«Когда же настал вечер, (Иисус) возлег с двенадцатью учениками; и когда они ели, сказал: ...один из вас предаст Меня. ...опустивший со Мною руку в блюдо, этот предаст Меня...»

...говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь, ибо написано: «поражу пастыря, и рассеются овцы стада»...

Петр сказал Ему в ответ: если и все соблазняются о Тебе, я никогда не соблазнюсь.

Иисус сказал ему: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня».

Евангелие от Матфея.

*«Когда солнце будет скручено,
и когда звезды облетят,
и когда горы сдвинутся с мест, ...
и когда животные соберутся,
и когда моря перельются, ...
и когда зарытая живьем будет спрошена,
за какой грех она была убита,
и когда свитки развернутся, ...
и когда ад будет разожжен,
и когда рай будет приближен, —
узнает душа, что она приготовила».*

Коран. Сура «Скручивание»

Совершенно секретно

Кому: Командованию соединений и частей в окруженном районе Абадана и Хорремшехра
От кого: Главный штаб Группы войск «Юг»
Тема: Введение в бой радара

Согласно полученным разведывательным данным, противник на нашем театре военных действий ввел в бой радарную установку «Цимбелин» французского производства. В этой связи предписывается в срочном порядке собрать и передать в Главный штаб любую информацию, касающуюся указанного радара, для принятия мер по...

Когда штабная машинистка ударами пальцев набивала черные буквы этого распоряжения на белую бумагу, она, возможно, не догадывалась, что через два-три дня эти слова, подобно буре, размывают и нашу жизнь, и нашу войну...

ГЛАВА 1

— Согласен?.. Согласен?.. Четыре дня всего лишь!

Печальное сияние горящего нефтезавода освещало его лицо, делая блеск искусственного глаза еще более дерзким, чем обычно.

Дважды — неожиданное пробуждение! Первый раз меня разбудил ахнувший взрыв бензохранилища, в которое наконец угодили прямым попаданием. И миллионы литров горючего, словно огненный гриб, взлетели к небесам. Я спал на бетонной крыше, и кожа лица почувствовала жар этого пламени, слепящий его свет пробился сквозь веки.

И вот второй раз... Я засекал вражеские оружейные позиции, и меня сморил сон, из которого толчком руки вырвал меня Парвиз. А ведь ничто меня так не мучает, как недосып, и господин Гасем, командир прибрежного укрепрайона, знал это и по возможности щадил меня.

— Ну как, ты с уловом?

— Парви-из... — застонал я. — Не видишь, что я сплю?

Я сел, ничего не соображая. Кирпичный бортик по периметру крыши был достаточно высок, чтобы скрывать нас от врага.

Парвиз тоже сидел на корточках рядом со мной, и вот он начал массировать мои плечи.

— Тебе семнадцать, мужчина уже! Должен бодрствовать — ты ведь наблюдатель! А ты дрыхнешь напропалую...

Я понял, на что он намекает: на ту похвалу, которой удостоил меня господин Гасем, сказав недавно: «Молодец! Вот теперь ты становишься настоящим мужчиной!»

Я ничего не ответил Парвизу. От начала ночи и до того, как уснул, сколько вражеских орудий я засек?

Там, по ту сторону реки, за пальмовой рощей, из одной из сотен кротовых кучек — вражеских земляных укреплений — выдвигался орудийный ствол и делал выстрел, а я в полной тишине напрягал зрение и, как только замечал эту неяркую вспышку, нажимал на пуск секундомера и потом весь обращался в слух.

Через несколько мгновений, когда до моих ушей долетал гром выстрела, я останавливал бег стрелки. Затем, умножив полученное время на скорость звука (333 метра в секунду), я получал эту страшную дистанцию, начинающуюся от одного из зарытых в землю вражеских орудий, идущую по прямой над пальмовой рощей и над пограничной рекой и заканчивающуюся в точке моего секундомера.

В тетрадь в кожаном переплете, оставшуюся от моего отца, я заносил результаты, а назавтра, при полном свете дня, предстояло пометить орудия на карте.

— Ну, что молчишь? — Парвиз перестал массировать мои плечи. — Спрашиваю: поймал что-нибудь? Я вон двух поймал, покрупнее прежних! Пойдем, глянешь на них. Они в бочке.

— Парвиз, дорогой мой! Дай поспать! Я к утру встану, еще буду наблюдать.

— Ну ладно, валяйся!

Но он тем не менее не уходил.

«Чего ему нужно? Еще двух, говорит, поймал...»

В те ночи, когда боев было меньше, Парвиз спускался в тот длинный проем, что тянулся вдоль причалов, позади громадных портовых кранов. Там были уложены трубы нефтепроводов, и там он находил путь к воде. Трубы были укреплены ниже причалов, но выше уровня реки, и здесь Парвиз облюбовал себе место, безопасное от вражеского обстрела, сидя в котором, он мог спокойно удить рыбу.

Первое время, наживив крючок шариком теста, он, полный надежд, забрасывал удочку и ждал поклевку. Но с началом войны река наполнилась голодными акулами, у которых не стало теперь пищевых отходов с проходящих судов, а потому не брезговали они и его тестом. И вместо съедобной рыбы крючок хватали одни акулы — и отрывали его напроочь. Парвиз и решил, следовательно, вылавливать акул, чтобы таким образом, как он представлял, хоть немного восстановить биобаланс в реке.

Трудность была лишь в том, чтобы найти леску, способную противостоять бритвам акульих зубов.

10 Проблему эту Парвиз решил, взяв тросик в одном

из разбитых осветительных снарядов. Это была стальная проволока маленького диаметра, длиной около полуметра, к которой он прикрепил специальный акулий крючок. Остальную часть леси изготовил из корабельного каната. Сначала разъял его на слои, а потом, взяв три жгута, сплел их наподобие девичьей косы.

И вот каждый вечер, на закате, когда воюющие стороны уставали от стрельбы, он спешил в свою щель под причалами, насаживал на крючок тесто с вкусной приправой и, придвинув поближе свою короткую, но увесистую дубину, забрасывал рыболовную снасть. Ближайшая невезучая акула, уцелевшая от снарядов и противокорабельных мин, почувяв съестное, стремилась к наживке и заглатывала ее.

Ее челюсти встречали стальной поводок и — хочешь не хочешь — начинали его перепиливать. Акула принималась кувыркаться и изо всех своих телесных сил, применяя всю свою врожденную сметливость, делала ставку на то, чтобы порвать стальную проволоку. Это, разумеется, ей не удавалось, но она не капитулировала и продолжала ту же политику, увеличивая дистанцию. Не ведая того, что вся надежда ловца как раз и основана на таких ее действиях.

Парвиз отпускал свою витую лесу, и акула плыла на стремнину реки. Но то и дело он резко подсекал, и острый крючок глубже вонзался в ее пасть. А потом опять стравливал лесу.

После десятков таких ослаблений-натягов акула выбивалась из сил и смирялась со своим несчастьем, покорялась судьбе — и вот тогда он подтягивал

животное к берегу и в тот миг, когда голова его показывалась из воды, оглушал своей толстой дубинкой и, уже совсем потерявшее разум, вытаскивал на сушу.

Ну и что — поймал акулу, а к чему она?

Первой пойманной акуле он распорол брюхо и извлек печень, стал ею натирать свои ноги. Он слышал, что жир акульей печени полезен от боли в ногах — правда, болей-то у него как раз не было... Затем его странный мозг посетила новая идея: он наполнил речной водой 220-литровую железную бочку и, сунув в нее акулу вниз головой, объявил, что это теперь не бочка, а «акулий аквариум». Бедная акула целиком не поместилась, и хвост торчал, но несколько часов она прожила в таком положении, пока не задохнулась...

...По тому, как Парвиз несвоевременно замолчал, я мог предположить, какие зловещие планы он вынашивает на мой счет. И правда: вот рука его потянулась к моему полевому биноклю... Я резко ударил его по руке. Без единого звука он отдернул ее, спрятал под мышку и изумленно на меня воззрился.

«Вот второй признак! Почему он не реагирует?»

Недоумение мое росло. Парвиз был не из тех, кто, если им в чем-то откажешь, оставят это без ответа, хотя бы словесного. А то мог бы просто схватить бинокль и удрать...

Вот он чуть отодвигается: мне стало немного легче... Что ж, раз уж нельзя поспать, использую это навязанное бодрствование, чтобы засечь еще несколько проклятых орудий. А прямо с утра двину

в город на поиск воронок, которые я тоже обязан наносить на карту.

— Я хочу в отпуск пойти!

А какое отношение ко мне имеет его отпуск? Я поднес к глазам бинокль. Туда, вдаль, к этой размытой линии между землей и небом, уходили скрадываемые чернотой пальмовые рощи.

— Я тебе говорю! Хочу в отпуск поехать!

— И езжай себе! Кто тебя держит?

— Подмени меня!

— Как это?

— Не тупи! — Парвиз аж на крик перешел. — Подменишь меня! Будешь водителем кухонной машины!

Я медленно опустил бинокль и серьезно посмотрел на Парвиза. Глаза в глаза. Он отлично меня понял.

— Ну что ж, раз так... Я не настаиваю. Увидимся!

И он встал, повернулся кругом и спрыгнул с бетонного козырька крыши вниз, повис на руках. Я смотрел на него в ошарашенности. Он не снизошел до спора! И, может быть, мне невдомек, а акулий крючок уже засел в моей челюсти, и мне теперь только кажется, что я дергаюсь и верчусь по собственной воле. Всё может быть!

Но это дело я не должен так оставить! Из наблюдателя превратиться в шофера кухонного фургона?

«Поистине смеху подобно...»

...Резкий и сильный свет бьет мне в глаза. Я пытаюсь вновь натянуть на голову одеяло, но его что-то держит! Открываю глаза. Надо мной склонилась фигура господина Гасема.

— Опять ты спишь тут, на крыше? Утренний намаз пропустил!

Я кивнул и присел. А когда окончательно разлепил усталые веки, его уже не было. На четвереньках я добрался до козырька крыши и спрыгнул вниз...

Из темного коридора штабного здания выхожу под открытое небо. Цистерна об одном колесе всё так же стоит, накреньясь, и из крана ее, как всегда, капает. Я открываю кран... Давненько уже взрывом повредило это второе колесо, но Парвиз всё никак не привезет его назад из ремонта.

Омовение холодной водой привело меня в чувство, и тут слух резанул скрежет металла о металл. От таких звуков у меня волосы дыбом встают. Тем не менее я вслушался. Звук шел из-за горы бетонных блоков, привезенных несколько дней назад для устройства стрелковых позиций вдоль причалов. Но пока не подвезли штыри, которыми блоки должны быть скреплены друг с другом через специально проделанные в них отверстия. Потому они сейчас просто громоздились кучей.

Стараясь не запачкать ноги после омовения, я свернул к этим блокам. Да, это был он, Парвиз. Он с силой скреб по дну пищевого бачка. Увидев меня, развернулся ко мне спиной, сидя на том же месте. А я прошел дальше, чтобы прочесть пропущенный намаз.

Я вошел в коридор нашего отряда. Одна половина здания была разрушена вражеской «гатюшей», и мы использовали другую, невредимую. В темноте коридора взгляд мой упал на силуэт моего мотоцикла. Чернота его бака была темнее

сумерек коридора. Раньше я пользовался мотоциклом брата, но осколки взрыва превратили его в ничто, и нынешний мотоцикл я получил от Амира, с которым мы работали в паре, посменно.

«Если бы я тот, как теперь вот этот, затащил тогда в коридор...»

Лампочка горела, но в абажуре из мешковины, потому я лишь ощупью мог найти свой молитвенный коврик. Этот зеленый коврик лежал рядом с одеялом под головой одного из парней. Кто это, я не разобрал. Парни лежали вповалку, вымотанные ночным дежурством, еще спали, и я осторожно ставил ноги, пробираясь между ними.

В начале молитвы, при воздевании рук, мне показалось, что кто-то неподвижно стоит у меня за спиной, позже, при коленопреклонении, слышался звук его шагов...

Я открыл свою зеленую полевую сумку: компас, секундомер, две ручки, синяя и красная, скрепленные вместе скотчем, деревянная линейка, тетрадь для записей в кожаном переплете, карта города в прозрачном чехле... Ничего я нигде не забыл.

Я затягивал шнурки ботинок, когда вновь почувствовал, что кто-то подглядывает. Поднял голову, но никого не увидел. Встал и перекинул через плечо ремень полевой сумки. Рация в заплечном ранце прислонилась к дверному косяку и словно бы умоляла взять ее с собой. Вчера днем села ее батарея, и, пока не будет вставлена новая, рации придется молча, выключенной, оставаться здесь.

«Итак, что у меня на сегодня? Ага! Найти воронки ночных обстрелов».

Пунктом первым сразу должен стать тот снаряд, который поджег вчера большое бензохранилище — в таком огне сами осколки того снаряда наверняка расплавились.

Я потянул за руль мотоцикл и пяткой ударил по подножке. Пружина сработала, и подножка поднялась, и теперь мотоцикл всей своей тяжестью налег на меня. Я плавно покатил его вперед. Это были единственные моменты, когда этот мой верный друг опирался на меня — так подкошенный болезнью человек мог бы опереться на руку друга.

Выкатываю мотоцикл во двор перед штабом. Слева Парвиз грузит в свой автофургон пищевые бачки. Бросил на меня краткий взгляд и продолжает работу.

«Четыре дня отпуска! Мечтай, мечтай!»

Я соединил проводки под рулем мотоцикла и сел в седло. И Парвиз сел за руль фургона. Я сильно ударил по ножному стартеру...

Привычным делом было, что с одного удара не заведется... Тогда второй удар... Третий удар... Четвертый... Парвиз включил зажигание, и его двигатель заработал. Наши взгляды встретились, и на этот раз уже я поспешно отвел глаза.

Опять я терзал педаль ножного стартера. Бесполезно. Я знал, что его мрачный взгляд сзади буравит мне шею...

На этой своей сальной кухонной машине он ни единого раза вовремя, как следует, не обслужил ребят. Ребята говорили: «В городе застряло несколько несчастных, и вот он сначала им отвозит

еду. Да и не только: еще и керосин, и воду питьевую. Фронттовую машину превратил в социальную».

Однажды Гасем ему попенял: нужно бы их прикрепить к мечети, пусть там получают еду. И услышал такой ответ:

— Эти не из тех, кто ходит в мечеть!

Никто из нас не видел этих людей, лишь от Парвиза мы слышали, что это кучка старушек и стариков...

...И вот ветер сдувает назад мои волосы, и от холода у меня выступают слезы. Я сижу на заднем сиденье мотоцикла и изо всех сил стараюсь не грохнуться на пищевые бачки. Но вождение Парвиза и раздолбанная снарядами и минами дорога таковы, что удержаться мне не проще, чем на качающихся во всю силу качелях.

По обеим сторонам дороги повалены столбы и лежат на земле их провода. Из кузова фургона, поверх его обмазанной глиной кабины, мне хорошо видны приближающиеся воронки.

— Осторожно!

Но он меня не слушает; и то правые, то левые колеса фургона ухают в эти ямы, и тогда всё в кузове: пустые пищевые бачки, мотоцикл и я — взлетаем и падаем. И, как бы я ни был зол, приходится терпеть.

Поскольку мотоцикл так и не завелся, единственным выходом было отвезти его в ремонт в кухонном грузовичке, и удивило меня то, как быстро согласился на это Парвиз. Чтобы он предоставил свой замечательный фургон для перевозки груза? В другое время мне пришлось бы всю душу свою вынуть, чтобы уговорить его...

Поначалу и тут он посмотрел на меня высокомерно. Словно отец на строптивного сына, в конце концов явившегося с повинной, и теперь отцу решать, простить его или наказать. Я махнул рукой:

— Ну не берешь, так не бери!

И пошел в город пешком; но он поспешил согласиться:

— Эй, залезай, чего там! Не выпендривайся!

...Еще одна воронка, и вверх летит большой пищевой бак. А также три пластиковых контейнера для воды, шумовки и поварешки и вместе с ними мотоцикл и я, вынужденный, по причине маленького роста, всё время опираться одной ногой о борт кузова, иначе мотоцикл бухнется на посуду. Наверняка он всё это специально делает. Я посмотрел в зеркало фургона и увидел, что он скалится улыбкой до ушей. Ну что ж, до ремонтной мастерской я дотерплю, а там...

В двух кварталах отсюда наш, покинутый теперь, дом, и, если бы не беда с мотоциклом, я бы обязательно, как обычно, слетал туда, сделав небольшой крюк.

...Ох, хлестнуло засохшими ветками!.. Я почувствовал, что лицо мое горит. В точности как этой ночью, после взрыва большого бензохранилища. Ощупал кожу лица. Жаль, что я снял зеркальца с мотоцикла — чтобы на фронте ночью они не отражали свет осветительных снарядов...

Когда фургон остановился, мне, в раздражении моем, очень хотелось взять поварешку и стукнуть Парвиза по башке. Но когда он, после нескольких отчаянных попыток, открыл водительскую дверь...

Свист снаряда сорвал нас обоих с места. Я бросил руль мотоцикла и инстинктивно в воздухе совершил какой-то пируэт. Но моя грудная клетка ударилась о борт кузова, а потом лицом я так шмякнулся о землю, что даже стон мой этот удар заглушил.

А Парвиз попросту лег на землю. Взрыв раздался где-то в паре сотен метров от нас. И полетели ввысь обломки еще одного жилого дома.

Я поднялся с земли. Боль в груди была невыносимой, не вздохнуть. Хотя у меня постоянно гудит в ушах после недавней контузии от взрыва снаряда РПГ¹, все-таки я легко мог слышать, что этот свист не был свистом того снаряда, который приземлится очень близко от тебя. Тогда зачем же я совершил свой неумелый прыжок? Наверное, из-за того, что сидел на мотоцикле, на высоте, и, значит, сработал тот довод, который стал для меня уже рефлексом: чем ближе ты к земле, тем безопаснее от осколков, которые при взрыве летят все-таки вверх.

И Парвиз поднялся с земли, без промедления запрыгнул в кузов и, подняв мотоцикл, упавший на крышку большого котла, предназначенного специально для риса, твердо поставил его в кузове на подножку. Если бы у меня была веревка, так ловко можно было бы привязать мотоцикл к бортам кузова и не мучиться с сидением на нем и балансированием...

А Парвиз внимательнейшим образом рассматривал крышку котла.

¹ РПГ — ручной противотанковый гранатомет.

— Посмотри! Ручка твоего мотоцикла ударила в крышку и промяла ее!

Я посмотрел. Небольшая вмятинка на начищенной до блеска крышке, скорее похожая на царапину! А подумалось мне: не повредил ли этот удар сцепление, что на мотоциклетной ручке? Час от часу не легче! И так не заводится, а если еще и сцепление сломано?

То, что мотоцикл не завелся, не удивительно. С тех пор, как город попал в блокаду, транспортные снабженцы вынуждены стали высокооктановый бензин разбавлять неизвестно чем. По этой причине в любое время двигатель мог отказать.

Но рычаг сцепления на ручке был в порядке. Я оцупал грудь. Болело здорово. А в том месте, где ветки хлестнули по лицу, опухло еще сильнее.

А он всё погружен в исследование крышки котла. Словно не ее, а лицо его ранили. Я уже был вне себя от злости.

«Этот человек с ног до головы эгоист!»

Считая с утра, уже трижды я пострадал от его злокозненности: сломался мотоцикл, хлестнули ветки и вот теперь ушиб груди! Это если забыть о трех побудках за ночь!

И я не стал мешкать. Сел за руль фургона и резко захлопнул дверь. Но замок ее не сработал. Еще раз захлопнул, на сей раз изо всей возможной силы! И она закрылась как надо. В продолговатом зеркале заднего вида в кабине я посмотрел на его лицо — удивленное и совершенно покорное. Опустил руку на рычаг скоростей. Там был бильярдный шар, который Парвиз прикрепил вместо потерянной

рукояти. Уже тогда, когда он получил этот фургон от предыдущего водителя, отца Джавада, рычаг был без наворачия. И вот Парвиз нашел этот шар на разбитом взрывом бильярдном столе, штыком проковырял в нем дыру и укрепил на рычаг переключения скоростей.

Включив скорость, я рванул машину с места. Парвиз, не протестуя, сидел в седле мотоцикла и упирался обеими ногами в пол кузова. Его ноги доставали до пола, и он с легкостью удерживал мотоцикл. А мне хотелось вогнать фургон в каждую воронку и рытвину, какие только встретятся. И все же я остановил себя: «Побойся Бога, сумасшедший!»

Нрав этой машины был мне неизвестен. Потому я всё внимание сосредоточил на управлении ею. Но тем самым я отвлекся от дороги, и вот угодил в яму. Фургон взлетел и ухнул вниз. Я почувствовал, как всё в кузове: поварешки с котлами, мотоцикл и — самое маловажное, Парвиз — взметнулось в воздух. Он посмотрел на меня через зеркало, и мне очень захотелось, чтобы он принял это за мою месть. С деланной небрежностью я пожал плечами: я знал, что ответить он ничем не может. И я повел фургон дальше...

Мы проехали через единственный в городе рынок с едва теплящейся торговлей. И как же мне повезло, что я за рулем, а Парвиз там, в кузове, на посмешище. Справа и слева от нас лавки с выбитыми дверями и витринами, брошенные — ими завладели теперь сельские женщины-торговки, и надо слышать, какой крик они поднимают вокруг продажи двух мисок простокваши из буйволиного

молока и нескольких пучков зелени. Несчастные женщины этого попавшего в блокаду полуострова: затемно они тянутся сюда пешком из деревень, чтобы добыть кусок хлеба себе и детям, оставленным из страха обстрелов там, в пальмовых рощах; дети ждут их возвращения уже вечером. Интересно, а где сейчас мужа этих женщин?

Но эти проблемы — сами по себе, а главным моим делом после починки мотоцикла оставалось всё то же. А именно: найти воронки от ночного обстрела и соотнести их с засеченными орудиями, после чего отправиться к дивизионным артиллеристам и доложить обо всем уважаемому господину майору, владельцу великолепного военного джипа, согласовать ответный огонь по вражеским батареям.

Имени господина майора я так и не спросил, и на его военной форме оно тоже не было написано. Первая наша встреча была отмечена таким сильным моим волнением, что я даже звание его перепутал, и с его стороны также возникла какая-то обида, до сих пор проявляющаяся в его холодном обращении со мной.

Я ехал дальше по проспекту, и вот — главный в городе перекресток; до войны перекресток наполняли самые разные автомобили. Слева стояли почти вплитык друг к другу христианская церковь и мечеть. Здание церкви начиналось почти от самого перекрестка и было белого цвета.

Я с силой ударил по тормозам и оглянулся. Парвиз с напряжением удерживал равновесие мотоцикла. Быстрым жестом руки он как бы спросил

меня: «Чего творишь?» И я ему показал на железный, увенчанный крестом купол церкви. Тогда и он заметил следы нового обстрела — возле верхнего окна на порядочном расстоянии от крыши церкви. Там словно бы цветок распустился, рама же окна была вырвана. И черный дым взрыва оставил для всеобщего обозрения причудливый силуэт на белой стене.

Вообще эта церковь была зданием поистине удивительным. С самого детства в голове моей сидел вопрос: «Зачем христианская церковь и мечеть так близко друг к другу? Зачем их построили почти вплотную одна к другой?»

Я вновь тронул машину.

И тут же услышал, как Парвиз колотит ботинком по ее корпусу. Теперь уже он на что-то указывал мне. Ворота в церковный двор были открыты, и там был виден мужчина в черном. Сначала мне показалось, что он просто в пиджаке и брюках, но затем я понял, что на нем священническое одеяние. Наши с Парвизом удивленные взгляды встретились: «Что делает священник в прифронтной зоне?»

Однако за эти вопросы я не отвечал. Более важной проблемой был для меня снаряд, угодивший в церковь ниже купола. Не так давно и во двор мечети, покрытый плиткой, упал снаряд и не разорвался. Ребята, вознеся молитвы, успешно его обезвредили.

Если бы не сломанный мотоцикл, я бы сейчас легко определил тип снаряда и вычислил то место, откуда он был выпущен вчера. И я надавил на педаль газа. Ускорение фургона сопровождалось

звучом взрывов в выхлопной трубе. Смесь бензина с добавками плохо сгорала на больших скоростях и производила треск и грохот. Проблема заключалась в моей вредной привычке: всегда чувствовать, что я словно бы теряю этот день. И вот я газовал, видимо, желая компенсировать потерю.

Больше я не обращал внимания на ямы. На каждой рытвине машина взлетала и падала. И до неразорвавшихся снарядов, возможно, засевших в асфальте, мне не было дела. Хотелось лишь одного: поскорее добраться до мастерской и после починки мотоцикла вскочить в его седло, заведя его с пол-оборота, и ринуться на выполнение моих основных обязанностей. Освободиться от этой засаленной кухонной развалюхи, которая словно связывает меня по рукам и ногам. В этой кабине достаточно было одного свистящего снаряда... Ведь пока я открою эту дверь, шесть раз помереть и сгнить успею!

Но времени для таких рассуждений не было. Скорее нужно было добираться до ремонтной мастерской.

* * *

Когда я остановил фургон в школьном дворе, превращенном после начала войны в ремонтную мастерскую, к кабине спокойно подошел юноша в относительно чистой военной форме, непохожей на замасленные одежды остальных работников, и сказал тем негромким голосом, который на нас, фронтовиков, оказывал магическое воздействие:

— Брат! Здесь останавливаться запрещено. Пожалуйста, встань под тем навесом!

Он указал туда, где из трубок и плит соорудили временное строение. Я подчинился и повернул руль в ту сторону. И еще не доехал до этого сооружения, как Парвиз спрыгнул на пол кузова с седла мотоцикла, обеими руками продолжая удерживать его. Быть может, испугался, что головой ударится о невысокую крышу.

Я вытянул ручной тормоз и соскочил на землю. Под навесом были как бы ремонтные боксы, обложенные мешками с песком, причем брустверы из этих мешков доходили ровно до пояса человека. словно снаряд, приближаясь, предупреждал перед взрывом: «Пригнитесь, чтобы не получить осколок!» И все, прямо с инструментами в руках, нагибались ниже бруствера, а потом продолжали работать. А крыша навеса была обита железным листом, но вот там-то ни на палец толщины того самого песка, не говоря уж о мешках. Как будто сверху никакой опасности от снарядов не было.

Истошный крик Парвиза вывел меня из раздумий:

— Черт побери, да помоги ты! Видишь, я надрываюсь!

Задняя дверца кузова была откинута, и Парвиз, обняв заднее колесо мотоцикла, наполовину выгрузил его, да так и застрял.

Подскочив к нему, я помог, и вот уже оба колеса мотоцикла стояли на земле. А тут и ремонтник вдали показался, мужчина уже в годах. Попытался

я вспомнить, как его зовут, и не смог. Поприветствовав нас кивком, он встал в нерешительности между мною и Парвизом.

— Ну, и что тут?

Лучше бы Парвиз промолчал, но он не промолчал:

— Откуда нам знать, что тут? Знали бы, сюда бы не привезли.

Я хотел сказать: «Ну ты-то что лезешь? Разве твоя забота? Это ведь мой мотоцикл!»

И вдруг вижу: ремонтник обнимается с Парвизом! У этого негодяя везде дружки!

Я открыл пассажирскую дверь фургона и заметил, что из-за сиденья высунулась черная сумка Парвиза. Его отпускная сумка! Но этот отпуск меня не касается...

Фургон поехал; нам опять предстояло миновать перекресток с церковью, а затем — на фабрику-кухню за едой. Рабочий-ремонтник, как и предполагал Парвиз, дал слово, что к завтрашнему дню мотоцикл будет исправен. И когда мы выехали из мастерской, Парвиз хлопнул меня рукой по коленке:

— Старик! Всего четыре дня. Всё равно у тебя транспорта нет пока!

— Но завтра он будет. Ты соображаешь вообще? У меня одна работа, у тебя другая, совсем другая!

— Да не горячись ты — выслушай! Прямо скажем, у тебя вообще — что за работа? С утра до вечера разъезжаешь по городу! То на компас смотришь, то на секундомер — и что в итоге? Пушки засекаешь? А толку? С утра до вечера, как горох,

снаряды на город сыплются. Мы же видим, что ты не то что-то делаешь! А тут, по крайней мере, давай я тебя сведу с несколькими социальными — ну, или еще говорят, «частными» клиентами. Воспрянешь духом, несчастный!

Наилучшим способом обращения с этим двуногим животным, когда оно показывает зубы, было: молчать! Но он разговорился, да еще как! Челюстная гайка разболталась...

— Один из них инженер. Как только увидишь его, он сразу тебе задаст вопрос на засыпку. Если ответишь — порядок! А не ответишь — уж он посмеется над тобой, поиздевается над тобой!

«А как же иначе? Частные клиенты, кучка индивидов, с которыми встречаешься, чтобы посмеяться вместе. На позиции ни единого раза еду без опоздания не доставил — днем ли, вечером ли: ему ведь надо поехать посмеяться с людьми. Ребята думают, что они от своих пайков отделяют часть на добрые дела, а оно попадает в руки вот этого Парвиза!»

А он продолжал ораторствовать:

— Если согласишься, я тебе первоклассное место покажу для наблюдательного пункта... — И ждал ответа на эту предложенную мне взятку. Я не ответил, и он вновь обратил свое внимание на дорогу.

— Ради Аллаха, что мне еще сделать, хоть что-нибудь скажи! Место великолепное: спокойно там разляжешься. Да что я говорю: чай там можно гонять! Запросто. Не так, как на нашей отрядной крыше, где приходится как ящерице ползать.

Бабах! Бабах! — Это заработала артиллерия нашего майора: звуки выстрелов раздались позади нас. Я закрыл ему рот рукой и указал прямо вперед. Дескать, «заткнись и веди машину!»

Он никак не дает мне сосредоточиться на моем основном деле. Весь его мир ограничен этими четырьмя клиентами, и точка. А мне, хоть и без мотоцикла, нужно выполнить все мои обязанности. Майор наверняка сейчас посматривает на рацию возле своих орудий, ждет, когда я выйду на связь.

— Ну что ж, как хочешь. Проблем нет. По крайней мере, нет для тех, кому я доставлял еду. Заскочу еще раз на кухню и там найду другую машину, подкинут меня до пристани. Может, сегодня вечером катер пойдет.

— Лучше бы помог священникам церкви! И вещи собрать, и подвезти их до места отправки на «большую землю».

— Накось выкуси! Мне другого дела нет, как священникам прислуживать.

Бубухх! — Странный звук выстрела со стороны противника. Я снова закрыл рукой рот Парвиза. Он резко затормозил. В моих ушах всё еще гудело от той контузии... Но я ждал звука взрыва. А его не было. Мы уставились друг на друга.

«Не разорвался?»

Затем долетел гул: обыкновенный взрыв, но далеко от нас, скорее в районе позиций нашей собственной артиллерии. То есть как понять? Враг начал артиллерийскую дуэль? И так быстро после нашего обстрела?

— Глупец ты несчастный! Не будь меня — что бы ты сегодня делал со своим раздолбанным мотоциклом?

Я промолчал.

— Говорю тебе, принимай машину! Несколько дней — с Божьей помощью — всё тебе объясню, что делать, не заметишь, как я из отпуска вернусь.

Мое молчание его злило всё больше.

— Я с тобой говорю! Язык отнялся, что ли? Ответь мне!

А мне было приятно, что мое молчание так его бесит.

Когда подъехали к перекрестку, я заглянул в открытые ворота церкви. На этот раз мужчина в черном тащил под мышкой какой-то груз и потерянно озирался по сторонам, словно отыскивая место для него. Затем взял это ведро, которое тащил под мышкой, обеими руками и что-то вытряхнул из него. Поднялось облако пыли, и он, отступив, обеими руками начал отряхивать одежду. Потом поднял голову и увидел, что мы внимательно за ним наблюдаем. При этом я невольно поднял руку, и мужчина тоже поднял руку своим особым жестом.

Тут я хватился своей зеленой полевой сумки. Под рукой ее не было. Оглянулся: вон она, лежит на полу кузова, и на ней отпечаталась подошва ботинка — Парвизова ботинка! Ну, если он повредил стекло секундомера или компаса, я ему точно дам поварешкой, да так, что из башки совсем вылетит, как получить еду и потом уйти в отпуск. Я выскок из кабины.

— Ты куда это? Я ведь хочу еду...

Остаток его слов я не расслышал. Быстро подхватил сумку и пошел к церкви.

Звук захлопнувшейся дверцы дал мне понять, что Парвиз следует за мной. Удивительно, но он сегодня меня слушается. Наверняка это из-за его кухонного фургона.

Обойдя вокруг бассейна перед церковью, я оглянулся на башню с электрическими часами. У часов был белый циферблат и черные стрелки, застывшие на времени 5 часов 35 минут. Точно как расставивший ноги человек, которого обыскивают. Сколько лет еще этим ногам стоять так твердо и без движения?

Часы были электрическими. Значит, они перестали идти в тот самый миг, когда в городе отключили электричество. Я повернул, чтобы войти в дверь церкви, и лицом к лицу столкнулся с тем же самым человеком. Эта встреча в дверях была так неожиданна, что мы оба вздрогнули и почти в один голос поздоровались. Потом был миг молчания. После этого я начал мою работу.

— Тот снаряд — это новое попадание?

— Да. Минувшей ночью.

— Простите, что я не представился. Я из сил самообороны. Занимаюсь именно этим. Регистрирую попадание снарядов и на основании этого получаю информацию.

Он молча посмотрел на меня, потом перевел взгляд за мое плечо. Там подошел Парвиз с «калашниковым». Хотя я знал, что он под сиденьем всегда возит автомат, но не думал, что он его достанет именно сейчас.

Я продолжал:

— Скажите пожалуйста, когда вы приехали сюда?

Немного помедлив, он ответил, со своим особенным выговором:

— Два дня уже. Да, два дня. Приехали, чтобы забрать церковное имущество.

— Разрешение есть?

Прежде чем он ответил, я вошел в церковь. Ее пространство было разделено на две части. Слева небольшой неф, справа что-то вроде учебного класса. Между тем и другим — большое мраморное панно, в середине его выдается вперед статуя — из желтого металла — Святой Марии, держащей на руках младенца Иисуса, как бы показывая его. А за ее головой зеркально повторяется та же самая скульптурная группа — десятки раз, как бывает, если есть переднее и заднее зеркала в парикмахерской, когда одно и то же изображение воспроизводится до бесконечности. Внизу под панно странным шрифтом написано что-то, где понятна лишь дата по христианскому летосчислению: 1915.

Я резко обернулся. За моей спиной еще один священник подметал внутри нефа. Слышался звук собираемых разбитых стекол. Парвиз тоже оглядывался по сторонам. Потом подошел ко мне и негромко спросил:

— Кто этот парень?

— Ясно, кто! Священник! А ты чего с оружием?

— Откуда это ясно? Может, пятая колонна. Надел церковный наряд, чтобы отвести подозрения.

Я лишь улыбнулся его словам. Интеллект, как говорится, зашкаливает...

— Конечно, в районе боевых действий полно священников, вот он и решил затеряться среди них. Тут разве бал-маскарад?

Бал-маскарад был, пожалуй, единственным местом, помимо церкви, где я мог себе представить человека в такой одежде.

— Смотри! Смотри! В Святую Марию попал осколок!

Он был прав. Прямо против сердца Святой Марии зияла осколочная пробоина. Знакомая картина. Еще какая знакомая! Само изображение весьма напоминало те полотна, которые вывешиваются в хусейние¹ нашего квартала во время мохаррама². Имам Хусейн точно так держит на руках младенца Али Асгара³ и показывает его войскам Йазида⁴. Разница лишь в том, что Али Асгар запеленут, а вместо их лиц блестит диск луны.

Я невольно тронул пальцем осколочную дыру. Даже на ощупь чувствовалась свежая грубость пробоины.

— У господ какое-то дело к нам?

Это спросил второй священник. Он был старше первого, с совершенно седой бородой и зелеными глазами, причем белок правого краснел кровяной опухолью. Я протянул ему руку.

¹ *Хусейние* — особое помещение, в котором происходит обряд оплакивания имама Хусейна и иногда устраиваются религиозные мистерии.

² *Мохаррам* — название первого месяца мусульманского лунного года.

³ *Али Асгар* — сын имама Хусейна, зверски убитый воинами Йазида в битве при Кербеле.

⁴ *Йазид* — омейядский халиф Йазид I ибн Муавийа.

— Салам!

Он ответил и повернулся к Парвизу. Тот неловко перехватил автомат левой рукой и подал правую.

— Мы пришли, чтобы выяснить насчет снаряда, там, наверху.

— Пришли обезвредить? Но я уверен, что он взорвался.

— А вы когда изволили приехать?

— Я и господин Ованес приехали вчера в полдень: хотели заглянуть в церковь. Если получится, попробуем перевезти имущество и книги в Исфahan, в главный собор. Мне кажется, около полуночи был этот взрыв. Мы вон там спали. Истинно, Бог помиловал. А здесь каждую ночь такой ужас?

— А в чем тут ужас?

— Грохот взрывов! Громадные пожары на нефтезаводе! Оставшиеся в этом городе люди поистине терпят муки невыносимые!

Я опустил голову, не ответил. Прошлая ночь была из самых спокойных за всё военное время. Общее количество выстрелов — до того, как я уснул — не превышало 30-32.

— С вашего разрешения, нам нужно осмотреть здание.

Не мешкая, я открыл свою полевую сумку и достал компас, карту и треугольную линейку. Хотя я был уверен, что разрушения от взрыва мины при таком угле падения не могли показать направление выстрела, всё же я кое в чем хотел убедиться.

Первым вопросом был тип снаряда. Я осмотрел пол церкви, уже очищенный и подметенный. У стены я нашел осколок длиной и толщиной с фалангу

пальца. Похоже было на мину 120-миллиметрового миномета с дальностью 6 километров.

Парвиз вполголоса пробормотал, так, что слышал лишь я:

— Небось как вчера приехали, так не переставая молились и звонили в колокол, кадилом махали: Отче наш, сущий на небе! Останови артиллерийский обстрел!

И он подмигнул мне. Отвернувшись, я достал из планшета свою тетрадь для записей и начал ее листать. Палец мой опускался по перечню записанных вчера вражеских выстрелов, ниже и ниже... Было три выстрела из миномета перед левым сектором города... Ориентир 3220 тысячных¹, расстояние от места наблюдения 6300 м. В столбце «цель» я написал карандашом: церковь или перекресток с часами.

Вероятно, целью обстрела врага был перекресток, на который в некоторые ночи машины с главного проспекта въезжали с включенными фарами, и это очень пугало передовые отряды противника.

— Крупнее этого осколка не находили?

Пожилый священник тут же окликнул более молодого:

— Ованес! Принеси господам большой осколок!

И тот вынес донышко мины: хвостовик с восьмиперым стабилизатором. Одно из перьев было сильно погнутом. Еще до того, как я взял его из

¹ «Тысячные» — единицы, применяемые в артиллерийских и стрелковых угломерных приборах, а также нанесенные на лимбы многих компасов. Следует отметить, что, если счет градусов идет по часовой стрелке, то счет тысячных — против.

рук Ованеса, я уже понял, что мое предположение было верным.

— 120-миллиметровый советский миномет!

Это Парвиз провозгласил. В каждой бочке он за-тычка! Впрочем, одного моего взгляда исподлбья ему хватило, чтобы понять: ему пора отправляться к кухонной машине...

— Так, а что вы теперь будете делать?

На этот вопрос священника что мне ответить? Быть может, наше посещение вызвало у них надежду, что мы сможем как-то ответить на подобные осквернения...

— Строго говоря, ничего! До поры до времени.

И я за руку попрощался с каждым из них. Мне показалось, что наш уход их встревожил. Быть может, присутствие двоих людей, знакомых с положением дел в городе, давало им чувство некоторой безопасности. Как бы то ни было, оставаться нам здесь было бесцельной тратой времени...

ГЛАВА 2

Шум на кухне стоял такой, что о войне впору забыть. Галдеж дополнялся грохотом перетаскиваемых пищевых баков.

При помощи отца Джавада мы с Парвизом погрузили в фургон котел с рисом. Потом пришла очередь бака с хорешем¹, в который повара не пожалели картошки и баклажанов. Подняв крышку котла с рисом, я чуть не закачался от вкусного запаха: со вчерашнего вечера ничего не ел. Подумал об Амуре, теперь несущем службу в дивизионном штабе: ночи спал спокойно, а с утра, с полным кейфом, одному себе готовил завтрак. Сейчас наверняка полеживает и ждет меня, чтобы, забрав мотоцикл, поехать в город.

На дне другого котла я заметил пригар плова: подгорелую корочку риса, выглядящую столь аппетитно... Это было выше моих сил. Я глянул на отца Джавада, и он меня понял: половником подцепил большой кусок этой поджарки, с которой капало масло, и протянул мне.

Я поглощал ее, наблюдая за его работой. После того, как погиб его сын Джавад, машину передали

¹ *Хореш* — кушанье из мелко нарезанного мяса, тушенного с овощами в томатном соусе, подаваемое с рисом.

Парвизу. До того ребята узнавали, какая будет еда, и, если был шашлык, в нашем штабном отряде вместо двенадцати оказывалось тридцать человек. А в остальные дни — прежнее количество. Отец Джавада лишь ухмылялся и накладывал в бак еды на ту численность, которую ему заявляли. Но когда машиной завладел этот злыдень, он количество людей знал точно, и с ним номер не проходил. Более того, уже через несколько дней он начал опаздывать: сначала на полчаса, потом на час, а теперь уже и на два. И порции наши постепенно уменьшались, так что один из парней недавно возмутился: «Постой, уж не продаешь ли ты еду?»

— ...Алло! Нам ехать надо! Ты не заснул?

Парвиз вновь тронул фургон. Повел он его по узкой улице, по сторонам которой из неглубоких арыков вымахал тростник высотой два-три метра, улица же здесь и там завалена была обломками деревянных электрических столбов, битым кирпичом, сучьями деревьев. Растрескавшийся асфальт едва виднелся из-под слоя земли, по которой проложена была машинная колея, и Парвиз — что необычно для него — ехал строго по колее.

— Зачем ты сюда-то заехал?

— Молчи! Я хочу тебе показать тот самый наблюдательный пункт, про который говорил.

— А я согласия не дал. Сказано же!

Что ж, руль машины был в его руках, но словами распоряжался я, и слов у меня для него больше не было!

— Вон оно!

— Где?

— Ослеп, что ли? Высокое здание не видишь?

Я саркастически рассмеялся. Это было хорошо мне известное семиэтажное недостроенное здание. Покрытое копотью, оно действительно возвышалось над окружающими двух-трехэтажными строениями. Со дореволюционных времен оно так и осталось недостроенным, и в первом этаже электросбытовые компании устроили склад своих катушек, кабелей и прочего инвентаря, но попадание реактивного снаряда всё это подожгло, и всё здание в результате взрывов и пожара получило осадку на метр. Когда мы с Амиром делали первые шаги в качестве артиллерийских наблюдателей, мы сразу подумали об этом здании, и Амир его обследовал, а, вернувшись, сказал мне, что лестницы двух первых этажей разрушены, и подниматься наверх или спускаться сложно. Потому естественным путем мы облюбовали другие здания, которые, хотя и были ниже, но находились ближе к берегу реки.

И вот теперь мыслитель и гений кухонной машины счел, что сообщает мне ранее не известное. Мой саркастический смех его разозлил.

Он остановил машину перед семиэтажным строением. Оно не имело дверей, внешней отделки, а кирпичная его кладка была в ужасном состоянии — при всём при этом в нем чувствовалась, по сравнению с окрестными домишками, сила и величие. До пятого этажа даже алюминиевые рамы были на месте, хотя выше уже ни рам, ни окон как таковых не было.

Я охватил всё здание взглядом, потом невольно стал считать этажи... Как в детстве! Дойдя до

третьего, остановил себя. В прошлый раз *это* здесь было или нет? В крайнем окне третьего этажа я заметил два горшка с мясистыми кактусами. Интересно, что делают тут кактусы?

— Разве тут кто-то живет?

— Хватит болтать! Остайся пока здесь.

И он пошел ко входу, который, как мрачная пещера, темнел между выгоревшими магазинами без дверей и витрин. Я почесал в затылке и остался ждать Парвиза. Интересно то, что я его послушался. А с какой стати?

Просто из чувства противоречия я пошел следом за ним. Но, не успев я отойти от фургона, как он вновь появился, с пищевым бачком в руках и с двадцатилитровым желтым контейнером для воды. Я встал как вкопанный. Он обошел вокруг меня и профессиональным движением, держась лишь одной рукой, запрыгнул в кузов фургона. Снял крышку с котла с рисом. Перво-наперво шумовкой наложил риса в пищевой бачок; потом закрыл котел и угрюмо на меня посмотрел. Взял поварешку. Я не выдержал:

— Кто там наверху? А?

Палец руки, держащей поварешку, он приложил к губам странным жестом «тише»; потом навалил на рис хореша — не пожалел ни подливки, ни мяса. Ловко спрыгнул из кузова.

— Контейнер с водой забыл!

— Завтра его наполнишь, а теперь идем! Бегом, за мной!

Почти произвольно я пошел за ним. Когда с улицы вошли в темноту вестибюля, моим глазам

потребовалось несколько секунд, чтобы привыкнуть. Закопченные стены и полуразобранная лестница, в которой ступеньки были не цельнокаменные, а кирпичные. Как говорил Амир, всё здание осело на метр. Однако увидел я и деревянную приставную лестницу.

— Миски моет и прямо здесь оставляет. Берешь, накладываешь еду и возвращаешь сюда же. Если у него к тебе какое-то дело, он тебе покричит сверху. Но сейчас мы с тобой пойдём к нему. Только постарайся ему не мешать. Это безобидный социальный клиент.

— Да поясни же, черт побери! О ком ты говоришь?

— Да об инженере!

Следующий вопрос застыл у меня на губах, потому что с площадки третьего этажа на нас внимательно смотрел этот старик.

Парвиз, хотя и держал миски в обеих руках, ловко взобрался туда по приставной лестнице. А вот я полез с неохотой. Опоры лестницы внизу стояли неровно, и она шаталась. Когда я схватился обеими руками за площадку третьего этажа и подтянулся, моим глазам предстал прежде всего большой черно-белый кот, потом я увидел старика, сидящего в кресле, — Парвиз стоял перед ним. Здесь же была и односпальная пружинная кровать темно-серого цвета, с сильно заржавленными металлическими прутьями спинки. Ниша в стене, когда-то предназначенная то ли просто для красоты, то ли для какой-то мебели, сейчас была заполнена большим количеством книг и журналов, нагроможденных

друг на друга. Справа от кровати дымился керосиновый самовар, из носика капала вода, и капли со звоном падали в плошку.

Я уже стоял лицом к лицу с ним. Это был пожилой мужчина с густыми волосами, почти совсем седыми, но не полностью, и, что самое удивительное, лицо его было выбрито идеально чисто. И я невольно коснулся тех волосков, что топорщились на моем подбородке.

— Итак. Кто это?

Голос его звучал властно.

— Господин инженер, это мой друг, социальный работник. Два-три дня, что меня не будет, он вам берется привозить еду.

— Прямо сразу? Без испытательного срока?

— Нет, господин инженер. Надо обязательно сдать экзамен!

— Неужели ты ему уже рассказал?

Парвиз стоял перед креслом этого сумасшедшего падишаха в подобострастной позе и заливался соловьем. От его слов у меня буквально круги шли перед глазами.

«Тупица Парвиз, своему сумасшедшему дружку представил меня социальным работником?!»

В углу комнаты что-то завозилось. Я посмотрел туда. О Аллах! Ошибся я, когда подумал, что здесь одна кошка. Шесть или семь котов я насчитал теперь вокруг кровати. Между тем Парвиз сказал что-то еще, чего я не расслышал за своими мыслями.

Парвиз потянул меня за руку. Мне ничего не оставалось, как подчиниться ему и подойти к креслу инженера, стоящему возле кровати. Сквозь свой

постоянный гул в ушах я расслышал негромкие слова Парвиза:

— Целуй ему руку! Целуй ему руку!

Я невольно улыбнулся. Удивительное представление разыгрывает эта парочка! Подведя меня к креслу, Парвиз выпустил мою руку.

— Итак, ты готов?

— К чему?

Парвиз вмешался:

— Господин инженер! Этот наш друг очень много думает о себе. Всё время вступает в дискуссии с господином Гасемом. Постоянно ночами фонарь жжет, читает книги. Задайте ему вопрос, я посмотрю, хватит ли у него знаний?

— Итак, юноша, я задам тебе главный и основной вопрос по поводу жизни и мира. Хорошенько подумай, прежде чем ответить. Во-первых, сядь!

Рука Парвиза надавила мне на плечо, и я сел, довольно послушно. «А почему я должен садиться? Что это за комедия, в которую я позволил себя втравить?»

— Итак, ты готов?

— Да, он готов. Спрашивайте, господин инженер.

Бессовестный очень искусно разыгрывал свою роль и как точно подстраивался под этого странного человека!

— Итак, что такое *what*?

— Что-что?

— Что такое *what*?

— Вы имеете в виду английское слово “*what*”?

— А почему ты отвечаешь вопросом на вопрос?

Парвиз оставил меня и с улыбкой снял заварочный чайник с самовара, налил себе чаю.

— Подумай, юноша! Что такое *what*?

— Дорогой и уважаемый! Я ответил вам. Если вы спрашиваете значение английского слова *what*, то оно означает «что?».

— И опять ты ответил в форме вопроса! Двадцать тысяч специалистов в области культуры, в рамках специальной комиссии, восемь дней и восемь ночей не могли найти ответ!

— А я вам дал ответ.

Он согнул свой указательный палец и поднес его к губам. В точности, как несколько минут назад, когда Парвиз пальцем и поварешкой делал мне знак молчать.

— Молчание! Вот этот твой товарищ говорил о глубоких знаниях?

Парвиз залпом выпил полстакана чая. Я, наконец, взял себя в руки и встал. Два сумасшедших, по сути дела, подвергли меня гипнотическому сеансу.

«Этот голубятник изначально остался в городе ради своих голубей, но с тех пор он мог бы стать человеком, однако же не стал. Меня не уважает совершенно. Вот уже несколько месяцев мы с ним вроде как друзья, теперь же выясняется, что настоящий его друг — этот сумасшедший гуру. А я оказываюсь крайним!»

Что-то вдруг ткнулось мне в ногу. Это был пушистый черно-белый кот, он облизывал мой правый ботинок. Парвиз схватил меня за руку.

— Господин инженер, простите его! Опозорился он! Пойдем отсюда, парень!

И Парвиз потащил меня к лестнице. Послышался свист снаряда и взрыв неподалеку, а потом — обычная взрывная волна, похожая на подземный толчок, от которого вздрогнула земля. Инженер продолжал сидеть в кресле, развалясь, и холодно смотрел на нас. Я попрощался с ним кивком, и он ответил мне тем же. Я спустился по деревянной лестнице — Парвиз предшествовал мне. Столкнуть бы его вниз, пусть бы ноги переломал! Мысль о мщении промелькнула в моем сознании, но столь же быстро Парвиз уже оказался на втором этаже, а потом, по другой лестнице, спустился на первый.

Когда мы вышли из здания, я вновь оглянулся на те два кактуса в горшках на третьем этаже. А когда садились в машину, я увидел, что Парвиз улыбается до ушей.

— Кто это был такой?

— О ком ты? Об инженере? Ответ очевиден: он инженер!

— Он такой же инженер, как... Безумец не хуже тебя — откуда он взялся? Почему он обитает в этой развалине? Отвечай мне!

— Ага! Смотрю, ты обиделся, что не смог ответить?

— Ни стыда ни совести у тебя! Зачем ты ему сказал, что я «социальный работник»?

— Потому что у вас социальные отношения.

Он уже вел машину. На перекрестке мы увидели свежую воронку. Земля со следами черной сажи, а осколки изуродовали облицовку из зеленого мрамора ближайшего к воронке двухэтажного дома.

Видно, что до войны хозяин дома много затратил на его отделку, и вот теперь...

Стабилизатор мины валялся прямо посередине воронки и еще дымился. Шестиперый черного цвета стабилизатор...

— Притормози-ка! По крайней мере хоть воронку зарегистрирую.

Парвиз без всяких споров остановил фургон. Накинув полевую сумку на плечо, я нажал на дверную ручку. Но дверь кабины не открылась.

— Ты что, ослеп?

Парвиз наклонился к моей двери и вытянул фиксирующую замок кнопку. Тогда дверца открылась. Выйдя, я изо всех сил захлопнул ее. Парвиз жестом руки показал возмущение, я и глазом не моргнул. С утра мне не везло. Во-первых, сломался мотоцикл, затем поездка с этим светочем мудрости и знаний, наконец, этот безумец с его «что такое *what?*» Неясно, «инженер» — это прозвище, которое ему дал Парвиз или кто-то до Парвиза?

Прямо на землю воронки я положил свою полевую сумку и раскрыл ее. Издалека слышался шум машины. Я достал компас и тетрадь для записей. Шум машины усилился. Я сидел на одном колене примерно в такой позе, в которой сидит стрелок, зажмуривший один глаз, а вторым совмещающий мушку с прорезью прицела. Ориентирующий волосок компаса я нацелил на воткнувшийся в землю стабилизатор. Собственное положение тела я выбрал так, как подсказывал опыт и многократно, каждый день повторяющийся вид воронок: так, чтобы на одной линии был мой зрачок, стабилизатор

и медиана¹ воображаемой, близкой к треугольнику дуги, которую я достроил в своем уме. Потом через увеличительное стекло компаса я прочел: 3420 тысячных. Из полевой сумки я достал карту. Парвиз тронул меня за плечо:

— Чего ты там мудришь?

Я поднял голову. Неподалеку остановился окрашенный в маскировочные цвета джип майора. Постоянный водитель майора сидел за рулем, рядом с ним — сам майор в каске с сеткой, с усами, которые порой бывали очень густыми, хотя он их периодически коротко стриг. Я поднял руку. Майор помедлил. Похоже, он всё еще колебался, как ему вести себя со мной. Я стоял без движения. После того первого дня, после моей ошибки, он ждал от меня нового подвоха. Он был минимум на тридцать лет старше меня. И именно то, что младший обязан проявлять уважение к старшему, заставило меня не допустить нового охлаждения в наших отношениях.

— Здравствуйте! Я к вашим услугам!

Этой маленькой уступки оказалось достаточно. Майор снял свою каску.

— Здравствуйте, возникло очень важное дело. Сколько я ни пытаюсь связаться с вами по рации, вы не отвечаете.

Я взглянул на Парвиза. Он, прямо как воспитанный, стоял, приложив руку к груди.

¹ Медиана — отрезок прямой, соединяющей вершину треугольника с серединой противоположной стороны. Все медианы треугольника пересекаются в одной точке, делящей медиану в отношении 2:1 (считая от вершины к основанию).

— Я должен ехать в штаб. Позже выйдете на связь со мной. Всего вам доброго.

Меня задел командирский тон майора. Он всё еще думает, что мы простые солдаты. Значит, еще раз придется ударить его по больному месту.

— Уважаемый! Если у вас есть ко мне дело, свяжитесь со штабом берегового отряда или с Амиром!

Майор не ожидал такого ответа. Медленно он вновь сел на свое место в джипе, и солдат-водитель тут же тронул машину с места. Черная похожая на кнут антенна джипа закачалась маятником, и джип уехал.

«Ничего не ответил. Ясно, что всё еще не простил мне того первого дня. И к чертям!»

— Что случилось? Уж очень он нахмурился!

Платя той же монетой, что и майор, я не ответил Парвизу. Он тронул свой фургон, начал на свистывать. Тот же мотив, что на посту, в окопах, он свистит ночи напролет. Я подумал о джипе майора. Вот это машина! Как бы мне хотелось иметь такой джип, выкрашенный леопардовыми маскировочными пятнами! С этой антенной, с этим дополнительным бензобаком, с лопатой и топором возле водительского места. В реальности же у меня сейчас не было даже моего жалкого мотоцикла!

Тут Парвиз начал поворачивать руль, но я обеими руками помешал ему это сделать. Он затормозил.

— Что с тобой?

— Не сворачивай! Зачем туда поехал?

— Там еще один частный клиент. Черт поberi! Ты мне дашь нашу работу делать или нет?

Я заколебался. С детства, с тех пор, как я узнал, что есть в городе *такой* квартал, я не только от самого этого квартала, я даже от окрестных улиц шарахался. И хотя после революции ликвидировали и большие стальные ворота, и весь этот закрытый район, а женщин увезли, — всё равно ни разу я сюда не зашел.

А Парвиз въехал прямо в этот квартал. Здесь рядами выстроились маленькие старые домики, не имеющие никакой особенной формы. Казалось, и строились-то эти домики, как и весь район, лишь для мгновений нездорового наслаждения. Никакие стандарты не соблюдались, разве что все дома имели четыре стены и большие окна. И мужчины, входившие в этот район, недолго продолжали в нем свой путь: несколько шагов в одном из тупичков, выбрать, в какой дом свернуть, а потом...

Я закрыл глаза и непроизвольно притронулся к своей правой ноге. Почему, хотя столько лет прошло, я всё помню то место на ноге, по которому пришелся удар дубинки сторожа? Я всё еще переживал те неприятные чувства, тот летний полдень, когда это случилось...

Дело было в парке, я шел, погрузившись в чтение книги, а несколько ребят моего возраста рвали цветы и сетью ловили красных рыбок в бассейне. И вот вопль, крик, топот ног удирающих мальчишек. Я поднял голову. Приближался сторож парка. Его свирепые глаза так напугали меня, что я, не рассуждая, тоже бросился бежать. Мальчишки впереди, я за ними. Они бежали быстро и легко, а я, с книгами под мышкой, еле-еле. Они ловко перемахнули через ограду парка, а когда я полез следом,

книги упали на землю. Я не то что услышал, а всем существом своим почувствовал глухой стук книг о дорожку парка. Остановился, обернулся. Эти книги я нес в школу. Сторож уже был в нескольких метрах от меня, книги между ним и мною. Я бросился всем телом, словно нырнул, на книги, но нога сторожа уже топтала их...

— Эй! Социальный работник!

Деревянная дверь одного из домов приоткрылась, и оттуда кто-то отдает Парвизу две пустые миски. Затем из той же двери показалась непокрытая женская голова. Я открыл рот от изумления. Впрочем, женская голова быстро исчезла. Судя по волосам с проседью, женщине было лет сорок пять — пятьдесят. А может быть, я ошибся, и это был длинноволосый мужчина? Я вышел из фургона. Парвиз там, в кузове, накладывал еду в две миски. Я спросил его:

— Это была женщина?

Он не ответил. Закончив с мисками, он развернул красную пластиковую пленку, в которой лежал хлеб, и достал три лепешки. Положил их сверху на миски — от отсутствия воздуха внутри пленки этот хлеб почти превратился снова в тесто.

— Я спрашиваю, женщина это?

Он посмотрел на меня искоса, всё еще медля с ответом. Так никогда я и не мог запомнить и различить, который глаз у него искусственный, а который настоящий.

— Нет, лягушка! Естественно, женщина.

Значит, я не ошибся. Но что делает женщина в этом квартале? В осажденном городе? Мои мозговые клетки начали напряженно работать.

«Наверное, вне этого города у нее нет родных и близких. Но почему при таком количестве пустых домов в городе она поселилась именно здесь? В этом бесстыжем квартале?»

С детства я чувствовал, что всё в этом квартале, все его дома как бы покрыты налетом разврата и подлости.

Парвиз, с мисками в руках, соскочил из кузова на землю. Миски были небольшими, и нельзя было сказать, что в них — пищи на двоих. Значит, женщина живет здесь одна. Вот ее руки высовываются из-за двери и забирают миски.

— Вечером ужин вот этот мой друг привезет. На ужин котлеты, для них миски не нужны.

Дверь захлопнулась, и Парвиз посмотрел на меня со своей обычной скрытой улыбкой. Я ему ничего не сказал. Лучше не затевать с ним спор, а выждать. Всё равно всё решится в штабе берегового отряда, и я уже сейчас предвкушал, как получу мотоцикл, а вместе с ним — спасение от Парвиза, кухонной машины и частных клиентов... И я даже улыбнулся сейчас, представив, как я сажусь на мотоцикл — и адью!

— Опять в раздумьях? Тебе немного осталось до этих клиентов: глядишь, скоро мне и тебя придется кормить!

— Едем в штаб дивизии!

— А как насчет еды ребятам?

— Ты с самого утра разъезжал непонятно где, о них не думал. А теперь вспомнил? Поедем, узнаем, чего хочет майор.

— Ладно, поехали. Но на пять минут, не больше.

с ними почаевничать! По-быстрому, иного я не допущу!

Между тем уже некоторое время у меня крутился вопрос в голове. Причем явно Парвиз был единственным, кто на него мог ответить. Быть может, одним из главных различий между мной и им было то, что он как бы принимал людей в том состоянии, в котором они находились, и для него не важно было ни их будущее, ни прошлое. А я — совершенно наоборот — всегда имел проблемы от невероятного любопытства.

— Почему же они в мечети-то не получают питание?!

ГЛАВА 3

Я взглянул на небо. Если пойдет дождь, пожар на нефтеперегонном заводе может пойти на убыль.

— Почему же они в мечети-то не получают питание?

— Здравствуйте! Опять за свое. На три-четыре дня позаботиться об этих несчастных, а столько вопросов? Вместо этой болтовни лучше запомни хорошенько: завтра день мороженого! Мороженого!

Он резко повернул руль, трогая с места машину. Мне нужно было продолжать молчать, чтобы реальный ответ на все свои сегодняшние фокусы он получил в штабе отряда. Вот тогда я освобожусь от господина Парвиза и займусь своей работой, а он останется со своими бачками и поварешками.

Я окинул взглядом этот квартал разврата. Скорее бы уж фургон выехал отсюда прочь, чтобы нигде, даже на доньшке души, не осталось ничего от вынужденного визита в этот район...

Вот и конец квартала. Металлические столбы ворот еще стоят на месте, а сами ворота после революции сорвали с петель и убрали прочь. Но, несмотря на следы осколков, крупных и мелких, несмотря на работу времени, всё еще был различим прежний густо-синий цвет этих стен и столбов.

Именно тут сидели сторожа и порой почтительно вставляли перед знакомыми им богатыми посетителями, однако в душе злорадно улыбались: столько внешнего благообразия, а на деле — рабство у полового греха; человек входит, прямой и гордый, ступая с силой, а после судорожного рывка часовой стрелки выходит согбенный, двигаясь медленно...

А вот следы от вывески, очень большой, показывавшей часы работы квартала. Цифры были настолько крупными, что я не раз видел их издалека, после того зловещего знакомства со сторожем в школьные годы; они были видны всем прохожим и проезжим и помнились мне до сих пор:

7-00 — 14-00

16-00 — 22-00

Семь утра, то есть время второго фабричного гудка, по которому рабочие нефтезавода начинали трудиться. А днем у женщин был лишь двухчасовой перерыв...

Что они делали в эти два часа? Наверняка они обедали. Что ж, полчаса на обед. Что потом? Еще полтора часа отдыхали до прихода клиентов? Или думали о своих возлюбленных, которые обманули их? Думали о своих подрастающих или неродившихся детях? Совершали омовение, расстилали молитвенный коврик здесь же, рядом с грязным матрасом? Надев белый платок с цветочками и склонившись в молитве, лили слезы, и слезы, и слезы... И так до 16.00, когда вновь стальные ворота со скрежетом отворились, и звенел колокол начала второй смены, и вновь сторож принимался за свою работу...

А, может быть, этот сторож всего лишь нес караульную службу, как я сейчас?

...Свиста снаряда я не слышал. Ворота квартала исчезли в белом дыму, и ветровое стекло превратилось в танцующие осколки, и одновременно страшный и неожиданный удар взрыва...

Я бросился на пол кабины и в этот миг почувствовал на лице фонтан горячей жидкости, а также давление тела, в котором, хотя глаза мои были плотно закрыты, я сразу узнал тело Парвиза — по тому, с какой стороны оно навалилось; и машина резко дернулась, отчего я еще больше скрючился. Невыносимый звон наполнил оба мои уха. Но этот звон был вовсе не важен. Мне следовало как-то уменьшить давление на меня Парвизова тела. Но что-то мешало это сделать. Я высвободил руки и отжимал его корпус. Он даже не шелохнулся.

— Парвиз!.. Парвиз, ответь!

Он не отвечал. В глазах у меня было черно. Тыльной стороной ладони я начал прочищать глаза: они, как и всё лицо, были залиты кровью. Теперь и руки были в крови. Тело Парвиза заклинило между рулем и моим телом. Изо всех сил я пытался как-то перевернуться. Но мешало тело Парвиза, как бы многократно увеличившее свой вес. Я вытягивал руки, пытаясь ухватиться за что-нибудь внутри машины. Нужно было как-то вывернуться...

Спокойно, медленно я выполз из-под Парвиза. И тут же повернулся к нему — обследовать. На его лице и голове не видно было ранений. Я ощупал его тело. Под нижним левым ребром было горячо от крови. Осколок вошел в его левый бок и, пройдя

под ребрами, вышел справа; из этой раны с правой стороны его тела и лилась на меня его кровь, заставив меня ошибочно думать, что я сам ранен.

Глаза его были неподвижны, голова болталась на шее. Вдруг я увидел его зубы и белую пену, похожую на сливочное мороженое, покрывавшую его губы. Зубы его были стиснуты. Дыхание! Он не дышал! Изо всех сил я сунул пальцы за его щеки и нажал. С огромным усилием разъединил его верхнюю и нижнюю челюсти. Погрузив пальцы в эту белую пену, я не давал челюстям сомкнуться. Его передние зубы впились в мои суставы, и их давление росло с каждой секундой. В то же время я ощутил на пальцах его горячее дыхание. Значит, он был жив!

Теперь нужно было остановить кровотечение. Но как? Я оглянулся по сторонам. Бесплезная надежда! Помощи ждать было не от кого. Каждый день с неба сыпались десятки больших и малых снарядов, и считанные оставшиеся в городе жители даже не оборачивались, чтобы посмотреть: что там уничтожено новым взрывом? Надеяться нужно было лишь на себя. Но как одновременно разжимать зубы и останавливать кровь?

Пришла в голову мысль. Из нагрудного кармана я достал свое удостоверение бойца сил самообороны — из толстого картона в пластике. Собственными зубами я сложил его в гармошку и сунул меж зубов Парвиза вместо своих пальцев. Теперь оставалось кровотечение.

Ударом ноги я открыл дверцу и спрыгнул. Земля и пыль взрыва уже осели, покрыв ровным слоем

фургон и окружающее его пространство. Обойдя фургон спереди, я взялся за ручку водительской двери. Потянул эту дефектную дверцу обеими руками, и, на счастье, она открылась сразу, хотя и с обычным своим скрежетом. Подхватив Парвиза под мышки, я потащил его в кузов.

Нужно было поднять и уложить его там. Какой же он тяжеленный! Я затащил его на пол кузова головой к кабине. Прямо на полотняную скатерть, закрывавшую хлеб. Тут же я подумал о том, что хлеб будет залит кровью, и поскорее вытащил хлеб и скатерть из-под него. Да! Всё было в крови. Я бросил этот окровавленный сверток на бак с хорешем.

— Убит?.. Помощь нужна?

Голос был хриплым. Я обернулся. Неподалеку стояла женщина, возможно, та же самая!

— Жив! Но нужен кусок ткани: простыня, что-то, чем обвязать его живот...

Она подошла ближе и заглянула в кузов, словно хотела проверить мои слова. Потом опять отступила и быстрым движением сорвала с головы свой арабский платок. И лавина черных с проседью волос хлынула на ее плечи! Я застыл на месте.

— Бери! Разве ты не просил кусок ткани?

Я поскорее подхватил платок из ее рук. С ее точки зрения это был доступнейший кусок материи, который самым быстрым образом мог быть пущен в дело. Я затянул узлом платок на ране Парвиза. Спрыгнул из кузова и сел за руль. Включил зажигание. Машина дернулась вперед и встала!

На передаче?! Во время взрыва была включена скорость. Ставя ее на нейтральную, я подумал

о других осколках, которые могли попасть не только в двери и окна фургона, но и в радиатор, и в двигатель. «А если осколок, пробив радиатор, вывел из строя систему охлаждения? А то и систему подачи масла, да и бензина?..»

Как только машина завелась, она въехала на тротуар, потом съехала с него. Нужно было срочно покинуть этот проклятый квартал...

В полуразбитом зеркале заднего вида мелькнул уменьшающийся силуэт женщины без платка, стоящей, подбоченясь. С каждой секундой она делалась дальше от меня, от Парвиза и от фургона. Удивительный день!

...Таким вот образом из наблюдателя и охотника за вражескими орудиями я превратился в водителя кухонной машины, оставшейся без ее прежнего хозяина...

ГЛАВА 4

Когда я вновь сел за руль, мне вспомнились последние слова Парвиза:

— Три-четыре дня позаботиться о них! Завтра день мороженого. Мороженого!

Я тяжело вздохнул. Невероятный день! К новому положению дел еще привыкать...

Повышение в должности: был наблюдателем за пушками и минометами, а стал... Я хлопнул по рулю ладонью.

«А если бы сегодня утром я не сел в этот фургон? Если бы я вообще не стал разговаривать с этим упрямым, который сейчас лежит на реанимационной койке под капельницей, если бы я не поверил его сладким посулам?..»

Но дело было сделано, и смена обязанностей произошла. Водитель кухонной машины! Мне страшно было даже представить реакцию Асадоллы, длиннородого минометчика, когда он увидит, как один из его наблюдателей орудует поварешкой на раздаче пищи. Когда после этого я вернусь на наблюдательный пункт и, как обычно, отдам команду: «Внимание! Прицел правее сто, меньше двадцать, как поняли?» — Асадолла обязательно расхохочется и ответит: «Иди-ка лучше своим делом займись, поваренок! Что на обед сегодня? Котлеты из баклажанов?»

Нет, это невыносимо. Любым способом нужно было избавиться от этого фургона! Кстати...

«Почему я раньше об этом не подумал? Ведь есть же отец Джавада, да помилует его Аллах! Вот он-то и может...»

Я должен буду поговорить с ним и со всем смирением упросить вновь сесть за руль фургона. Да, после неожиданной гибели его сына он отказался от этой работы, и всё же...

Ситуация как-то должна быть исправлена. А завтра я уже получу из ремонта свой мотоцикл...

«Провалились бы эти социальные клиенты! Инженер-кошатник вполне может получать, как люди, еду в мечети. До половины нашего солдатского пайка уходит на этих людей. Или взять эту сумасшедшую: я ей сказал, нужен кусок материи, а она тут же сорвала платок с головы, словно лишь предлога ждала. Но Парвиз — негодяй... Поделом ему, что вместо отпуска он получил три больших осколка, теперь на мозги мне не будет давить. Бог услышал мои молитвы...»

Я ехал в сторону штаба. Нужно накормить ребят. Но как быть со штабом дивизии?..

Я остановил фургон на улице позади здания главного городского банка, теперь занятого штабом дивизии. Улицу перегораживали мусорные баки, полные отходов: вот уже много дней солдаты не вывозили их. Две линялые собаки вяло рылись в мусоре. Когда я остановил машину, большая черная собака в испуге бросилась бежать, а собака поменьше, серого окраса, лишь вынула голову из пакета с мусором и посмотрела на меня. Я вышел

из фургона и, как прикованный, уставился в ее глаза. Но она не реагировала и продолжала смотреть на меня. Я аж глаза вылупил: очень хотелось ее напугать. Но она — ни в какую! У меня сейчас было важное дело, а иначе, в обычных обстоятельствах, я, может, полчаса бы потратил на эту игру, но добился бы своего.

Полуденное солнце полностью завладело асфальтом улицы и всей округой. Я замахнулся на собаку, а она опять не шелохнулась. Вообще никакой реакции. Уже пройдя мимо, я резко повернулся в ее сторону. И опять никакого эффекта! Словно вообще меня не видит...

В будке стоял караульный солдат в каске и с винтовкой со штыком. Караульная будка вся, за исключением дверцы входа, была обложена мешками с песком. Эти мешки могли только остановить осколки, прилетающие издали, но взрыв даже легкой мины в нескольких метрах снес бы и будку, и солдата, и впечатал бы их в стену банка...

Часовой меня не остановил — это было необычно. Он проводил меня взглядом, когда я вошел внутрь. На всех стенах всё еще висела банковская реклама:

«Открыв туристический счет, вы всегда имеете деньги в кармане!»

«Счастье — это дальновидность, а будущее — в кредитах под залог вклада!»

Я вошел внутрь. Вот конторка банка, за ней рабочие столы составлены вместе, и на них разложена большая карта. Карта закрыта толстым стеклом,

под которым видны магические пятна и полосы: наши позиции обозначены синим, вражеские — красным. Даже издали я увидел разрыв в красном поле, небольшой синий овал, который есть не что иное, как наш окруженный город!

Над столами склонились офицеры, среди них — майор. А еще один развалился свободно и держит двумя руками чашку с дымящимся чаем. У одного офицера на погонах блестели две массивные звезды; такая же, но одна, была на каждом погоне майора. После того первого столкновения, очень обидевшего майора, я прилагал все усилия к тому, чтобы не обратиться к офицеру, назвав его по званию ниже того, которое он реально имеет. При этом я помнил, что чем больше звезд, тем — наверняка — выше звание.

Я медленно наполнил грудь воздухом и перевел дух.

— Господин майор!

Все посмотрели на меня, и в их взглядах выразилось изумление. Майор с озабоченным видом что-то указал им на карте и пошел ко мне, обогнув конторку в передней части комнаты. Немного поколебавшись, предложил мне сесть на один из металлических стульев для посетителей.

Мы сели друг против друга, и я взглянул ему в глаза. А он в мои глаза вовсе не смотрел. Проследив за его взглядом, я понял причину его замешательства. Вся моя одежда была в высохшей крови Парвиза. Я должен был объясниться:

— Тот самый водитель кухонного фургона... Он был ранен после вашего отъезда.

— Видно, что много крови из него вытекло. Больших проблем у него не возникло, иншалла?

Я хотел сказать: «Нет, кроме того, что его внутренности разорваны в клочья, и ему влили два пакета крови, и четыре дренажные трубки торчат из живота...»

— Нет, врач говорит, что, вообще-то...

— Господин майор Фахими!

Его позвали из-за конторки. Тот самый офицер, у которого на одну звезду было больше!

— Простите, пожалуйста! — майор торопливо поднялся и отошел.

Я стал смотреть на люминесцентные лампы, питаемые мощным генератором и ярко освещающие весь зал, потом подумал о ребятах, всё еще голодных, ожидающих фургон Парвиза. И каждый миг беседы майора с тем офицером всё увеличивал мое напряжение.

«Заканчивайте, уважаемый! У вас был разговор со мной. И вот он вклинивается, и вы начинаете говорить с ним! Вернись же сюда, уважаемый!»

Я невольно правой ногой толкнул ножку столика передо мной.

Майор вернулся и сел напротив меня.

— Лучше перейдем к сути дела. Дорогой! За несколько прошедших дней вы заметили что-то необычное или странное на том берегу реки, в секторе, где ведете наблюдение?

— Что, например?

Он молчал, и молчание его длилось. Мне стало любопытно. На той стороне реки, что там было?

62 Пальмовые рощи на глубину три километра,

в которых маскировались минометы; шоссеиная дорога из Фао в Басру; однообразие пустыни, тут и там нарушаемое земляными укреплениями, в которых спрятаны орудия... Всю эту информацию насчет земляных защитных сооружений мы уже два месяца регулярно передаем уважаемому господину майору, бесплатно и безвозмездно, на рабочих кальках... И что нового мы должны были увидеть?

— Так значит...

И опять он медлил. Я пожал плечами в знак непонимания. Он решил пояснить свой вопрос:

— Два дня назад было обстреляно наше орудие!

— Ну что ж, постоянно наши орудия обстреливаются артиллерией врага. В этом нет ничего нового.

— Я понимаю вас. Но в этот раз возник куда более серьезный вопрос, чем раньше. Два дня назад, рано утром, мы выпустили первый снаряд по их батарее. Не прошло и одной минуты, как прилетел ответный вражеский снаряд, прямо в то укрепление, из которого был сделан наш выстрел. Нам повезло в том смысле, что в этот момент солдаты-артиллеристы вышли из капонира за новыми снарядами. После этого я сам отдал приказ прекратить огонь. Однако вчера в полдень, после первого же выстрела... Угадайте, что случилось?

— Они открыли ответный огонь по батарее!

— Не по батарее! А ответный снаряд взорвался на бруствере перед тем самым орудием, которое стреляло. Солдат из артиллерийской прислуги был тяжело ранен, и неизвестно, выживет ли.

Дело принимало необычный оборот. Каждая наша батарея имела как минимум шесть орудий, размещенных внутри земляного укрепления на разных расстояниях друг от друга и нацеленных в разные стороны. В предыдущих случаях ответный огонь врага поражал, грубо, район всей батареи, пальмовую рощу, иногда соседние глинобитные домики. Но сейчас майор вел речь об удивительной точности в наведении вражеского ответного огня, в обнаружении цели.

— Может, по вспышкам засекали во время ночной стрельбы, или агентура работала!

— Меньше недели, как мы передислоцировались на новые позиции. Ночью еще не стреляли, так что по вспышкам враг никак не мог засесть нас. Что касается вражеских агентов... Вы, наверное, меня не поняли. Я сказал, что их огонь поразил то самое орудие, которое по ним выстрелило.

Я был ошеломлен услышанным.

«В чем же состояла моя работа в это время? Что я должен был заметить и не заметил?»

Он вновь поднялся с места и подошел к конторке. Указал одному из офицеров на стол позади карты и что-то коротко произнес, чего я не расслышал. Офицер подал ему письмо, и майор, возвращаясь ко мне, просматривал его. По красной печати наверху бланка я понял, что письмо секретное. Он сел напротив меня. Да, письмо было с грифом «Совершенно секретно»!

— Будьте добры, прочтите!

Я удивленно протянул руку. Впервые на моей памяти армейский офицер давал бойцу сил само-

обороны секретный военный документ. Я взял письмо. Вверху, как это принято, провозглашалось имя Аллаха, а ниже стояло: «Главный штаб Группы войск “Юг”», тут же — эмблема сухопутных войск.

Текст письма был таков:

«Согласно полученным разведывательным данным, противник на нашем театре военных действий ввел в бой радарную установку «Цимбелин» французского производства. В этой связи предписывается в срочном порядке собрать и передать в Главный штаб любую информацию, касающуюся указанного радара, для принятия мер по уничтожению его силами авиации».

Я поднял глаза от текста. Интересно, какое отношение этот радар имеет к артиллерии? Письмо продолжалось так:

«Характеристики радарной установки «Цимбелин».

Согласно имеющимся сведениям, этот радар является наиболее технически совершенным средством обнаружения артиллерийских орудий, минометов и ракет среднего радиуса действия, причем погрешность в его работе не превышает +/- 5 метров. От радара сведения передаются на линию огня противника, и наши орудия подвергаются прицельному подавлению. К сожалению, нет никаких фотографий установки, неизвестны также ее габариты. Косвенная информация указывает, что способ работы радара основан на обнаружении орудийных стволов в процессе их работы. Другими

словами, радарная установка после нашего выстрела засекает движение снаряда, математическим методом вычисляет его траекторию и в точности определяет место, откуда был сделан выстрел.

Заключение:

Предписывается предпринять следующие меры: Наблюдателям передового базирования установить местонахождение указанного радара.

Командирам артиллерийских подразделений после попадания под точный ответный огонь противника немедленно менять местоположение всей батареи».

Письмо было скреплено печатью и подписью Командующего Группы войск «Юг», а копии расписаны получателям, обозначенным лишь номерами.

Значит, я и Амир должны приклеиться к окулярам биноклей и выискивать радар. Но оставался важный вопрос...

— Господин майор! Поскольку нам неизвестны ни внешний вид, ни силуэт радара, ни его габариты, например, похож ли он на корабельный радар, который крутится над головой, или скорее на тарелку противоздушных сил, а может, на что-то другое... Каким образом мы его найдем? Допустим, мы его даже видим, и он не замаскирован. На нем ведь не будет написано: «Дорогой наблюдатель! Это радар «Цимбелин»!»

— Что ж, наша работа по меньшей мере столь же трудна, как ваша, — ответил майор. — Следует менять положение всех орудий, согласно приказу.

А после того, как найдут новое место и сделают окопы и насыпи капониров, после первого же выстрела радар их обнаружит. В любом случае...

— Хорошо. Согласен. Я передам ребятам...

— А куда вы так торопитесь? — спросил майор. — Я просил принести вам чаю.

— Нет, лучше мне поскорее ехать и начинать искать радар.

Ни в коем случае майор не должен был догадаться, что я сегодня кухонный работник и спешу надеть засаленный передник, чтобы поварешкой отмерять в миски бойцов баклажанный хореш.

Он подал мне руку. Я откозырял на прощанье. Офицеры были заняты разговором над картой. Опять я прошел через вестибюль и двор и, не взглянув на часового в будке, зашагал по улице. Моя окровавленная одежда наверняка всех, кто меня видел, повергала в шок.

Я миновал полные мусора баки. Собака всё еще была здесь. Но теперь она разлеглась в тени баков.

А возле колеса фургона я увидел скатерть, в которую был завернут хлеб! Она была раскрыта, и хлеб вытащен. Всё было ясно. Хлеб-то был в крови Парвиза!

Я поскорее вернул скатерть и хлеб в кузов. По крайней мере четыре лепешки были в красных пятнах крови. Хотя вся моя одежда была окровавлена, я все-таки старался руками не трогать эти пятна на лаваше. Эти лепешки я отделил от остальных и бросил их в мусорный бак. Они перевернулись в воздухе и, ударившись о край бака, упали на асфальт.

Собака пепельного цвета неспешно поднялась и, хромая, подошла к лепешкам. Ее правая лапа была покалечена, а на морде виднелась рана от осколка. Обнюхав лепешки, она начала с них слизывать кровь. Я содрогнулся, нужно было уезжать отсюда. Лучше бы я эти лепешки в реку кинул. Там, правда, они бы достались акулам...

Нужно было думать об обеих моих задачах. Достать еду бойцам и начать искать радар. Первое мне делать не хотелось, но, раз уж так выпало, один раз сделаю. Второе — дуэль с артиллерией врага — меня очень привлекало, хотя я понимал, что шансы обнаружить то, внешний вид чего неизвестен, близки к нулю.

Я завел двигатель, тронулся и вскоре газанул, пригнув голову внутри кабины, чтобы так миновать зону риска. А риск для меня был в том, что майор и другие офицеры могли увидеть меня за рулем кухонного фургона.

«Помоги Бог расхлебать ту кашу, которую ты заварил, Парвиз!»

ГЛАВА 5

Амир спросил с тревогой:

— А что сделал Гасем?

— Гасем еще издали увидел, что в фургоне выбиты стекла и я за рулем, и сразу понял: что-то случилось. Он отправил Казема в госпиталь, на всякий случай. Ты давай, ешь! Мы с тобой по очереди будем дежурить — радар искать.

Амир едва притронулся к еде. Когда у нас кого-то ранило, ребята всегда так вели себя: по полчаса не могли есть. Словно это была наша вина, что вражеская артиллерия по-прежнему громила город. С Амиром у нас было полное взаимопонимание. По сравнению со мной он — толстяк, но по нефтекомбинату лазал всегда с большой ловкостью. Работали мы с ним посменно: ночь — он, ночь — я; кто-то из нас каждую ночь дежурил на берегу, засекая по вспышкам вражеские орудия.

— А с фургоном что будешь делать?

— Ничего! Хочу просить отца Джавада. Может, он примет фургон.

— Но ты же знаешь, что он не согласится, раз уж ушел с него.

Я развел руками.

«Друзья нас утешают, поистине...»

Амир, конечно, расстроился, что мотоцикл сломан. Сегодня была его очередь дежурить на берегу и засекаать выстрелы, и без мотоцикла ему придется идти туда пешком. Если только он не поедет на чудо-машине Парвиза!

— Значит, майор не сказал, как он выглядит? Хотя бы предположительно... А так ищи что хочешь: там, за рекой, в пальмовых рощах, в тростниках что-нибудь да найдется.

— Этот господин майор, военная косточка, он этак по-офицерски команды дает. Но ты не расстраивайся: будем искать. Найдется так найдется. А нет — так мы документы с красной печатью не подписывали, пусть берут с нас объяснения.

Однако Амир, как всегда, оказался рассудительнее меня и подметил то, на что я во всей этой суматохе не обратил внимания.

Он со злостью заявил:

— Найдется так найдется? Ты как будто не понимаешь. Они нас обстреливают с того берега — снаряды, ракеты... Сколько мы труда положили, чтобы их засекаать и давать им ответ — хоть из старых наших пушчонок...

— Правильно, и что дальше?

— Как «что дальше»? Они ведь привезли радар, который совершенно безошибочно находит каждое наше орудие после выстрела. И вот они стреляют, а для нас дать ответ — значит подвергнуть разгрому свои орудия и смерти — своих бойцов. Как же в таких условиях, под таким огнем — вообще защищать город?

Амир был прав. Раз уж майор, со всей своей военной фанаберией, взял себя в руки и отбросил все обиды и надменность, — значит, положение и впрямь серьезно.

— Ты меня прямо ошеломил, — продолжал Амир. — Пока орудие не выстрелит, радар не может его засечь. Так я понял? Удивительное дело. Это всё напоминает лягушку.

— Лягушку?

— Ну да.

— А при чем тут лягушка? — спросил я. — Какая связь?

— Связь есть. Я давно когда-то читал, что у лягушки двумерное зрение. У человека трехмерное, то есть он видит предмет реальнее. А лягушка нет. Вот, например, муха, вроде бы, ее пища, но если муха сидит неподвижно прямо перед глазами лягушки, та ее не заметит. Она часами может сидеть, а лягушка умирает с голода, но на муху не посягнет. Но если муха хоть немножко пошевелится, та ее мгновенно проглотит!

— Господин специалист по лягушкам! Значит, мы теперь — та муха, которая, чуть пошевелится — станет лакомым кусочком? Дай-ка я лучше переоденусь. С утра столько всего было — словно сто лет прошло...

Я начал расстегивать гимнастерку, а Амир ушел к кухонному фургону.

Я снял гимнастерку и исподнюю рубаху, и открылась зеленая нашивка, которую мать пришила мне на рукав. Очень хотелось совершить омовение, но на этом наблюдательном пункте воды было

в обрез, только на самые крайние нужды. Следовательно, придется ждать до вечера, когда поеду к реке.

Я очень устал. И оставался непрочитанным дневной намаз и вечерний — это притом, что пропустил утренний! Что ж, свяжись с таким человеком, как голубятник-Парвиз, — еще не то получишь...

«Хоть бы отец Джавада дал согласие! Если не даст, сколько еще дней мне ездить на этом драндулете?»

Ребятам берегового отряда я объявил: «Кто займет место раненого товарища и станет возить еду, тот совершит доброе дело». Но они лишь улыбались в ответ, дескать, «а сам-то ты — что?» В результате всех эти волнений я даже забыл, как правильно совершать омовение: сначала лить воду на левую руку или на правую?

...Сначала от меня от лица отняли правую руку. Но я не проснулся. Потом осторожно стали меня дергать за ноги. Всё это перед вечерним закатом, перед тем, как я отвез Амира в береговой отряд... А он, выходя из фургона, еще раз напутствовал меня:

— Обязательно заскочи к Асадолле! Введи его в курс дела! Скажи, что, пока это всё разъяснится, мы не запрашиваем огонь! Ну, до свиданья!

И он начал работать с рацией, которая удобно висела у него на поясе. Загорелся огонек ее батареи. Убедившись, что рация работает, он пошел на позиции берегового отряда. Ему предстояло бодрствовать до утра: залечь на крыше и не отрываться

глаз от того берега. А я спокойно иду до утра под теплое одеяло... Но что делать с фургоном? Отец Джавада...

Отец Джавада выслушал меня молча, опустив голову. Он был всегда спокоен. Даже в тот день, когда мы принесли ему весть о гибели его единственного сына... Когда мы вышли на кухню, он и его товарищи, отвернув лица от обжигающего пара, перетаскивали большой котел с пищей на специальную подставку. Он обернулся и увидел нас на пороге кухни...

Мы с Гасемом стояли, опустив головы. Ничего не говорили. И он ничего не сказал. Только опустился на пол. Ясно было, что он давно ждал того момента, когда придут двое и сообщат ему, что его сын стал шахидом.

Отца Джавада подняли с пола. Гасем взял его под руку и говорил на ухо что-то, чего я не слышал. Раздался лишь громкий возглас отца Джавада: «Мы все от Него и к Нему вернемся!» И мы все пошли к нему домой, чтобы сообщить эту новость матери Джавада...

— Согласен! Только вот надо бы...

Итак, он сказал «согласен». Замечательно! От части наследия Парвиза я освободился!

— Только вот я мать Джавада отправил... проведать дочку. Завтра я должен встретить ее на пристани, но я не знаю точно, с которым катером она вернется. Может, два-три дня ждать придется.

Итак, вопрос был решен, но и не был. Хаджи сказал «согласен», но несколько дней придется ждать. Моя репутация была явно под угрозой.

«Достаточно майору раз увидеть меня из его шикарного джипа в этом фургоне или в фартуке и с поварешкой...»

— А ты к матери Джавада совсем не заходишь! Перед отъездом она мне жаловалась на тебя. Я уж ей объяснил: у ребят тысяча забот. А как время появляется, заходят, навещают ее...

Я так был рассержен, что, забыв о вежливости, ничего не ответил ему.

— Когда же вы, иншалла, вернетесь, точно?

Рассмеявшись, отец Джавада стукнул меня по плечу:

— Когда, точно не скажу, но вернусь обязательно! Будь уверен!

Я прекрасно знал, что не только я, но и все ожидают от него, что он вновь возьмет на себя пищевой фургон, и все-таки он откладывал это. Грустно мне отчего-то стало. Я холодно попрощался с ним.

«Всё у тебя, парень, не по-человечески! Тебе что, весь род людской задолжал? У тебя есть твои трудности, но при чем тут этот старик?»

Я оглянулся. Отец Джавада из шланга смыл со скамейки кровь от мясных туш, еще один старик тряпкой оттирал засохшую кровь. Другие работники относили к фургону посуду. В меню были котлеты с солеными огурцами — всё это заворачивалось в лепешки лаваша. Точно как говорил женщине Парвиз: «На ужин котлеты будут, миски им не нужны!»

* * *

— Е... ду до... ста... вил?

— Успокойся! Мы решили вначале заехать тебя проведать!

Парвиз лежал на кровати. Трубки с чем-то желтым тянулись к его животу, и там, где они касались простыни, она была слегка запачкана кровью. Над койкой была укреплена табличка: «Есть и пить запрещено». Его внутренности получили несколько разрывов, и сестра отделения сказала мне: «До утра обязательно доставим его на «большую землю» — вертолетом». Одно упоминание вертолета говорило о тяжести его раны.

Этот маленький вертолетик каждый день с сотней хитростей добирался к нам по-над морем и вывозил лишь самых тяжелых раненых. Летать ему приходилось невероятно низко, чтобы не сбили.

В отделении госпиталя было больше тридцати коек, составленных едва ли не впритык одна к другой. Даже сестры пробирались между ними с трудом.

В каждой руке Парвиза стояло по капельнице: одна с прозрачной жидкостью, другая — с кровью. Улучив момент, я прочитал на пакете группу крови: В+. Такая же, как у меня, — вот совпадение!

— Ну вот тебе и отпуск, которого ты хотел. И не три-четыре дня, а запросто два-три месяца!

Он произнес слабым осевшим голосом:

— За... втра... моро... женое... не... забудь!

И всегдашняя его скрытая, злорадная улыбка мелькнула на губах. Я внимательно взглянул на него.

Выглядел он, конечно, неважно. Врач говорил, что нужна срочная операция. Потерю крови возмещали капельницей, но состояние его было очень неустойчиво.

Я смотрел, как кровь, капля за каплей, вытекала из основного пакета в накопитель поменьше, и оттуда уже, по узкой трубке, в его вену...

— Я оч... ень... пло... х?

Я подумал, что, если буду говорить с ним слишком мягко и успокаивающе, то это его, наоборот, испугает.

— Да, очень плох! — сказал я. — Думаю, тебе конец! Ну, машину ты нам свою царскую оставил, а как с остальным имуществом — завещание обдумал уже? Наверное, рад донельзя, что спихнул на нас твоих частных клиентов?

Я начал поигрывать с трубкой его капельницы. За месяцы, что миновали с начала войны, Парвиз, как и я, видел гибель многих наших друзей. Он знал, какими глазами смотрят на умирающих. И потому я во что бы то ни стало хотел избежать прямого взгляда ему в глаза.

Я вспомнил женщину в черном арабском платке, который она сняла, чтобы я перевязал Парвиза.

— Парвиз! До того, как ты отдашь концы, скажи мне вот что. Эта женщина, которой еду отвозили, — кто она? Зовут как?

— Ги... ти...

Ему трудно было говорить.

— Ги... ти...

— Гити? Я понял.

Он подтвердил жестом пальцев. Издали сестра отделения поймала мой взгляд и, встав, решительным жестом показала, чтобы я заканчивал.

Я знал, что всем раненым кололи обезболивающее, и все-таки здесь и там слышались стоны. Я жестом успокоил сестру: мол, скоро уйду!

— Итак, господин Парвиз, надеюсь, что, по воле Аллаха, ты попадешь в ад. Когда будешь туда проваливаться, посмотри в небольшую дверцу: увидишь, как мы с ребятами в раю играем в футбол. Тут-то тебе станет завидно... Ну ладно, мне пора идти. Поручения будут?

Я чувствовал, что мелю полную чушь. Но мозг мой ни на что лучшее не был способен. Как еще отвлечь его от того страшного положения, в которое он попал?

— Скажи... До... дома... не говорить!.. Не знают... не говори.. те... им...

— Ну ты давай, не глупи, парень! Как это — не сообщить домашним? А кто будет за тобой ухаживать?

Сестра уже стояла рядом со мной, просительно приложив руку к груди.

— Нет... После... завтра... Свадь... Свадьба... Сестры моей... Рас... строит...

Я уверил его, что понял, и обеими руками сжал ему правую руку. Но он был настолько слаб, что уже ничего не мог мне ответить. Не мог даже произнести слов «до свидания». Я отвернулся и пошел к выходу. Со вчерашнего дня он носился с этим отпуском, и вот только сейчас я узнал, отчего была вся эта спешка. Оказывается, у его сестры свадьба! Почему же он не сказал мне об этом? Свадьба при таком состоянии Парвиза легко могла превратиться в траур. Но что я мог поделать? И так уже котлеты заждались меня в кузове фургона...

ГЛАВА 6

Дым затягивал небо, такой густой, что красный цвет заката был едва виден над крышами. Я въехал в квартал Гити, затормозил. Мне было не по себе. Всё еще не хотелось мне заезжать в этот квартал, всё еще страх оставался!

Я взял свою зеленую сумку и вышел из фургона: пока не стемнело, нужно было обследовать воронку. Тот самый взрыв, внезапный, когда мы с Парвизом не успели выскочить из кабины.

Снаряд угодил прямо в глинобитную стену: в ней зияла большая дыра. А по всей площади взрыва, тут и там, виднелись осколки, они образовывали странной формы треугольник. Траекторию выстрела вряд ли можно будет определить, разве что узнаю тип снаряда. Присев, я подобрал один из осколков. Толщиной в два пальца, в длину он полностью закрывал ладонь руки. Осколки мины всегда были меньше этого. Значит, снаряд пушки или гаубицы. Напрягая в сумерках глаза, я оглядывался в поисках стабилизаторов. Шестиперый стабилизатор мины падает не более чем в двух-трех метрах от взрывной воронки, и, если бы он был, то я бы его нашел. Поэтому я записал в тетрадке:

Снаряд орудийный, 122 или 130 мм. **Траектория:** не определяется. **Время:** 12-30.

Убрал тетрадь и компас в сумку. Со стороны фургона послышалось громкое бульканье. Я прислушался, но тут небо осветил первый за этот вечер луч вражеского осветительного снаряда. Он был похож на лампу, которой кто-то играет, крутя ее, и от него все тени улицы сдвигались по-новому. Я замер: зрелище было захватывающим. Этот луч света перенес меня в какой-то иной мир. В воспоминания о детстве и о кострах праздничных вечеров...

Потом я посмотрел направо. Там горела нефть, выделяя обильный дым, там было странное безмолвие вечера, и был проем больших железных ворот, которые оставались здесь же, прислоненными к стене; а этот пустой проем превращал квартал из тупикового в открытый.

И вдруг мне показалось, что сторож парка, как в детстве, бежит за мной и за ребятами. В этом самом месте я встретил и сторожа этого квартала. Он сидел на своей табуретке, прислонясь к стене, дремал в крохотной тени от ворот. Ребята шептались о чем-то, а я, не понимая, что это за квартал, спросил: что это за место?

— То самое место и есть!

И все рассмеялись, кроме меня. Потом один из них приблизился к моему уху и прошептал то, что для меня всё равно было загадкой. Это было то самое место, в которое до революции буквально рвались иностранные матросы, когда они сходили на берег в нашем порту, и за это их, бывало, колодили местные. От услышанного я весь покраснел, как мак.

Когда я пришел в себя, я всё еще был в этом же квартале. Кроме больших ворот здесь были воротца поменьше, и в них-то и исчезли ребята, оставив меня одного. Потом из какой-то двери вышла молодая женщина в цветастой накидке. Я смотрел на нее во все глаза. Наверняка это одна из тех женщин. Ее нарумяненные щеки, зеленые подглазья и то, что она жевала резинку, придавало ей необычный вид. Не заметив меня, она подошла к сторожу, очнувшись от своей дремы. Сторож ухмыльнулся, глядя на нее, а она, под предлогом того, что поправляет накидку, раскрыла ее. Под накидкой я увидел в ее руке красную пластиковую сумку для базара. Еще на ней было что-то белое без рукавов, с расстегнутыми на груди верхними пуговичками, оставляющими открытым ее горло. Сторож негромко проворковал:

— Скоро вернешься?

Женщина бесстыже рассмеялась:

— Ага! А ты боишься, что Хоршиду тебя заругает?

И они оба засмеялись, глядя друг на друга. Не переставая смеяться, она обернулась, и тут увидела меня и замолчала. А я всё еще не мог прийти в себя: неужели я вижу такую женщину? У нее были длинные ресницы и глаза цвета меда. Она глазами указала на меня сторожу. А он вдруг вскочил с места и схватил свою дубинку.

— А ну пошел отсюда, сукин сын!

И кинул в меня дубинкой. Послышался умоляющий крик женщины:

— Не бей его! Грех это! Пожалей его!

Дубинка ударила мне в правую голень, и мой крик слился с криком женщины. От боли я зажмурился, а когда открыл глаза, она склонялась надо мной, повторяя:

— Грех это! Смотри, что ты с ребенком сделал.

Сторож дернул ее за руку:

— Иди себе! Это не твое дело!

Я вскочил и, хромая, побежал прочь.

Удирал, а все-таки оглянулся: женщина вытирала уголок глаза. Может, слеза капнула, а может, поправляла искусственные ресницы...

Нога очень болела. В укромном переулке я поднял штанину: посинело, и красный кровоподтек и опухоль!

...К началу первого урока в школе я опоздал и прибежал к маме, потому что без нее я боялся идти в школу. И вот она мыла мне ноги и в третий раз спрашивала, почему я опоздал на урок и откуда этот синяк. А я не отвечал до тех пор, пока она не поклялась, что не расскажет отцу. Тогда я выложил ей всё. Она опустила голову... Но в моем мире были вопросы поважнее, и вот я преодолел себя и спросил ее:

— Ну хорошо, но зачем? А? Эти женщины должны туда идти?

Быстрый взгляд матери, однако, показал мне, что я слишком далеко, не по возрасту, захожу...

Уже полностью стемнело. Я вернулся за руль фургона и по недавним нашим же следам поехал к дому той женщины...

Ей предназначались четыре котлеты и две лепешки лаваша.

«Неужели она из этой же категории? Нет, просто ей негде больше жить! Но если бы она не была из таких, разве выбрала бы этот квартал?»

Держа котлеты с хлебом, я ждал. Я уже посигнализировал, но старая деревянная дверь оставалась закрытой. Еще раз погудел, на этот раз долго не отрывая руки от сигнала. Дверь неподвижна. Может, когда мы уехали, было еще одно попадание, и ее убило? Может, ее труп лежит там, в доме, в луже крови? А я, во власти упрямства и детских смутных страхов, так и буду стоять здесь, поодаль?

Преодолев себя, я подошел к двери вплотную. Ее дерево потемнело до цвета жженого кофе, о древности двери свидетельствовало и то, что запиралась она на засов изнутри.

— Кто там?

Это был ее, Гити, голос.

— Это я. Ужин привез.

Створка двери чуть приоткрылась, и я разглядел силуэт женщины в черном платке и с большой клюкой в руке. Узнав меня, она убрала палку за дверь и, не говоря ни слова, взяла лепешки с котлетами. Я стоял в растерянности. Может, эта моя медлительность ее удивила.

— Еще что-то?

— Нет, ничего! Вам ничего больше не нужно, ханум¹?

И тут она взорвалась. Выпучив глаза и подбоченясь (хотя и не выпускала из рук лаваш с котлетами),

¹ Ханум — «госпожа» (перс.), а также иногда употребляется в качестве обращения к проститутке.

она заорала изо всех сил, на которые только способна женщина:

— Мать твою ханум! Тетка твою! Твою мать, сукин сын!

И захлопнула двери. Прошли секунды, пока этот взрыв как-то отпустил меня. Потом я сел за руль.

Уже тронув фургон, я почувствовал, что раздражение мое не только не проходит, но и нарастает.

«Обругала мою мать! Мою мать, которая ничего ей плохого не сделала! Что я такого сказал? Я обратился к ней вежливо. Привез ей ужин. Чтоб она им подавилась! Тупое создание! Что утром, когда платок сразу сняла, что сейчас, когда вежливость встретила бранью. О Парвизе даже и не подумала спросить! Но ладно. Ладно. Чтоб я тебе еще раз привез? А этот чертов инженер? И ему не повезу! Я что, слуга им, что ли? С вечера до утра дежурство, а потом с утра поварешку в руки и фартук на пояс — и служить госпоже Гити и сумасшедшему инженеру? Буду возить провизию только в отряд, и точка. К чертям остальных! Пусть, как люди, получают в мечети. Вообще, лишь по вине Парвиза и его ранения всё это на меня свалилось...»

В этот момент машина резко налетела на что-то, точно на стенку, и меня бросило вперед.

Если бы ветровое стекло было на месте, я разбил бы лоб, но и так сильно ударился грудью о руль. И к моим прежним ушибам добавился этот. Я начал растирать грудь.

Выйдя из кабины, заглянул под колеса. Это был железный столб линии электропередачи, сегодня

разорванный напополам и упавший поперек улицы, полностью ее перегородив. Я сильно пнул его: нужно же было на чем-то выместить досаду за сегодняшнее злополучие!

Я включил заднюю передачу и тронул фургон назад, и вдруг голубые лучи осветили высокие здания там, впереди, на перекрестке. Я затормозил. Слышался рев нескольких мощных моторов, с каждой секундой делающийся громче. Выскочив из кабины и откинув переднее сиденье, я схватил «калашников» Парвиза. И с этим оружием в руках перепрыгнул через поваленную опору и побежал вперед, опасаясь препятствий вроде битого кирпича и вылетевших из домов оконных рам и дверей... Темнота могла таить и другие опасности, и я напрягал всё тело, надеясь преодолеть их.

Перекресток едва освещался голубоватым светом, ослабленным маскировочными фильтрами, — это светили фары больших тягачей. Я узнал их массивные силуэты: за каждым грузовиком-тягачом темнел еще один устрашающий контур с длинным стволом. Вот проехал первый тягач: на прицепе у него 130-миллиметровая пушка. За ним второй, и опять пушка... И так шесть машин с шестью пушками, а следом за ними — джип майора. Значит, майор перебазировал куда-то дивизионную артиллерию.

Я укрывался за выступом стены. Когда проезжал майоров джип, я не разглядел, кто в нем, но наверняка там был сам майор. И так, из-за радара он перебрасывает орудия. Но, как говорит Амир, чем же мы тут можем помочь?

Бегом, опять перескочив поваленную железную опору, я вернулся к фургону. Если бы не она, сейчас меня бы на этом фургоне встретил майор — то-то посмеялся бы надо мной! Значит, всё сложилось к лучшему.

Я повел фургон дальше — тем осторожнее, чем ближе подъезжал к реке: чтобы с того берега не услышали меня. Остановил фургон недалеко от водяной цистерны возле штаба берегового отряда. А впереди виднелся мотоцикл и другой фургон, без крыши!

«Фургон минометчиков! Они тут что делают?»

Я вышел из кабины. Казем, не говоря мне ни слова, запрыгнул в кузов и начал отсчитывать котлеты для берегового отряда. Он был единственным надежным человеком, который никогда не ошибался в количестве порций.

— Котлет достаточно?

— А ты чего об этом беспокоишься? Бери себе свою порцию!

— Алейкум ас-салям! — послышалось сзади. — Дорогой новый водитель кухонной машины! Что же ты еще часика два нигде не поездил?

Это был голос бородатого Асадоллы. Я нервно улыбнулся: только его не хватало. Мне вспомнились его ехидные смешки по рации.

— Господин Асадолла! Опять не туда попал. Никак не могу найти твой «апельсин».

— Успокойся, парень! — отпарировал он. — Опять с утра, перед тем как подняться на наблюдательный пост, морковный сок не выпил? Совсем глаза плохо видят? Наводчикам привык давать

команды по рации: доворот влево, доворот вправо — думаешь, всем процессом командуешь?

Он даже анекдот про наводчиков сочинил:

«Ребята, знаете, в адрес наблюдателей поступило некое поощрительное письмо с того берега, — он кивнул в сторону врага. — Благодарят за неустанный труд и за требования артиллерийского огня, за начинание, которое помогает вспахивать их земли и восполнять недостаток в них металлов. Так и пишут: «Иншалла, после конца войны, что совпадет с окончанием пахотного периода, всем наблюдателям будут в ходе торжественной церемонии в Басре вручены памятные медали». И подпись: «Министр сельского хозяйства Саддам»!

Асадолла выдал эту тираду и первый же захотал...

Раньше он сам был наблюдателем и тогда честил в хвост и в гриву артиллеристов, а теперь стал минометчиком, и гнев его, равно как и язвительность, перенеслись на наблюдателей. Но мне этим вечером было вовсе не до шуток. Ругань той женщины всё не шла из головы, и я чувствовал, что, если Асадолла повторит какую-нибудь одну — хотя бы одну — из своих обычных шуток, я взорвусь как заряд тротила от сработавшего капсюля. Действительно, взорвусь и уже не буду за себя отвечать, поди, угадай, на что я тогда буду способен. Асадолла, видимо, понял это, потому шутить перестал. Сказал уже серьезно:

— Мы тебя ждали. Все собираемся в штабе минометчиков на совещание.

Ничего ему не ответив, я вошел в здание нашего отряда. Как всегда, дымил закопченный фонарь. К этому фонарю, вообще-то, у меня уже возникли сентиментальные чувства. Гасем так говорил:

— Что толку? Если уберешь фитиль, то пламя будет ближе к нефти, и опять вспыхнет.

Тем не менее я и сейчас укоротил фитиль. Из мрака вынырнула фигура Гасема. Свет фонаря еще резче выделял его скулы и запавшие глаза.

— Амир уехал на мотоцикле.

— Куда?

— На позиции минометчиков. А я тебя остался ждать.

До меня только тут дошло:

«На мотоцикле? Значит, его починили?»

— На моем мотоцикле уехал?

Гасему этот вопрос показался странным, и он ответил с нажимом:

— Естественно, на нем. Поехали скорее. Асадолла здесь засиделся.

Увидев мои колебания, Гасем еще больше удивился:

— Чего ты мешкаешь?

— Мне на фургоне ехать?

Опять вопрос той же категории! Кухонный фургон оставался по ночам в береговом отряде на тот случай, если кто-нибудь будет ранен. Тогда фургон становился санитарной машиной. Через некоторое время после начала войны Гасем выработал такой план: выводить ребят на позиции на пристани, чтобы они стреляли по врагу, а также отвлекали бы на себя огонь вражеской артиллерии...

— Не нужно. Асадолла для этого и приехал на своем фургоне.

Хотя я и зол был на ту женщину, почему и инженеру решил не отвозить еду, все-таки, если бы я распорядился пищевым фургоном, я бы мог изменить свое решение. Насчет инженера у меня были кое-какие мысли.

Асадолла по дороге на свой участок продолжал словесную дуэль со мной, хотя я и молчал.

— У нас дома остался фартук моей матери. Нужен тебе? Не церемонься! Тебе в дар отдаем!

И он засмеялся.

— Мы по рации с таким важным человеком и раньше не дерзали спорить, а теперь вообще... Слово против скажешь — он порцию напополам срежет!

Даже Гасема Асадолла не стеснялся — тот сидел, о чем-то задумавшись. Ни слова за всю дорогу Гасем не произнес. Он всегда таким делался, встречаясь с какой-то новой трудностью.

Когда он впервые выдвинул тот свой план насчет пристани, мы все на миг подумали, что он сошел с ума. Но на деле всё оказалось точно просчитанным.

На вид план был очень прост. В обычные дни враг выпускал по городу какое-то число снарядов, и господин Гасем потребовал от нас считать ежедневно это количество и сдавать ему сводки. Результат оказался удивительным. Даже в самые спокойные дни без боев враг делал по городу сто восемьдесят выстрелов плюс-минус 10. Так мы поняли, какое количество снарядов выделяется

ежедневно на разрушение города. Согласно плану Гасема, мы каждый день рано утром, открывая огонь по передовой линии врага, вынуждали его тратить часть боеприпасов на ответный огонь по нам вместо огня по городу.

План, конечно, был рискованный... Ребята, заняв позиции на бетонных причалах, вели огонь не дольше одной минуты, а затем, еще до начала ответного огня вражеской артиллерии, успевали укрыться в единственном убежище возле реки. Так мы избавляли город от обстрелов.

План был неизменно успешен, за исключением дня, когда Парвиз пренебрег необходимостью прятаться в убежище и получил вражеский осколок в глаз. И навсегда после этого он остался без одного глаза. Гасем позже говорил, что Парвиз был слишком слаб от голода, едва на ногах стоял, потому и замешкался. Он, мол, сорок восемь часов не ел. Не есть сорок восемь часов? Я до сих пор не понимаю, как это, будучи водителем кухонного фургона, можно столько голодать?

— ...Мотоцикл? А он был исправен.

— Но я сам всё утро с ним возился, так и не завел!

— Ремонтник сказал, свеча была наполовину выкручена. Ты свечи трогал?

Вопрос Амира меня рассердил.

«Зачем мне было свечу выкручивать?»

— А как ты узнал, что мотоцикл исправен?

— Его привез один из парней мастерской. Сказал, что владелец просил закончить ремонт к вечеру и доставить.

Амир и Асадолла смеялись. А я, кажется, начал понимать, в чем дело. Утром, после того, как я проснулся, пожалуй, единственным, кто подходил к мотоциклу, был Парвиз. Значит, это его рук дело.

«И поделом тебе, шайтан, ранение, помучайся с ним, поймешь, во что играешь!»

В небе не было месяца, и тот большой окоп или котлован, где располагались минометчики, освещался только светом редких звезд, что видны были сквозь застилающие небо клубы дыма. Освещение, достаточное лишь для того, чтобы отличить большой темный предмет от большого светлого.

Устроенный минометчиками котлован напоминал лунные кратеры: выемка в земле, а вокруг кольцом бруствер, и торчат стволы минометов, каждый на двух подпорках, высотой в рост среднего человека, на толстой стальной опорной плите. Сама эта плита, с тремя острыми шипами, плотно сидела на земле, принимая на себя отдачу от минометных выстрелов.

Мы расселись: Амир на бруствере, я и Асадолла на черных крышках зарядных ящиков. В этой огневой точке было два 120-миллиметровых миномета, стрелявшие попеременно. Количество минометчиков, выдвинутых сюда, менялось в зависимости от обстановки. Но мне сейчас было не до этого. Я был голоден и зол. На то немного, что сообщил во время поездки Асадолла, я вообще внимания не обратил.

Амир, играя гильзой от вышибного патрона, начал говорить:

— Вчера дивизионная артиллерия потеряла одно орудие. Три дня мы уже не работаем никакой артиллерией. Совершенно непонятно, что мы навлечем на свои головы, если начнем стрелять.

— Всё очень просто! — сказал Асадолла. — Вся эта рассказанная майором схема с радаром действует в интересах наблюдателей. А двух-трех минометчиков отправить на кладбище — тут разве есть что-то новое?

Никто не рассмеялся шутке Асадоллы, и во всё остальное время совещания он предпочел просто слушать. Кто-то из парней с зажженным фонариком вышел из-за домов справа. И, хотя он старался направлять фонарик вниз, все-таки отблески от асфальта освещали стены домов. Словно чернота дверей и стен втягивала в себя частицы света.

— Значит, нам стволы зачехлить и сидеть, лапу сосать?

Этот мой вопрос, кажется, всех ошеломил.

А свет фонарика приближался.

— Интересное дело! — произнес Гасем.

— Какое именно? — спросил Амир.

— Послушай, — продолжал Гасем. — Пока наше орудие не стреляет, ничто ему не угрожает. Но одного выстрела достаточно, чтобы местоположение засекли. А когда засекут?..

Всем нам был ясен ответ. Поэтому никто его не произнес вслух. Гасем продолжал:

— Удивительная ситуация. Отсутствие нашего огня означает инициативу в руках противника. А огонь наш — вроде самоубийства. Установка их прямо чудодейственная...

Я вспомнил свой разговор с Амиром и сравнение с лягушкой. Пока муха не шевельнется, лягушка ее не видит. Но с первым же движением мухи выстреливается длинный и липкий лягушачий язык, и муха попадает в зеленую лягушачью пасть!

На миг мне показалось, что мы, точно как неподвижные мухи, сидим в широком минометном окопе, а электронная лягушка на той стороне реки караулит наш выстрел.

— У меня есть мысль, — сказал Гасем. — Не знаю, получится или нет.

Все молчали.

— Если уменьшить этот минометный окоп, тогда, может, и получится.

— Господин Гасем! Поясните, мы пока не понимаем.

Лицо Гасема теперь озарилось светом фонарика. Это к нам присоединился Мухаммад, молодой паренек арабского происхождения, некоторое время назад он стал радистом Асадоллы.

— Разве майор не говорил, что погрешность радара пять метров?

— Это не майор говорил — в письме было.

— Тогда вопрос ясен. Слушайте меня! Или нам остается сидеть, сложа руки, и мучиться страхом, который закончится разгромом, или мы стреляем, и нас уничтожают.

— Нет, в первом варианте можно немного помешкать: вдруг мы его засечем на том берегу?

В ответ на эту реплику Амира Гасем рассмеялся.

— Согласен! Два дня, что мы будем уменьшать минометные окопы, ты с твоим напарником

ищите, может, найдете. Хотя разве известно, как он выглядит?

Гасем был прав. Мы даже силуэт радарной установки не знали. Может, он похож на другие радары, с крутящейся тарелкой. Я попытался представить себе эту тарелку, замаскированную на том берегу в переломанных пальмах и тростниках, и как я ее ищу с какой-то высокой точки наблюдения.

«Может, пристань и эти одноэтажные строения?»

Нет, нужна другая точка.

Я повернул голову в сторону нефтекомбината. Взорванные хранилища сильно дымили, и дым их северо-западным ветром несло над пограничной рекой на ту сторону.

«Может, одна из высоких точек на нефтезаводе?»

Но дым там застилал видимость. Нужно было искать что-то другое: высокое здание, наверху которого можно оставаться долго и в бинокль исследовать пальмовые рощи и уходящую в бесконечность пустыню позади их.

— План мой таков! — продолжал Гасем. — В течение двух дней — не более чем двух! — вы двое находите радар. Если нет, мы вынуждены будем вновь начать огонь, но уже с новой целью...

— Здание инженера! — воскликнул я.

Все повернулись ко мне, а Мухаммад прямо осветил мое лицо фонариком. Мухаммад! Он был единственным здесь, кто всегда в полном молчании слушал других — о нем же самом я ничего не знал. По большей части он сидел в одиночестве

где-нибудь в уголке и чуть слышно бормотал айаты Корана. На губах его, как правило, все видели спокойную улыбку, что само по себе в наших условиях граничило с чудом.

Свет фонаря резал мне глаза.

— Убери свет, дорогой! — попросил я его. — Я говорю о том месте, где можно сделать наблюдательный пункт. Один из сумасшедших дружков Парвиза живет в этом обгорелом семиэтажном здании. Я завтра с раннего утра займу там позицию.

Асадолла выглядел каким-то растерянным. Он чувствовал, что всё, что говорится, представляет некую угрозу для него и его парней. Гасем встал на ноги и, взяв фонарь из рук Мухаммада, небольшой щепочкой на ровном участке земли сделал ямку.

— Допустим, это наш миномет!

Затем он прочертил две параллельные линии и объявил:

— Это река, отделяющая нас от наших, так сказать, оппонентов.

Еще одна ямка на той стороне реки: радар; и два крестика.

— Это их пункт управления, куда радар передает свои сведения, а этот второй крестик — их батарея, которая стреляет в соответствии с указаниями радара.

После этого Гасем направил луч на меня и Амира.

— Если вы двое не найдете их установку... — тут он перевел луч на лицо Асадоллы. — Тогда господин Асадолла должен будет определенным образом обмануть радар!

— Каким образом? — Асадолла спросил это со своей обычной угрожающей ухмылкой, которая в свете фонарика стала еще более зловещей.

— А вот слушай. До сих пор мы говорили только о сильных сторонах их установки. Этого они и ждут от нас. Но я всё думаю об этих пяти метрах ошибки. А тем более, если установка не прямо напротив нас... Тогда мы каким-то образом должны убедить врага, что погрешность их системы гораздо больше пяти метров. Так, чтобы они сами засомневались в своем радаре — это нам и требуется. Пусть считают, что его погрешность превышает сто метров! А коли так, то это не отличается от точности работы тренированного наблюдателя, использующего только глаза и бинокль. Раз так, то мы квиты, и установка не будет казаться им надежной.

— Это всё хорошо! — откликнулся Асадолла. — Но вопрос-то был задан: каким образом?

— Точно таким же, как в первые дни мы, выходя на причалы, отвлекали на себя огонь от города.

И лучом фонарика Гасем обежал по брустверу минометного котлована.

— Этот окоп надо сделать гораздо меньше — узкой щелью. Из нее стреляем и молимся, чтобы сработала погрешность пять метров. Но на каждый их выстрел отвечаем своим.

— А как же минометчики?

— Для них сделать надежный блиндаж, связанный с минометным окопом. И после каждого выстрела — бегом в блиндаж!

Гасем сел на свое прежнее место и отбросил щепочку. Благодаря ее белизне было видно, как

щепка, упавшая на край зарядного ящика, какое-то время держалась на нем, потом пропала во тьме.

Некоторое время царило полное молчание. У нас было только два дня. Если не сумеем найти, тогда, по этому плану, Асадолла и еще кто-то из минометчиков должны будут сидеть в этом окопе и ждать себе на голову сорок два фунта в тротиловом эквиваленте — снаряд вражеского 130-миллиметрового орудия. В случае попадания была вероятность, что не сможем найти даже малейшего кусочка их тел.

— Лучше новый окоп вырыть на новом месте.

— Согласен, лучше. И еще одно! Никто, кроме самих минометчиков, ничего не должен об этом знать. Это очень важно!

При этих словах Гасем взглянул на меня, и я его понял. Молчание продолжалось. Шутки шутками, но всё принимало серьезный оборот. Начиналась смертельная игра с субъектом, который является неодушевленным, но который вот в этот самый момент внимательно разглядывает весь наш город. И достаточно нам чихнуть, как сработает автоматика и захлопнется пасть.

— Если они потеряют уверенность в этом аппарате и чувство безопасности, которое он им дает, а вместо этого получают сомнения, то мы, возможно, вернемся на первоначальную позицию. А именно: ответ выстрелом на выстрел. Но раньше всего этого вы двое должны сделать свою работу!

Наши с Амиром взгляды встретились. Если нам удастся отыскать замаскированный радар, то этот самоубийственный план окажется не нужен.

В глазах Амира я заметил искру упорства. План Гасема был куда рискованнее обычных боевых действий. Раньше, как только враг открывал огонь, все кидались прочь от вероятных секторов поражения. На этот раз основной прием состоял в том, чтобы остаться в секторе попадания! Почему? Потому что времени добежать до безопасной зоны уже не было. В том и заключалось всё дело. Остаться в зоне поражения снарядом врага, да еще при том, что окоп полон боеприпасов! Такого безжалостного способа ведения войны мы еще не применяли — причем теперь мы это делали по собственной воле.

Еще миг — и всё погрузилось в полный мрак. Гасем выключил фонарик. У меня на уме теперь было только одно: многоэтажное здание инженера! Инженера, который с обеда остается голодным...

ГЛАВА 7

Визг плохих тормозов фургона разорвал тишину вокруг семиэтажного здания инженера. Я ломал голову над тем, как мне выйти из неловкой ситуации: опоздал с доставкой еды...

Дверь фургона открылась с обычным своим скрежетом. Приподняв сиденье, я достал «калашников» и закинул его за плечо. Доверия к инженеру у меня не было. Полусумасшедший старик с этими странными вопросами, темная ночь...

Забрав из кузова лаваш с котлетами, лежавшими отдельно от порций берегового отряда, я поднял голову. И увидел, что окно третьего этажа освещено бледным светом фонаря или свечи и на этом фоне чернеет голова мужчины, рядом — черные силуэты кактусов. И опять тысячи вопросов взвихрились в мозгу:

«Зачем старику жить именно в этом здании? Почему он не уехал из города?»

Пока я шел к зданию, хоть что-то было видно вокруг благодаря слабому свету звезд. Но в вестибюле я погрузился в полную тьму. Постоял, надеясь, что глаза привыкнут к мраку...

— Поднимайся! Поднимайся наверх!

Это был голос инженера — старчески дребезжащий. Наверху забрезжил свет фонаря. Я половчее

закинул за спину автомат, поправил бинокль на груди и полез вверх по деревянной лестнице. Лаваш с котлетами я держал в правой руке на отлете.

Первая лесенка, за ней вторая... Когда голова моя поднялась вровень с третьим этажом, в глаза брызнул свет, от которого я невольно зажмурился. А когда открыл глаза, прямо передо мной сидел на корточках инженер...

И вот я уже присел на пружинную кровать и наблюдаю, как он торопливо ужинает. Он сделал из лаваша и котлет нечто вроде сэндвича, и видно, как он сильно проголодался.

— А ты сыт?

Вообще-то я не ел, но и голодным себя не чувствовал. Мною владело невероятное нервное напряжение. Я очень устал и хотел как можно скорее лечь отдохнуть. Я ждал лишь, пока он закончит есть.

Всё то время, что он ужинал, он на меня даже не взглянул. Не спросил, почему я опоздал — может, не разрешал себе это спрашивать.

Прикончив свои самодельные сэндвичи, он налил в чашку воды из контейнера и залпом выпил. Опустив чашку, вытер рот тыльной стороной ладони.

Я посматривал на сваленные кучей книги в декоративной нише. Инженер подошел к кровати, на которой я сидел, и сел рядом со мной. Кровать от этого спружинила. Я понимал, что мой приезд его удивил. О ранении Парвиза он наверняка ничего не знал, но ни сил, ни охоты рассказывать об этом

у меня не было. Единственное мое дело к этому старику состояло в том, что я собирался два полных дня провести на крыше здания — но не просить же мне его разрешения на это? Шла война, и потом, он сам не имел никаких прав на этот дом...

— Ну что, а где же твой друг?

Я не счел нужным отвечать. Тогда он встал, прошелся по комнате, затем, повернувшись ко мне, сделал мне знак рукой встать.

— Юноша! Во-первых, встань, пожалуйста, а во-вторых, отвечай! Что такое *what*?

Почему-то мне вспомнился крик Гити: «Мать твоя — ханум...»

Теперь этот... Случай номер два.

— Побыстрее отвечай! Что такое *what*?

Я, конечно, предпочел бы, чтобы в нынешнем ворохе проблем хотя бы инженер не был еще одной. Но похоже было, что он набил желудок и теперь, как сытый котик, ищет, с чем бы поиграть. Однако я был очень опасной игрушкой!

— Я последний раз спрашиваю. Если не ответишь, то выгоню тебя вон. Что такое *what*?

Я неторопливо достал из-за спины автомат Калашникова. Снял его с предохранителя и передернул затвор. Указал стволом на окно и взгляделся в изумленные глаза старика.

— Хочешь знать, что такое *what*? Член в рот! Черта в ступе! Ты меня утомил!

И я, не помня себя, нажал на курок. Очередь грянула как удар грома. Послышался удар пули обо что-то. Старик подбежал к окошку.

— Мой кактус в горшке!

Я посмотрел: одного из горшков на подоконнике уже не было. При этом я сам удивился своему хладнокровию. Безумный старик! Нашел время цветы разводить. Кактусы, видите ли.

— Вернись и подойди сюда! Быстро! — приказал я, и старик быстро подошел ко мне. Его била нервная дрожь.

— Зачем ты выстрелил в мой горшок?

— Не надоело ерунду молотить? Что такое *what*? Что такое *what*! Это и весь вопрос? Я не знаю, что приводило сюда моего друга, но у меня здесь есть работа — на два ближайших дня, там, наверху. А клоунадой заниматься нет ни времени, ни сил.

У меня был автомат, и у меня была инициатива. И я очень устал. Мне нужно было готовиться к завтрашней серьезной работе.

— На этом разговор заканчиваю. Я возьму одеяло и пойду спать наверх.

Инженер никак не отреагировал. Тем лучше! Мне нужно успеть выспаться...

...Какие-то звуки разбудили меня. Непонятый шум... Я открыл глаза. Еще было темно. С берега реки слышалась перестрелка. Резкий холод — вот что меня мучило. Я попытался поплотнее завернуться в одеяло. Согреться бы... Но нет, нужно было вставать, пора было читать утренний намаз...

— Ас-салам алейкум, ва рахмат Аллах, ва баракат...

Инженер громко храпел на своей постели. В конце намаза я трижды повернул голову направо и налево, затем прижал лоб к куску камня, который

использовал как мохр¹, и поцеловал его. Храп инженера был неритмичным, разлаженным. И таким громким, что вражеский дозор — слухачи — могли бы его засечь метров с пятисот; слава Богу, что этот инженер не у нас на передовой!

Я подобрал кусочек камня и, проходя мимо окна, выбросил его на улицу. В обычной жизни он мог упасть на голову кого-то из прохожих, но сейчас город был пуст из-за войны...

Я выглянул в окно. Внизу, на тротуаре, недалеко от фургона, валялись осколки горшка из-под кактуса — это чем-то напоминало воронку от взрыва. Голова моя чесалась — не помешало бы душ принять...

Со вчерашнего дня у меня осталось немного лаваша — я нашел эту лепешку и приступил к завтраку. Аппетит был зверским — а с его утолением приходило спокойствие. Я чувствовал, что выпался, и курьезными казались и вчерашняя моя автоматная очередь, и разбитый горшок с кактусом, но вот Парвиз в госпитале... Интересно, эвакуировали его уже? А может, в результате потери крови...

Но не следовало с утра предаваться мрачным мыслям. Мне предстояла важная работа, очень важная. Нужно будет напрячь зрение и во что бы то ни стало отыскать сегодня радар. Эта мысль сверлила мне мозг, в то время как я проглатывал последний кусок лепешки. Здесь мне больше делать было

¹ *Мохр* — кружок или небольшая плитка прессованной, обычно чистой, глины, взятой из почвы святых мест, например, Кербелы; шииты прикладывают к нему лбом при совершении намаза.

нечего, пора наверх. До полудня буду дежурить на крыше, потом успею вовремя доставить обед.

Старик всё так же громко храпел. Я потихоньку подошел к нему. Он лежал на спине на своей кровати. Если бы не этот оглушительный храп, можно было бы сложить ему руки на груди, вместо букета цветов сунуть горшок с кактусом, и был бы вылитый покойник. Тут я заметил одну странность. Кошки куда-то исчезли. Какая вообще польза животным жить с этим несчастным? Впрочем, пора было наверх...

Я поднялся на крышу и поглядел на небо. Оно было еще темным — лишь слегка разбавлено пред-рассветной серостью. И вот мои шаги по этой неизведанной земле, первооткрывателем которой был Парвиз. Под ногами были ничем не покрытые кирпичи межэтажного перекрытия. А вообще, это было как минное поле, только если от взрыва мины взлетают вверх, то здесь я запросто мог куда-нибудь провалиться.

Тут и там из этой крыши вздымались вверх мощные стальные опоры — иными словами, это не было крышей: предполагалось не семь этажей, а больше. Интересно, почему прекратили стройку? Может, из-за сильного пожара внизу теперь вообще нельзя будет добавлять новые этажи — даже после снятия блокады и конца войны?

Из подручных материалов я соорудил деревянную подставку для своего бинокля. Придется очень долго разглядывать ту сторону реки, и нужно было, чтобы не дрожали руки и не уставали глаза. Затем настройку правого окуляра я изменил с нуля на «5».

Правый глаз Амира видит острее моего правого глаза, и потому всякий раз, как мы передавали друг другу бинокль, приходилось менять настройку. Теперь всё было готово, и обеими глазами я принялся к окулярам...

Первые секунды, как всегда, глаза приспособивались к новым масштабам. Но вот уже смутное зеленое месиво приобрело строгие формы и смысл. В поле моего зрения были пальмы и высоченный тростник, который давно никто не срезал. Я чуть опустил бинокль: кусочек реки терялся между домами и портовыми кранами.

Вскоре за моей спиной взошло солнце. Вдоль того берега реки тянулась стенка из мешков с песком, кое-где в ней были выступы с отверстиями или как бы прорезями. Неопытный наблюдатель не сразу и поймет, что это — замаскированные окопы.

Я повел биноклем вправо: ряд мешков тянулся вплоть до начала острова. Вместо слышавшейся еще несколько минут назад перестрелки, которую можно было считать дружеским прощанием после страшной ночи, теперь воцарилась полная тишина.

Впрочем, разглядывая берег, я терял время. Ни один человек в здравом уме не притащит радар к самой реке. Следовало осматривать пальмовые рощи, а потом пустыню позади них.

Перенацеливая бинокль, я вдруг заметил мелькнувший в нем черный силуэт. Один из них! Черная голова с торчащими всклокоченными волосами, затылком к реке. Видна она была не больше пары секунд и опять скрылась где-то между окопами

и стенкой из мешков. Если бы у меня была рация, а солдат этот подольше бы замешкался, я мог бы связаться с минометчиками. Но сегодня нельзя было тратить время на охоту за вражескими бойцами на передовой. Для меня существовал только радар.

Я решил начать справа, с крайней правой пальмы, и так и сделал. Сначала видны были только тростники. Может, они его замаскировали тростниками? Я вглядывался с крайним напряжением. Но либо маскировка была непревзойденной, либо ничего постороннего в этих тростниках действительно не было.

Как же выглядит эта чертова установка? С тем немногим, что нам о ней сообщили, и за это короткое время — 48 часов — сумеют ли два человека ее обнаружить?

Я знал, что Амир в это самое время делает то же, что я, с одной из высоких башен нефтезавода. Нашел ли он что-то? С разных углов мы исследовали одну и ту же местность, и для меня было совершенно неважно, кто из нас найдет радар первым. Однако стоило лишь вспомнить о плане Гасема, становилось страшно. Два человека стреляют из узкого окопа, радар с точностью их засекает, а потом... Какой жестокий план!

Кстати, так и не прозвучал вопрос: а будут ли добровольцы на это дело? И кто это будет поименно? Может, не спросили потому, что понятно было и так: одним из них будет Асадолла. Он никому другому не уступит эту задачу. Но нужен еще один человек, радист... Кто это будет?

Я шеей почувствовал его приближение. Затем милость его тени, уменьшившей жар утреннего солнца, уже напекавшего мой затылок. Не отрывая глаз от бинокля, я громко спросил:

— Чего еще нужно?

Ответа не последовало. Наверняка пришел вынюхивать, что я здесь делаю... Раньше у меня над душой стоял Парвиз, теперь эту роль взял на себя сумасшедший старик? Но почему он молчит?

«А ну как пришел отомстить мне за вчерашнее? Допустим, с такой же клюкой, как была у Гити... И сейчас мне сзади по голове...»

Словно уже почувствовав удар по затылку, я резко обернулся.

Старик даже отшатнулся. В руках он держал стакан с узкой талией, полный дымящегося чая. От его резкого движения чай пролился. А если чаем плеснет?..

— Что вы, молодой человек? Сразу ругаться... Чаю я вам принес.

И старик, не отрывая от меня взгляда, медленно нагнулся и поставил стакан на кирпичный пол. Как видно, он понял, что я — это не Парвиз. Но как мне себя вести с ним? Я понятия не имел! А он широко распахнутыми глазами оглядывался по сторонам, смотрел вдаль.

— Знаете, уважаемый... А я ведь до сих пор сюда не решался подняться. А какая красота, и как далеко видно — бесконечные перспективы!

Сегодня он был на удивление велеречив. Совсем иной тон, чем вчерашние безумные речи. Значит, мой вчерашний урок пошел ему впрок!

Я с трудом встал на ноги: от долгого сидения по-турецки они затекли. Но я не подал вида.

— Чай каким образом завариваете? — я спросил это, поднося стакан к губам.

— Если не будете стрелять, то отвечу: завариваю на огне!

Произнеся этот комичный ответ, он улыбнулся до ушей. А я отхлебнул из стакана, а потом выпил чай залпом. И от горечи меня всего передернуло.

— Подождите! Вот же сахар!

И старик достал из кармана бесформенный пожелтевший кусок сахара. Я поднял руку отрицательным жестом. Это было бы вкусно, если бы сразу пить с сахаром: подождать, пока сахар растает во рту, и проглотить вместе с чаем. А сейчас только дразнить себя. Идти же за новым стаканом чая на семь этажей вниз? Увольте.

...Но оставался открытым вопрос: что же мне делать с господином инженером? Наверняка и его занимал тот же вопрос в отношении меня — вдруг нарушившего его уединение.

— А вы очень упрямы, молодой человек! — сказал он.

Я не стал отвечать. Вернулся к биноклю и сел в прежней позе. И опять два окуляра и мои два глаза слились.

— А что вы делаете?

Старик решил присесть рядом со мной. Я повернулся к нему.

— Уважаемый является автоинспектором?

Я сунул руку в карман и достал листок белой чистой бумаги, показал ему:

— Пожалуйста! Вот мое удостоверение категории «А». А теперь будьте добры, позвольте мне работать!

Ясно было, что он меня не понял. Он сжал губы. Я заметил на левой его щеке зарубцевавшуюся рану, более светлую, чем остальная кожа. Его тощую шею перерезали странные и причудливые морщины и складки. Меня передернуло. Неужели и у меня, когда постарею, вся кожа станет такой же?

— Я слишком любопытен, на ваш взгляд?

— Да нет. Но мне предстоит большая работа. Я сюда не воздухом дышать пришел. Я другое ищу.

Он сел на корточки и руками обхватил колени. Прямо внимательный слушатель!

— А что вы ищете?

Вот я уже и сболтнул лишнего! Какое ему дело, что я ищу? Я почувствовал, что он мало-помалу берет ситуацию под свой контроль.

— Вы мне дадите работать?.. Договорились?

В моем тоне проскользнула просительность. Время уходило быстро. «Помоги Аллах Амиру, может, он раньше меня найдет его с вышки нефтезавода».

Я вновь прильнул к биноклю. Опять появились тростники и пальмы, с которых не снимали финики, и те висели сухими гроздьями. Так я и не узнал: будут ли на следующий год плодоносить эти пальмы, если на них вот так остались прошлогодние плоды? Я однажды спросил об этом у Казема, и он ответил:

— Тебе голову напекло солнцем! Столько горя свалилось на город, а тебе другой заботы нет, как о прошлогодних финиках думать?

И вечером он пересказал мой вопрос ребятам, и все надо мной потешались. Все, за исключением Гасема, который мне сказал:

— Замечательно! Великолепно, парень! Вдумывайся во всё, что ты видишь! Постепенно ты становишься мужчиной!

Я так живо заново всё это пережил, что на миг забыл и старика, и радар, и семиэтажное здание. Но заставил себя вернуться к наблюдению.

— Вы сказали: вы что-то ищете. Значит, вы что-то потеряли?

Я ответил ему спокойно и размеренно:

— Нет, я ничего не потерял. Но я должен кое-что найти!

— И в этом вся ваша работа? Искать что-то в бинокль?

Я опять отвлекся от того берега, и в отвлечениях этих и был главный вред нашей беседы.

— Да, в этом вся работа!

— А после того, как найдете — ?...

Он ждал ответа.

— Найдем, и конец! Уничтожим!

Я почувствовал необыкновенную гордость военной силой. Наверняка теперь он спросит: «Каким образом уничтожите? Какими средствами?» — И я в ответ брошу: «Артиллерийским и минометным огнем!»

— Ну хорошо, а после того, как уничтожите, что будет?

Это был неожиданный вопрос. Он как бы всё вынес за скобки. Перескочил в самый конец!

«Старче! Ты должен был спросить: что именно вы собираетесь уничтожить? Какими средствами? А ты: что будет после того, как уничтожите?»

Я всё еще недоумевал по поводу его вопроса, а он продолжал ораторствовать.

— Вот после того, как вы уничтожите это что-то, мне неизвестное, что будет потом?

И улыбка на его лице стала постепенно превращаться в какую-то гримасу. Я стал догадываться, что он надо мной издевается, но в то же время усилился гул и свист у меня в ушах. Он заметил мое состояние, и улыбка застыла на его лице.

— Нет, нет, я ничего такого не имел в виду. Но посмотрите туда!

И он указал рукой на нефтезавод. Там, куда он указывал, еще горели большие резервуары, подожженные позапрошлой ночью. Виднелись языки пламени, дым, и слышалось странное свистящее шипение, точно змеиное...

Я не понял его:

— Смотрю, и что?

— Не понимаете?

— Нет, не понимаю.

— А ведь этот нефтезавод я построил!

Мне стало смешно. Не зря, видно, Парвиз присвоил кличку «инженер» этому бедняге. Вопросыки «что такое *what*», теперь вот это...

— Хаджи! — сказал я. — Твое безумие, оно как часто проявляется: раз в два, три часа?

Я даже сам себе удивился: как смело я взял быка за рога! И хотел было вернуться к биноклю.

— Нет-нет, молодой человек! Я просто неудачно выразился. Но я больше сорока лет проработал на этом предприятии, которое сейчас превращено в ничто. Мне каждый метр известен на этом заводе! Я каждый агрегат знаю, да и тех, кто им управлял. Рабочих там было немало...

Его глаза округлились, и говорил он, уже не глядя на меня.

— А что сейчас?!.. Сорок с лишним лет каторжного труда, спину гнул перед мастером-англичанином, каждый день по гудку на работу и с работы, а теперь взяли — и всё сожгли. Во имя Аллаха, поверни ты свой бинокль от этих арабов босоногих, взгляни на это чудо техники, пусть бывшее! Горит! И так повсюду. Если бы мне кто-то в молодости сказал: «Не суетись ты так — всё напрасно», — я либо рассмеялся бы ему в лицо, либо, как и вы сейчас, разозлился бы. Тогда; а теперь...

Он качал головой вправо и влево. Совсем расчувствовался.

— Юноша! Милый юноша! Мой вопрос остается в силе: что потом? Я не знаю, какой дьявольский объект вы ищете, но после того, как вы его найдете и, по вашему точному выражению, уничтожите — потом что?

— Уважаемый мой собеседник! — ответил я. — Ведь я ищу именно те орудия, которые и уничтожили тот прекрасный нефтезавод.

— Для того чтобы их уничтожить?

— Правильно.

Хорошо, что я все-таки удержался от упоминания радара. А вообще какое-то объяснение я ему должен был дать.

— Господин молодой военный! Именно к этому я и клоню. Может, вы найдете эту пушку, откуда мне знать. Уничтожьте ее, но затем — что? Затем они привезут другую пушку, еще шикарнее этой! Правильно я говорю? Правильно или нет?

Я непроизвольно утвердительно кивнул. Он сделал длинный выдох. Словно у него с плеч сняли тяжкий груз. Я не понимал пока его логики.

— Земля вечно будет крутиться вокруг этой оси, — продолжал он. — Мы строим — они уничтожают. Они используют орудия, и вы, глубокоуважаемый, их уничтожаете. Так прекратите же, наконец, эту глупую игру!

И старик взял пустой стакан из-под чая и, не добавив к сказанному ни одного жеста, ушел в сторону лестницы. И скрип его резиновых подошв на этой лестнице делался тише и вскоре перестал быть слышен. Я вздохнул с облегчением, а потом, хотя и понимал, что машу после драки кулаками, крикнул ему вслед:

— Эй, дядюшка! А ведь ты мне не сказал, что такое *what!*

ГЛАВА 8

Солнце стояло высоко; я работал с биноклем уже как минимум три часа. Рассмотрел всё вдоль и поперек. От ближайших к реке спиральных проволочных заграждений до устьев протоков и ручьев; глинобитные стены, которые здесь и там виднелись в зелени тростников; и тех пятерых беспечных солдат, которые копали землю. Всякий раз, как мой бинокль, понимаясь вверх, доходил до бескрайней пустыни позади пальмовых рощ, я снова опускал его вниз и рассматривал этих пятерых. Зеленые каски, форма цвета хаки, лопаты и кирки. Трое копали, а двое сидели таким образом, что не попадали в поле зрения. Зачем они это копают? В обычное время я бы отправил им пару минометных посылок. Но я чем был занят?

Радаром, радаром! Только о радаре помнить... и о мороженом. Сегодня — день мороженого. Кстати, где получал Парвиз это мороженое?

«— Жри знай, голодный! Какая тебе разница, откуда оно?»

Так он всегда мне отвечал. Чаще всего это были «стаканчики»: мороженое, которое явно долго лежало в холодильнике. Но сам-то Парвиз где сейчас был?

Рано утром всех раненых автобусами со снятыми сиденьями отвозили к устью последнего перед

морем ручья, впадающего в реку. Их забирали катера, которые предыдущей ночью под покровом темноты проскальзывали в город. Катера брали на борт и оставшуюся в городе домашнюю утварь, и солдат, получивших отпуска, и раненых, а вот сегодня, если вертолетом не получилось, то катером заберут Парвиза как тяжелораненого. Да жив ли он еще?

«Что за мысли тебе лезут в голову? Мало у Аллаха, что ли, умелых и знающих людей, которые не дадут ему расстаться с жизнью?»

Все эти мысли легко приходили и исчезали. Но в глубине души, там, где человек — настоящий хозяин своим думам, — там я боялся. Боялся за него — за это чудо природы — Парвиза...

...У его ног сейчас было всего три кошки: пушистая кофейного цвета, которая, как только я вошел, нырнула под кровать, и две черно-белые поменьше. Наверное, обе были от одной матери, и они продолжали хватать еду из рук инженера. На меня внимания не обратили — как и сам инженер.

Правильно ли я разглядел? Он кормил их котлетой! Из вчерашних котлет, мною привезенных! То есть, что же, он из фургона их достал? Но там ничего не оставалось. Значит, из своей порции? Да, это должна была быть его вчерашняя порция, и вот он отдает ее кошкам!

Я неторопливо сел на кровать и положил автомат на простыню — ветхую, но чистую. Не очень привлекая к себе внимание, я осмотрел оружие, затем отсоединил магазин. Этого щелчка было достаточно, чтобы кошачьи уши насторожились.

И инженер замер без движения. Стало быть, почувствовал опасность.левой рукой я взял магазин и, надавливая большим пальцем, высвободил первый патрон. Он выскочил из магазина и упал на кровать. Затем так же второй патрон, третий, четвертый...

Кошки во все глаза смотрели на меня, слушая щелчки выскакивающих из магазина патронов. Но на десятом или одиннадцатом патроне они вновь вернулись к еде.

Кажется, я рассчитывал, что, разрядив автомат, я добьюсь того, что инженер будет меня бояться и ответит на тот вопрос, что крутился в моей голове с утра. Но сначала я должен был подготовить обстановку.

— Вы утром брали хлеб? — Он спрашивал меня о хлебе в пластиковой упаковке.

— Немного взял, чтобы не умереть от голода. Он там, внизу, в фургоне, еще остался, завернут в скатерть. Нужно, так возьмите!

— Я без разрешения чужого не беру.

Я помолчал. Чего мне жалеть этих засохших лепешек? Уже несколько месяцев Парвиз часть нашего рациона привозит сюда, и ни один из ребят ни словечком не пожаловался. Но, как бы то ни было, он был прав.

— Если неудобно брать самому, скажите, я принесу.

Он не ответил. Но и мне время тянуть нельзя было, пора было задать свой вопрос.

— Я должен ехать. Но перед тем, как уеду, хочу задать один вопрос. Можно?

Он весь как-то подобрался и смотрел на меня с недоброй grimасой.

— Слушаю вас!

Это «слушаю вас», произнесенное подобным тоном, отнюдь не создавало доверительной обстановки. Но кроме него спросить мне было некого. Никому из ребят берегового отряда или из минометчиков, ни даже Гасему или Амиру, я не хотел сообщать о вчерашнем инциденте.

Прошло несколько секунд.

— Если женщина... Из разряда очень падших... Если такой женщине сказать «ханум» — это слово будет ругательством?

Я ждал, не изменится ли выражение его лица. Может, хоть гримаса исчезнет. Миновало несколько секунд, и постепенно на его щеках начала появляться впадина улыбки.

— Я правильно расслышал? Если падшую женщину назвать «ханум», будет ли это ругательством?

Я подтвердил кивком. Он бросил на пол остатки котлеты и хлеба. Краем глаза я заметил, как из-под кровати появилась кофейного цвета кошка и присоединилась к двум другим.

Инженер подпер рукой подбородок и принял позу мыслителя, затем встал, быстрым шагом подошел ко мне и сел рядом со мной на кровать. Прямо вплотную к патронам, и несколько их скатилось во впадину, образовавшуюся после того, как инженер сел. Я озабоченно следил за патронами.

Очень заинтересованным, испытующим тоном, требуя жестами рук обязательного повторения, он настаивал:

— Еще раз, пожалуйста! Прошу повторить! Повторить!

— Одного раза достаточно! — я ответил так решительно, как только мог.

Он вскочил с места и почти крикнул:

— Молчать! — Затем добавил чуть спокойнее: — Я сказал: повтори!

Делать было нечего. Он видел разряженный автомат и видел, что я в нем нуждаюсь. Он полностью осознавал ту выигрышную позицию, в которую я его поставил.

— Это произошло с твоей уважаемой персонай? — спросил он.

— Да!

— Хорошо! А теперь полностью мне всё расскажи! Полностью!

И он сел в кресло.

«Хоть бы не спрашивал я, что ли! Сам себя в ловушку загнал...»

— Рассказывать нечего! Я спросил у одной женщины: «Ханум! Больше вам ничего не нужно?» — А она подбоченилась и выдала: «Мать твоя — ханум!»

Дальше я, конечно, передавать ее слова не стал: стыдно было. Еще ее ругательства повторять!

— И где была эта женщина?

— То есть как: где была?

— Эту женщину, эту ханум, до этой проклятой войны ты не встречал? Речь идет об одном недавнем эпизоде, так я понял?

Я подтвердил.

— Так где это было?

Я совсем погиб. Слишком стыдно было бы произнести название того квартала. Он заметил мое состояние: он, наверное, даже допросы мог бы

вести. Я безнадежно махнул рукой в непонятную сторону:

— В квартале там... В квартале...

И язык не поворачивался дальше, словно в магнитофоне пленку заело.

— Ну, в каком квартале?

Я глубоко вдохнул и — на выдохе:

— Неужели непонятно, старина? В квартале публичных домов!

И тут его прорвало. Он так бурно расхохотался, что колени его подогнулись и он сел прямо на пол. Кошки бросились врассыпную. Две исчезли совсем, а кошка кофейного цвета остановилась на краю лестничной площадки. Может быть, она имела больше опыта общения с инженером, чем я и две другие кошки. Сколько раз она уже слышала его взрывы хохота и крики?

Тем движением, каким человек мог бы взять с земли кучу песка или мелких камушков, я сгреб ладонью патроны с кровати. И быстро начал заряжать ими магазин автомата.

Первый патрон, второй, третий... С каждым мигмом магазин становился тяжелее. Старик этого не замечал. Но наконец он открыл-таки свои глаза, покрасневшие и слезящиеся от бурного хохота, увидел меня и сразу замолчал. А мне оставалось лишь несколько патронов. И если этот старый безумец позволит себе хоть малейшее неверное движение...

Я быстро присоединил магазин к автомату, а остаток патронов ссыпал в карман брюк.

— Эта женщина, случайно, не с большими зелеными глазами?

Он был прав: у нее были зеленые глаза.

— А вы откуда ее знаете?

— Это же Гити! Раньше, когда она еще была в форме, ее звали «Красотка Гити». Ну так вот, в прежние времена этих женщин звали «ханум». А дочь ее как поживает? Ты видел ее, хитрец?

От слова «хитрец» мне почему-то стало неприятно. Я закинул автомат за спину. Ответ на свой вопрос я получил.

«Значит, Гити решила, что я намеренно назвал ее «ханум». А при чем тут ее дочь? Зачем старик упомянул ее — может, просто так?»

Я шагнул в сторону лестницы. Но на краю площадки остановился — в том самом месте, где недавно сидела кофейного цвета кошка.

— Говорите, у этой женщины есть дочь? И живет там же?

— Да!

Радар, Гити, инженер, кошки, теперь еще и девушка... Между тем он спокойным тоном поинтересовался:

— Вы еще вернетесь?

— А почему вы спрашиваете?

— Ну, это же мой дом... Ясно, что я интересуюсь...

Я с угрозой наставил на него палец:

— Это был ваш дом. А теперь на два-три дня у меня здесь работа. О'кей?

— О'кей! — ответил он.

Что ж, придется ему смириться с тем, что я нарушу его покой. Хотя о каком покое можно говорить в городе, простреливаемом насквозь?

ГЛАВА 9

— Мороженое? Вот это да!

Дело в том, что отец Джавада был удивлен моей неосведомленностью:

— А разве ты не знал, где получают мороженое?

И я поехал туда, держась следом за двумя другими машинами. Первая из них, кухонный фургон синего цвета, была еще намного больше раздолбана, чем Парвизов фургон. Было похоже на то, что он раза два-три переворачивался, после чего, вероятно, группа людей, поднатужась, переворачивала его обратно, ставя на четыре колеса. Заводили, и он ехал дальше.

«Ни одной целой лампочки и ни одного запачканного местечка на нем! Просто живого места нет на этой машине! Это же постараться нужно было, чтобы вот так-то... Значит, держи ухо востро, иначе и твой фургон таким станет...»

Мы ехали по направлению из города. Миновали пальмовые рощи. Второй была машина «Скорой помощи» — белая с красными полосами; ее правое переднее колесо заметно болталось. Поэтому я на всякий случай держал с ней дистанцию. Этот отряд, как и наш, наверняка имел всего одну машину, в противном случае «Скоруую» не послали бы за едой.

Путь наш продолжался по главному асфальтовому шоссе до развилки с тремя дорогами, где красовался блестящий указатель. Там первый фургон свернул направо, за ним — «Скорая», и за ней я.

Показался бетонный забор, ворота, возле которых неряшливо было написано черным: «Фабрика мороженого “Мехр”».

В воротах солдат снял с крюка цепь, и мы все трое по очереди заехали внутрь. Сначала синий фургон, затем медицинская машина, за ней фургон Парвиза.

«Никогда не соглашайся, чтобы этот фургон хотя бы на час-два получил твое имя. Это фургон Парвиза, Парвиза, Парвиза!»

Интересно, зачем фабрике мороженого солдат на воротах?

...Здесь я вынужден был резко затормозить, чтобы не врезаться в «Скорую». Она, в свою очередь, встала перед довольно высокой бетонной стенкой, а я бездумно ехал за ней, словно на буксире. Первый фургон остановился чуть поодаль, у большого склада. Из медицинской машины вышел ее водитель в форме цвета хаки. Оглянулся на меня, но ничего не сказал. На возвышении стоял другой человек, в белом халате и черных сапогах. Они заговорили о чем-то, неслышном мне. Потом человек в белой маске крикнул мне:

— Ты за мороженым?

— Да!

— Мороженое с другой стороны склада!

Улыбнувшись, он показал мне рукой, как объехать, и я, уже почти выйдя из фургона, вновь

запрыгнул в него и сел за руль. Отъезжая, я видел, как они вдвоем с усилием открывали раздвижную дверь. Я объехал складской корпус, здесь слышалась работа дизельного электрогенератора.

«В сто раз хуже штабного генератора!»

У этих задних ворот я увидел и синий фургон, и еще сломанный «Лендровер» со снятыми колесами, приткнувшийся возле фабричной стены. Дверь Парвизова фургона открылась со всегдашним оглушительным скрипом. Водитель синего фургона, в очках, спросил меня с исфаханским акцентом:

— А где господин Парвиз?

— Алейкум ас-салам! — ответил я ему с иронией. Понимай так: «Исфаханцам здороваться не нужно?»

— Простите, ради Аллаха! Я поздоровался в то время, как вы открывали двери.

Вот и опять я в дураках...

— Говоришь, Парвиз где? Осколком в него попало, сдох!

Исфаханец вздрогнул от моих слов.

— Осколком попало? Вы шутите?

— Нет, серьезно. А где тут мороженое получают? Он повел меня, вконец расстроенный.

Задний двор, как и передний, был окружен высоким, выше человеческого роста, бетонным забором. Ясно было, что в прежние времена здесь грузились мороженым трейлеры, тяжелые грузовые фургоны. Я запрыгнул на помост, там лежал на одеяле, отдыхая, кладовщик. Поднялся мне навстречу.

- Отряд «Арванд»¹?
- Так точно!
- Пятнадцать человек?

И он отодвинул в сторону тяжелую дверь. Она откатилась легко, а за ней я увидел дверь холодильника поменьше, отблескивающую сталью. Когда он открыл эту дверь, оттуда сильно дунуло морозом, и кладовщик нырнул в темноту. Мы с исфаханцем остались ждать. Он медлил, наконец, преодолел свои колебания:

- Так скажи мне! Значит, Парвиз стал шахидом?
- Да нет, дорогой! — ответил я. — У него, как у кошки, семь жизней. За него не беспокойся!

— Так, значит, жив? Слава Аллаху!

— То есть что — реально кто-то может радоваться тому, что он выжил? — спросил я.

— Не знаю, почему вы так говорите... — ответил исфаханец. — Но господин Парвиз... Он ведь отличный парень!

«Да ну!»

— Мы когда ездили, — продолжал исфаханец, — он показал мне несчастных людей, чтобы я, когда беру еду, отвозил им...

Стало быть, наш друг и другие фронтовые машины к рукам прибирал? Слава Аллаху! Я нашел товарища по несчастью...

Между тем кладовщик вынес из холодильника коробки, из-за которых не видно было даже его лица. Поставил их на землю.

¹ *Арванд*, или *Арвандруд* — персидское название реки, которая образуется после слияния рек Тигр и Евфрат (арабское ее название — Шатт-эль-Араб).

— Две коробки «Арванд», четыре — «Фиазийе»! Фиазийе! Стало быть, машина исфаханца принадлежала отряду, который держал фронт в том районе... Я взял свои две коробки: мороженое в стаканчиках «Мехр», пастеризованное и гомогенизированное...

С помоста я спрыгнул с коробками в руках. А исфаханец дошел до пологого спуска и спокойно спустился там.

Я поставил коробки в кузов, подальше от горячих котлов с едой. Нужно было спешить, иначе вместо мороженого привезу ребятам сладкую воду...

«Да, еще ведь нужно заехать к матери Джавада!»

«Очень о тебе всегда спрашивает!» — так сказал сегодня отец Джавада, когда грузил горячую еду. И все его слышали, и мне стало стыдно. Обязательно нужно к ней заехать! А радар два-три часа подождет без моего догляда...

Погудев сигналом фургона, я попрощался с исфаханцем. Проезжая мимо, видел, как он ворочал грузы в своем фургоне, потом я обратил внимание на дизель-генератор. Видимо, работал он непрерывно; от него тянулось два толстых электрических кабеля на железных подпорках к зданию склада-морозильника. К двум другим похожим складским зданиям проводов не было, стало быть, и электричества там не было. Морозильник для мороженого, видимо, работал еще с довоенных времен, но какая всё же была нужда в том, чтобы с такими трудами и заботами организовывать его электропитание? Ведь морозильник должен работать непрерывно, точно так же и дизель-генератор...

Я замешкался, разворачиваясь, и исфаханец уехал раньше меня. Я вновь въехал в первый двор и увидел, что «Скорая» стоит на том же месте. И те два человека по-прежнему хлопотали рядом с ней. Они склонились над столом, и я заметил необычную белую ткань, а рядом... Что за деревянный сундук? Это ведь гроб! Точно, гроб! Но что делает гроб возле морозилки для мороженого?

Мне стало любопытно. Я остановил фургон и вышел. Да, это был гроб! А оба человека — тот, в сапогах, и водитель медицинской машины — облачали в саван покойника! Вот чем они были заняты! Труп лежал на столе, а они пеленали его белой нейлоновой материей. А рядом на земле лежала крышка гроба...

На миг я оцепенел от удивления. Вот так перемороженное мороженое! По вкусу легко можно было понять, что это мороженое несколько раз таяло, а потом опять замерзало, но если это происходило из-за перебоев с электричеством в этом морозильнике, то ведь одновременно и в смежной морозилке морга покойники переставали охлаждаться, и лед на них тоже превращался в воду. И сколько уже месяцев мы едим это мороженое!

Вот так мороженое «Мехр»! Место хранения: морозильник-морг для шахидов. Я невольно оглянулся в кузов на покрытые инеем отпотевающие коробки. Потом осмотрелся по сторонам. Теперь мне стало понятно, зачем в этом морозильнике постоянное электропитание. Эта влага, оседающая на коробках, на вентиляции, эти два морозильных зала один вплоты к другому... Мороженое:

стаканчики, трубочки, на палочках, разноцветное... А за стеночкой — трупы солдат, ополченцев, бойцов сил самообороны, простых жителей... И оба зала питаются от одного генератора. И вот влага оседает на коробках, и влага оседает на мертвых телах...

Оба работающих человека подняли покойника, один держа за голову, второй — за ноги, и положили его в гроб. На миг мне показалось, что им нужно помочь... Нет, только не я! Я сел за руль и включил передачу...

Машина рванула с места. Опять развернувшись, я оставил позади морозильник и видел теперь въездные ворота. И увидел сотни гробов, сваленных как попало вдоль бетонного забора, с внутренней его стороны. То по одному, то в несколько ярусов...

Фургон уже выезжал со двора, и гробы скрывались из вида. Но новый вопрос сверлил мне мозг: в результате того ужасного плана, который придумал Гасем для борьбы с радаром, — сколько гробов причитается нам?

Я выехал за ворота. Всё еще хотелось прибавить скорость. Мороженое, будь оно проклято...

ГЛАВА 10

— ...Так где же мороженое? Разве не сегодня день мороженого?

— Хватит того, что я привез! Некогда мне тут рассуждать. Бери, что дают!

— Ух! Ух, какой ты сегодня... Что с тобой?

Он принял через бортик кузова котел с горячим. Помедлил. Потом раздраженно пожал плечами и понес еду. Я сидел на полу кузова. Дым с горящего нефтезавода, черный, густой, смешивался с лохматыми, тяжелыми тучами. Мне хотелось бы, чтобы пошел дождь... Разве это не дождевые тучи?

Тяжко было на душе. Мороженое «Мехр», гомогенизированное и пастеризованное, вкусное, питательное, на основе натурального коровьего молока. Сколько недель Парвиз кормил им нас и сам ел за милую душу...

Тяжко было на душе. От вида этого дымящегося завода, к которому я чувствовал особенную жалость после того, что рассказал о нем инженер...

«Мы строим — они уничтожают. Они используют орудия, и вы, уважаемый, их уничтожаете...»

«Кстати, сказал ли он «уважаемый» или «глубокоуважаемый»? Точно: он сказал «глубокоуважаемый»! Но оставь эти глупые мысли! Неужели тебя осчастливило то, что какой-то сумасшедший

назвал тебя не просто «уважаемым», а «глубоко-уважаемым»?»

— ...Бери рацию! Работает, а запасная батарея здесь, в боковом кармане. Асадолла ее доставил. Они все там пашут как угорелые...

Он ловким движением поставил передо мной рацию в ее ранце, с наплечными ремнями.

— О Парвизе что-нибудь слышали?

— Нет. Казем к нему ездил, но еще не вернулся. Он ведь плох, да?

По тону Махмуда ясно было, что он не очень переживает за Парвиза. Но Махмуд всегда такой. Я постарался ответить ему спокойно:

— Да нет, не так уж и плох... А Амир, кроме этой рации, ничего мне не передавал? Ничего не говорил?

— Тебе что, рации мало? Мне тоже некогда лясы точить. Бери и езжай!

Он сказал это нарочито грубым тоном, подражая моей собственной манере. Ничего не ответив ему, я включил рацию. Раздалось шипение, похожее на змеиное. Как я привык к этому звуку! Во время работы часами только его и слышу. Звук, кстати, похож на тот, что идет из гигантских, догорающих теперь, резервуаров нефтезавода. Такое потрескивающее шипение...

Я поднял глаза. Махмуд уже ушел. Что же, повезу поскорее еду Гити и инженеру...

Время было полуденное, но из-за черного дыма и тяжелых туч солнца не было и в помине. И какая-то невыразимая мука корежила самую сердцевину моей души. Я страдал невыносимо...

Я повернул руль вправо и теперь уже ехал по улице Гити, медленно приближаясь к ее дому. Поскорее отдать ей еду и, не задерживаясь, ехать к зданию инженера.

«Что с тобой, дружище? Мороженое? Так долго не знать об обмане... Но разве можно из-за такой сущей мелочи переживать так сильно?»

Я затормозил у ее дверей. Деревянная дверь была приоткрыта, и мне вовсе не хотелось видеть эту женщину лицом к лицу. Хоть бы она догадалась выставить посуду...

«Она, видите ли, подбоченивается. Ты ей еду и питье таскай, а она вместо «спасибо» угощает тебя кучей грязных ругательств! Вот уж, поистине...»

Нет, посуду выставить она не догадалась. Я колебался.

«Черт бы тебя побрал! Я вообще давал кому-то обязательство в разгар поиска радара терять тут время и ждать ее? Шум двигателя нельзя было не услышать — тем более, фургон так дребезжит! Можно подумать, я навязываюсь ей!»

— Салам! Вы еду привезли? Что у нас сегодня?

...Ого, как она подобрела! Предлагает перемирие? Может, раскаялась в своих вчерашних словах? Коли так, то я поспешил сделать о ней плохие выводы. В любом случае, отдаю порцию и уезжаю. И я громко сказал, оглядываясь в кузов:

— Принесите посуду! Я хочу...

И поперхнулся, слова застряли у меня в глотке. В дверях стояла другая женщина. Даже не женщина, а молоденькая девушка с рассыпанными по плечам черными волосами. Она улыбалась. Та самая дочь,

о которой говорил инженер и о которой я забыл начисто! Я торопливо привел себя в порядок.

— Мамы вашей нету? Не придет за едой?

Девушка смотрела на меня во все глаза, хлопала ресницами. Из-за того, что она стояла в темном коридоре, я не мог точно определить цвет ее платья. Было, впрочем, видно, что оно старое и полностью закрывает ее фигуру от ног до шеи.

— Мама ушла, — и девушка рассмеялась.

Сидя в кабине, я посмотрел в обе стороны улицы, потом вышел из фургона. Как обычно, дверь открылась со скрежетом, причем скрежет становился с каждым днем всё громче: от тряски дверь скоро совсем заклинит.

Я заметил, что скрип двери согнал улыбку с лица девушки, и по нему прошла волна страха; она настороженно ждала моих следующих действий. Мне показалось, что она слегка не в себе.

«Куда ушла ее мать? И мне что теперь делать? Закончить бы тут поскорее и уехать из этого недоброго места — меня работа ждет!..»

— Ханум! Принесите-ка вашу посуду!

И вновь я невольно произнес слово «ханум»! Если бы тут была ее мать, я получил бы новую порцию ругани... Однако девушка ответила очень спокойно и неторопливо:

— Я не могу.

По виду ей было лет четырнадцать — пятнадцать, но говорила она, как семи-восьмилетняя. Какая-то характерная простоватость.

«Почему она не может принести миски? Новый твой сюрприз, Парвиз, храни тебя Аллах!»

— Уважаемая! Дорогая девочка! Если кушать хочешь, то поскорее тащи сюда миски! Меня работа ждет, ехать надо!

— А меня мама привязала. Смотри!

И она села на пол и обеими руками задрала правую ногу, показывая старую пеньковую веревку белого цвета, привязанную к ее щиколотке. Удивленный, я подошел поближе. Конец веревки терялся во тьме коридора.

— Зачем она тебя привязала?

— Не пускает меня играть на улице. Говорит, на улице — дэв!

— Дэв?

— А ты ходишь по улице — дэвы тебя не сожрут? Я почесал в затылке. Вот так «социальные клиенты»! Не то слово!

«Только этого мне не хватало!»

Я повнимательнее присмотрелся к девочке.

— Вы так вдвоем и живете здесь?

— Тетя еще приезжает. На машине.

— На какой машине?

— На этой!

Речь шла о фургоне Парвиза. Наверняка Парвиз и эту скорбную умом, а может, еще какую-нибудь старуху числил в своем списке клиентов — он ведь мне полный список так и не передал. И вдруг я услышал истерический вопль:

— Сволочь поганая! Отпусти ее! Отпусти!

Она неслась сюда бегом и орала издали. Я опешил. Ярость ее была такова, что я не мог не испугаться. Невольно отпрянул к машине. А она летела прямо на меня, но в последний момент свернула

к дверям дома. Там стояла девочка, совсем перепуганная. Гити затолкнула ее в коридор:

— Пошла домой! Аллах избавь меня от твоих...
Домой пошла!

Девочка исчезла в глубине дома, а женщина тоже на миг скрылась за дверью. Потом появилась со своей тяжелой палкой.

— Доченьку мою захотел?

И пошла на меня, подняв клюку. Сесть в кабину и уехать? Поздно! Дело принимало опасный оборот; я отскочил к кузову... А она обеими руками подняла в воздух свою дубинку.

— А ну, иди сюда! Если мужчина, ответь за себя!

Я отпрянул еще дальше. А тяжелая клюка ударила по капоту фургона. Всю свою силу вложила женщина в удар — и капот не выдержал! А она ударила и второй раз, и третий, и четвертый...

— Прекрати! Ты что, с ума сошла? Я ничего не сделал!

— Заткнись, тварь!

И она стала перемежать удары с ругательствами. Капот, крыша кабины, дверца кабины... Наконец клюка ее треснула и развалилась. Она вцепилась в дверцу и со скрежетом открыла ее. И нырнула в кабину, и начала раздирать, словно когтями, чехол сиденья, и вот уже черная кожаная обивка летит на асфальт.

— Ты с ума сошла? Прекрати! Остановись!

Так как палки у нее уже не было, я подошел к ней ближе, но она выхватила из-под сиденья... да-да, то самое! Автомат Парвиза!

— Убью тебя!

И наставила на меня автомат. Я отскочил назад. Он ведь был заряжен!

— Вот это не тронь! Он стреляет!

Но уже было поздно: она жала на курок. Выстрела, однако, не последовало. Тогда она начала копаться в деталях затвора.

Я уже ничего не соображал. Бежать прочь? А фургон и оружие бросить? Меня засмеют ребята!

«Пошел за радаром, а потерял машину Парвиза!»

Особенно Асадолла спуску не даст...

Я стоял перед ней, как обреченный. Зажмурился, и вот раздалась оглушительная очередь... Тут я открыл глаза. Осмотрел себя: в меня не попало. А женщина между тем бросила автомат и села на землю. Во всём квартале воцарилась тишина, которую прорезал крик девочки:

— Мама! Мама, я боюсь! Мама, где ты?

Гити сидела на земле, а я молча стоял перед ней, всё еще ничего не сообщая. А девочка звала мать, и вот та запричитала:

— Да покарает тебя Аллах! Да уничтожит Он тебя! Аллах всемогущий! Неужто мало я страдала — за что еще это мне?

И она разрыдалась. Резким и громким голосом она рыдала. Мне ничего не оставалось делать, как подойти к кабине. Осторожно приблизившись к Гити, я ногой потянул к себе автомат, валяющийся на земле. Ботинком зацепил за ремень и так подтянул к себе оружие и поднял его. Женщина этого не заметила. Она вообще отключилась от внешнего мира. И рыданиям матери вторила дочь — ее

детского плача я вначале не расслышал. Этот тоненький звук выходил как бы из самой ее гортани — так плачет ребенок, когда ссорятся мать и отец...

Обломки сломанной клюки еще лежали на крыше и капоте машины. А капот спереди был так разбит, что мог быть сломан и вентилятор охлаждения...

Я чесал в затылке. Всё еще рыдала женщина, и выла ее дочь. Я сел на бортик уличного арыка. Ни одной толковой мысли не приходило в голову.

«Зачем она это сделала? Неужели думала, что я хочу... Зачем она девочку-то за ногу привязала?»

Нужно было срочно уезжать. Дверь фургона была открыта, и из кабины свешивались полосы разорванной обивки. Будь что будет! Заведу двигатель... Но еда! Я им еще не выдал еду. Я встал на ноги.

— Ты всё переломала! Потеряла голову напрочь! Значит, если хочешь получить еду, неси сюда миски.

Она даже головы не подняла — продолжала рыдать. Я вышел из себя:

— Говорю: неси посуду, женщина! Мне ехать пора.

Даже не взглянув на меня, она спокойно поднялась на ноги, пошла к дому и скрылась в темноте коридора.

— Да разрази тебя Аллах! — послышался ее крик. — Чего воешь? Заткнись! Заткнись, я сказала!

И девочкин плач сделался тише, затих. Послышался звон посуды. И вскоре женщина появилась из тьмы на свет, в руках миски. На пару шагов вышла из двери, поставила посуду на землю и скрылась. И дверь с силой захлопнулась, а потом послышался и звук задвигаемого засова. Я взял миску и остановился, задумавшись.

Следовало как можно скорее уезжать из этого зловещего квартала. Радар! Все ждали от меня результатов.

«Да или нет? Засек или не засек?»

Если сегодня к вечеру сделают новый минометный окоп, то, может быть, завтра начнут осуществлять тот план...

Абгушта¹ я налил в миску побольше, до краев. Ведь сюда полагалась двойная порция. Немного оставил для инженера, а для меня уже и не осталось ничего. И поставил миску к дверям.

Перед тем, как сесть за руль, посмотрел на небо. Оно было затянуто облаками. Хоть бы дождь пошел...

Но было такое впечатление, что весь сегодняшней дождь выплакали Гити и девочка.

Парвизова развалюха завелась сразу. Правда, из-под капота тут же раздался протяжный свист. Я решил его игнорировать. Будь что будет! Если посреди дороги машина откажет, то вот что я сделаю: весь бензин из бака вылью на нее и подожгу. И огромное наслаждение получу от вида этого костра!

«Ну и мысли дурацкие! Чем машина-то виновата? И чем я виноват? Вообще, кто тут всему виной?»

Машина, дребезжа и завывая мотором, продолжала свой путь, а я крутил баранку, придавленный тяжестью свалившихся на меня проблем.

¹ *Абгушт* — мясной суп с горохом, фасолью и картошкой.

ГЛАВА 11

Я остановил фургон, и пожилой священник обернулся ко мне, улыбаясь. Кузов армейского грузовика IFA¹ был плотно набит церковными вещами, а усталый солдат-водитель сидел на корточках, отдыхая, возле колеса грузовика.

Выйдя из фургона, я закинул за плечо автомат: после случая с Гити я не желал оставлять оружие без присмотра. Мельком глянул на большие башенные часы на площади с их мраморным обрамлением и застывшими стрелками. Подумал, что, если бы они были не электрические, а маятниковые, то они бы работали. Хотя и механические часы кто-то должен заводить. Это пришлось бы делать тем немногим оставшимся в городе людям, которые ежедневно получали питание в мечети по соседству с этой церковью. Им пришлось бы назначить ответственного, который каждый день по пути в мечеть заводил бы башенные часы.

В этом окруженном городе все-таки оставались сотни людей, и они — что разумно и правильно — получали питание в мечети. Мне же свалились на

¹ IFA — грузовик производства ГДР, который во второй половине XX века получил широкое распространение во многих социалистических и развивающихся странах.

голову эти двое — нет, трое! — которых, видите ли, должна была снабжать фронтная машина...

Я окинул взглядом свой фургон.

«Что я ребятам скажу? Скажу, приехал к Гити-ханум... Нет, к Красотке Гити! Выдал ей еду, посмотрел на ее дочь, и тут материнские чувства разыгрались в ней, и беда постигла мой фургон... *Мой фургон?*

Ты постепенно привыкаешь к мысли, что эта машина вечно, до самого Страшного суда, будет твоей участью...»

Я подошел к солдату. Как я и предположил, он отдыхал от погрузки, покурил сигарету. Видимо, из тех оставшихся в городе и уже не облагаемых таможенной пошлиной сигарет...

Пожилой священник сегодня был куда улыбчивее, чем вчера. Я с ним поздоровался, и он первый заговорил со мной.

— Здравствуй, здравствуй, сын мой! Со вчерашнего дня, когда мы виделись, продолжается, к счастью, полное затишье. Так я понимаю.

От этих слов я застыл на месте. Ведь он был прав! Кроме утренней перестрелки ни одного выстрела больше не прозвучало. Пушки и минометы на той стороне реки молчали, прекратив свою ежедневную работу. Почему же они не стреляют?

— Сын мой! Мы уже все вещи погрузили. Через час уезжаем. Если хотите передать письмо семье, я с удовольствием его доставлю.

Я задумался. Письмо? Если бы раньше знать, может, я и написал бы что-нибудь. Но теперь? Нет! И я отрицательно покачал головой. Он с сожалением кивнул.

— Нет? Не будете писать? Может, матушке вашей? Наверняка она обрадуется весточке!

За сегодняшний день второй раз упоминают мою мать...

— Спасибо вам, но этого не нужно. Кстати, где ваш товарищ? Простите, я имел в виду молодого священника...

— Брата Ованеса... Он сегодня паковал книги и вещи, много трудился... — Священник указал на церковь. — Он читает прощальную молитву о сбережении храма во время войны. Если хотите, зайдите, добро пожаловать!

И он впереди меня зашел в храм. Невольно и я последовал за ним. Скамейки были сдвинуты в две компактные группы — почему же они скамейки не увозят? На самой передней скамейке, лицом к алтарю и к церковному органу, сидел Ованес, спиной к нам, вошедшим. Повсюду была пыль, обломки кирпича...

Я посмотрел вверх. Под белым куполом, ниже пробоины от взорвавшейся мины, висела картина, изображающая Тайную вечерю, Иисуса с учениками. От взрыва картина покосилась, была покрыта пылью, причем самым запыленным из всех показалось мне лицо предателя, Иуды...

— Но ведь эта картина цела! Почему вы ее не берете?

— Всего не увезешь, сын мой.

Священник так развел свои руки с белыми кистями, словно хотел издали обнять это полотно.

— Это, конечно, не оригинал, но картина красивая. Она вам тоже нравится?

Удивительно, что картина не пострадала от осколков... В центре — Мессия, по сторонам — ученики, они все ужинают. Христос знает, что Иуда сегодня предаст его, и он искоса, изумленным взглядом смотрит на Иуду...

«А представить себе: если бы один из осколков угодил в сердце Иуды? Остальные ученики вскричали бы: Иуда ранен! Иуда погиб как герой! И до самого Дня воскресения мертвых все называли бы Иуду не предателем, а героем — шахидом, мучеником... Ах, это тот самый Иуда, который заслонил собой Иисуса от осколка! За этот подвиг он теперь пьет в раю сладкий нектар... Ну и глупости лезут тебе в голову! Остановись, парень!»

— Простите, я спрашивал вас о картине — она вам не нравится?

— Да нет, почему же? Очень даже нравится.

Пожилой священник опустил руку на плечо Ованеса, мягко заставив его прервать чтение, в которое тот был погружен. Я поднял руку в приветствии, и Ованес встал с места. Закрыв свою книгу, держал ее под мышкой, приближался ко мне, стараясь не наступать на обломки кирпичей. Мне пришел в голову вопрос: что было бы, если бы этот молодой священник Ованес погиб от осколка в заблокированном городе?.. Что написали бы на его могиле?

«Шахид — священник Ованес при погрузке принадлежности армянской церкви во время блокады погиб как герой».

И большой крест, вероятно, белого цвета, на его могиле...

— Как ваши дела — нормально? Очень рад вас видеть.

И он протянул мне руку. Я взглянул на свою ладонь: совсем грязная. Вытер ее о штаны и подал ему руку.

— А где ваш друг?

— Который?.. А-а, Парвиз? Да так... Ранен осколком.

Священники переглянулись. Кажется, их что-то поразило в моем тоне.

— Но... в каком он состоянии?

— А я этого не знаю. Думаю, что сегодня утром его эвакуировали. Да и вы, видимо, через часик уже будете в пути на «большую землю»? — Мне хотелось увести разговор от темы Парвиза. — Там вечерами, где пальмы, москитов очень много...

Я замолчал. Сегодня вечером, с наступлением темноты, они на катере выйдут из устья реки и потом попадут на «большую землю». То есть к началу намеченного нами плана их здесь не будет. Эти два человека вырвутся из блокадного города. А я останусь здесь; но важнее этого то, что остается на той стороне реки вражеский радар...

Мы все медленно пошли к выходу из церкви.

— Что ж, похоже, пришло время прощаться...

Я протянул руку. Молодой священник схватил ее обеими руками и пожал с горячим дружеским чувством.

— Надеюсь быть к вашим услугам после конца военных бедствий. И надеюсь, вы будете в полном здравии и безопасности.

Я вяло кивнул: слишком усталым был для политесов. Пожилой священник пожал мне руку молча, не повторяя любезностей своего товарища. А мой взгляд вновь остановился на металлической статуе. Мадонна держала в объятиях младенца Христа... Какой-то порыв заставил меня подойти к ней и коснуться пальцем осколочной пробоины. Я вновь почувствовал острую грубость ее краев, что сопровождалось каким-то непонятным мне самому чувством. Я, кстати, пока не понимал, какое отношение имеет к Деве Марии дата 1915. И повернулся к священникам.

— Ведь это статуя Святой Марьям, не так ли?

Молодой священник взглянул на старого, и лица обоих помрачнели.

— Что это за дата? — продолжал я. — Я еще в тот раз хотел спросить...

— Это не связано со Святой Девой.

— То есть как? Кто же эта ханум?

Опять вырвалось у меня это слово! Счастье, что Гити здесь не было...

Молодой священник стоял лицом к статуе этой женщины. Теперь я совсем запутался: кого же изображает статуя? Если это не Святая Марьям, то кто?

— В свое время было принято решение: во всех армянских церквях указать эту дату как память. Память о геноциде армян, павших от рук османских турок!

И Ованес ждал моей реакции.

— Значит, дата 1915 означает именно это, — полувопросительно сказал я.

Оба они подтвердили мои слова, и я продолжал:
— Иншалла, когда приедете в Исфахан, постройте там красивый монумент в память о нашей гибели!

Пожилой священник провел рукой по седой бороде и улыбнулся. Но Ованес, видимо, не поняв моей шутки, выглядел озадаченным. Пожилой священник взял меня под руку.

— Молодой человек! Лучше бы, чтобы никогда с вами не случилось подобного.

Мы вышли из храма. Солдат продолжал курить. Машину эту прислал сюда штаб дивизии.

— Смотри, друг, не обкуришь слишком, бесплатными-то сигаретами! — сказал я ему.

— Нам как с гуся вода! — он рассмеялся и сделал очередную затяжку. Гимнастерка его была полурасстегнута.

— То-то, как с гуся вода! Если бесплатную веревку найдешь, ты же на ней не будешь вешаться?

Я пошел дальше, к фургону, священники за мной. Пожилой заглянул в кузов.

— Кстати, вы обедали? — спросил я их.

— Да, в мечети сжалились над нами, покормили нас.

Вот, наверное, было зрелище, — подумал я: два священника с мисками в руках стоят вместе со стариками и старухами в очереди к шейху мечети за едой...

— А вы — водитель кухонной машины?

Я уже сидел за рулем и готов был трогаться. И я как бы со стороны увидел этот белый фартук, сделавшийся желтым от жирных пятен, и весь этот

фургон, не имевший ни стекол в кабине, ни сколько-нибудь приличного вида. Сначала осколки поработали, потом безумная старуха... И правда, на кого я теперь был похож? Единственное, что придавало мне какое-то достоинство, была антенна рации, стоящей на полу в кабине...

«Я артиллерийский наблюдатель. Не верите? Можем включить рацию, свяжемся со штабом минометчиков. Кого хотите спросите — вам подтвердят!»

Это, конечно, были смешные амбиции. Такой ответ сыграл бы против меня. И я посмотрел на обоих священников: может быть, я вижу их в последний раз! Я и так слишком много времени потерял: обед инженера уже много раз успел остыть... И я спокойно и негромко ответил:

— Так точно! Именно! Я — водитель кухонной машины.

Продолжения разговора я не ожидал; предпочел полностью покориться случаю и судьбе. Будь что будет! Тем более, я ведь уже сам себя признал водителем кухонной машины...

ГЛАВА 12

Земля из разбитого горшка с кактусом по-прежнему была рассыпана на тротуаре. Очень похоже на тот цветочек, который остается после взрыва минометной мины. Словно в тот миг, когда горшок, упав с третьего этажа, врезался в асфальт, вокруг этого места нарисовали круг земляного цвета. А где, кстати, осколки горшка?

Я поднял голову. Инженер вновь пристально смотрел на меня из окна третьего этажа; наверняка он видел, как я ногой отгребаю рассыпанную землю. Я полез в кузов за остатками еды.

— Господин! Я спущусь?

— Не кричите! Не надо!

Но я ошибся. Ему следовало спуститься вниз, чтобы отдать мне миску. Ведь главный котел был так тяжел, что и вдвоем его не затащить наверх.

Инженер смотрел на меня из окна.

— Так все-таки спуститься?

Я нашел выход:

— Лучше киньте мне миску в руки!

— ...Лови!

И миска упала прямо мне в руки.

Покормив его, я собирался несколько часов наблюдать, затем вечером, на закате, стонять на позиции минометчиков, посмотреть, как там продвигаются дела.

Мне вдруг показалось, что моя правая щека мокрая. Потрогал рукой: так и есть! Тучи, прослоенные черным дымом от нефтезавода, совсем сгустились. Иными словами, начинался дождь?

Наклонив прямо в кузове большой котел, я поварешкой черпал остатки мясного супа и выливал их в миску инженера.

Он принял эту миску обеими руками и с удивлением уставился на ее содержимое.

— И это всё? Это вся моя порция?

Я постарался сдержать гнев. Подняв пустой котел, я наклонил его вровень с его глазами, так, чтобы он мог заглянуть внутрь.

— Думаете, я что-то себе оставил?

И я в сердцах бросил котел на дно кузова. Но инженера этот грохот не напугал.

— Ты опоздал, но это ладно. Но ведь я голодным останусь!

— Хлебом возместите, что за беда?

— Но почему?

— Потому, что на одного человека оказалось больше. Притом от вашей-то порции я ничего не оторвал.

— На какого человека?

Он, видно, совсем обнаглел. Словно долг с меня взыскивал. Я ничего ему не стал объяснять. Вытащил рацию из кабины и пошел к лестнице.

Устал я очень. Сильнее обычного устал. Половчее закинул рацию за спину, поправив оба ее наплечных ремня, и полез наверх. Войдя на третий этаж, увидел, что пушистая кошка сидит на кровати, и там же рассыпано что-то белое. Присмотрелся:

шахматные фигурки! Стало быть, старик играет в шахматы? Но с кем? Впрочем, мне было не до этого.

Я полез выше. Остановившись, услышал шаги инженера. Наверняка поднимается в свою главную резиденцию на третьем этаже.

...Ну конечно: кошки! Он ведь их собирался кормить, отсюда всё его ворчание. Поняв причину его раздражения, я успокоился.

Я поднялся на крышу почти бегом и сильно запыхался. И все-таки слышал его поднимающиеся шаги. Чтобы перевести дыхание, я присел. Тяжелая рация покинула мои плечи и встала на кирпичи пола. А вскоре появился инженер. Уже без миски в руках. Я всё еще не мог отдышаться и потому спросил его прерывающимся голосом:

— У вас... де... дело?

Не ответив, он прошел мимо меня к парапетной ограде. Перегнулся через бортик с той стороны, которая выходила на улицу. Потом повернулся к нефтезаводу и, вскинув голову, смотрел на упорное, не уменьшающееся пламя пожара. Что он там высматривает? С того же третьего этажа он ведь тоже может сколько угодно смотреть на этот милый его сердцу комбинат. Следовательно, это показное разглядывание имеет какой-то свой смысл? Но мне нужно было начинать работать. Я пошел к тому укромному местечку, куда спрятал бинокль.

— Инженер! Ты трогал бинокль?

У меня была привычка плотно закрывать окуляры резиновым чехлом. А сейчас закрыто было

не так. Я обвинительным жестом нацелил палец в его грудь.

— Я? Я, господин?

Он также рукой указал на себя.

— Ладно. Неважно.

Я поставил на место деревянную подставку и укрепил на ней бинокль.

— Извините, пожалуйста! Я не спросил разрешения, но так хотелось посмотреть в бинокль на нефтезавод... Хоть на минутку глянуть... Я не подумал...

Стекла бинокля были все в пыли. Я расстегнул верхнюю гимнастерку и нижней белой рубашкой протер их.

— Вы опять будете искать ту же, прежнюю вещь?

— Ну... так!

И я припал к окулярам. Опять эти две привычные окружности перед глазами. Но правый круг был темным! Почему? Я проверил все три настройки: окуляров, линз и дальности. Настройка правого окуляра была передвинута на три деления с моей обычной настройки.

Между тем инженер, подперев рукой подбородок, продолжал разглядывать нефтезавод. И на здоровье! Хорошо бы, если бы он вот так и дальше молчал... Я поправил настройку бинокля и приник к окулярам. Теперь всё было видно ясно: пальмовые рощи, река, небольшой сектор пустыни позади пальм. В общем, всё как обычно: знакомая картина. И тут я услышал его голос:

— Несчастливая пешка!

Я обернулся. Инженер стоял подбоченясь.

— Это вы мне?

— Да, это я вам! Тому, кто столь явно занят лишь своим делом, а между тем не дает покоя мне, старику.

Он говорил громко — почти кричал. Впрочем, кто его услышит? Все дома вокруг обезлюдели. Но я ухмыльнулся: «не даю покоя». Это же надо придумать!

— Знаете, мне не до разговоров. Разрешите мне продолжать работу?

— Но, в конце-то концов, господин хороший! Вы уже два дня не даете мне спокойно жить в моем собственном доме. Вы разбили мой горшок с кактусом. Вы взяли моду пониматься сюда наверх и разглядывать в бинокль этих несчастных на том берегу...

— Подождите-ка секунду! А вначале вы что сказали? «Несчастливая пешка»? Так?

— Да, именно так! А разве вы не пешка?

И он вдруг подошел ко мне и с ловкостью выхватил у меня бинокль. И, приставив его к глазам, пошел к парапетному ограждению.

— А ну назад, старик! Сейчас увидят тебя! Снайпер тебя засечет — убьет!

Он быстро отошел от того бортика к противоположному.

— Всё то же самое! Или они тебя убьют, или ты убей! Они бьют пешку, и вы, уважаемый, бьете пешку. Издевательская шахматная партия! И обе стороны ее проигрывают!

Я постарался восстановить хладнокровие.

«Да, поистине Парвиз собрал удивительную компанию! Отборнейшие чудачки! Это поведение

инженера, видимо, продолжение каких-то предыдущих безумств».

— Во-первых, отдайте-ка мне бинокль. А потом можете, по совести говоря, делать всё, что хотите!

— А зачем вам нужен этот бинокль? А, господин?

— Да уж, наверное, у меня есть работа, раз я пришел сюда. И терплю старого придурка вроде тебя! А ну, верни бинокль!

Но он, наоборот, отступил еще дальше. Видимо, он искал подобной ситуации и вот обрел ее.

— Верну, если вы ответите на мой вопрос.

— Опять «что такое *what*»? Правильно?

— Нет, господин хороший! — он перешел на крик. — Нет! Я два дня уже дрожу от страха из-за вас и из-за вашего автомата! Так хватит играть со мной! Отвечайте!

Я подумал, что, если он бросит бинокль на улицу, то не бинокль — душа моя разобьется! А он то поднимет бинокль над головой, то опустит его. Он сказал «автомат»! Аллах всемогущий! Я же забыл «калашников» в кабине фургона, а инженер оставался там, внизу...

« Неужели...»

Правильнее всего было успокоить его.

— Успокойтесь! Вот сейчас конкретно что вас не устраивает?

— Что меня не устраивает, господин? Этот дом — мое жилище. Я живу здесь. И я жил спокойно. Я был в безопасности. Мне ни до кого не было дела — и до меня никому. И вот вы приходите,

сначала на нижний этаж, потом на верхний. И чем вы, в конце концов, занимаетесь? Я должен это знать? Я тут живу, черт подери!

И бинокль держит на весу.

«Ребята! Какой позор...»

Следовало любым способом успокоить его.

— Я согласен с вами, инженер! Согласен! Только успокойтесь. Я вам всё расскажу.

Я говорил, а думал лишь о бинокле.

— Тогда я вас слушаю!

— На той стороне реки есть нечто, что я должен отыскать. Вот и всё!

Он указал мне глазами на бинокль и капризным тоном потребовал:

— Нет, не всё! Расскажите подробнее!

Это был явный шантаж. Завладев биноклем, он превратил меня в свою послушную марионетку. В этакого чертика в театре теней.

— Ну? Разве вы не обещали рассказать?

— Но я же сказал: ищу!

— Что именно ищете?

— Установку.

— Какую именно установку?

— Какую-какую... Тебе что за дело?

— Вы в моем доме. И я имею право знать.

— А кто сказал, что это ваш дом? Вы так же пришли сюда и самовольно вселились! Семь этажей захватил! Благодарите Бога, что идет война и что есть возможность такому неудачнику, как вы, найти убежище, а не бродяжничать...

— Неудачнику? Это я неудачник? Вы меня оскорбляете! Да я... Я...

— Не надо так много якать. Мне работать пора; отдайте бинокль!

— К сведению уважаемого господина, я себе выслужил пенсию, вот на этом самом нефтеперерабатывающем заводе. Тридцать лет беспорочной службы и «грэйд найн» — английская «девятая ступень»! Да, девятая ступень!

— А по мне, хоть сотая ступень! А сейчас вы никто!

— Я никто? Давайте начнем с того, что я человек, владеющий логикой. И сделаем следующий шаг: у кого из нас проблема? И кто задает вопросы: вы или я?

...Итак, он бросил мне вызов. Я поднял голову. Тяжелые, как бы спрессованные, черные тучи! Когда же пойдет дождь?

— Ну что ж, уважаемый господин логик, вы предлагаете словесную дуэль, я ее принимаю. Но при одном условии!

— Что за условие?

— Мое условие: тот, кто проиграет, заткнется!

Он немного подумал. На миг показалось: начинается какую-то новую шутовскую игру... Но нет:

— Согласен. Но первый вопрос задаете вы. Поэтому что вы — мой гость.

Только что он оскорблял меня, а теперь называет «гостем»... Но с чего мне начать? Я огляделся по сторонам. Недоделанные кирпичные парапеты...

— Возьмем этот дом! Разве человек в своем уме выберет его под жилье? Ни дверей, ни окон. А зимой холодно! Летом — если доживете до лета — наверняка здесь жарища...

— Это весь вопрос?

Он так уверенно держался... Но, пожалуй, правильно: того, что я сказал, было мало. И я вновь задумался. Зачем вообще я начал эту глупую игру?

— Ага, вот! Горшок с кактусом! Насколько я знаю, кактусы и цветут-то не каждый год. И вот, разве человек в своем уме, видя вокруг столько цветов и зелени, возьмет себе эту колючую проволоку, чтобы каждое утро, пробуждаясь, лицезреть ее на окне?

— Теперь всё?

«Черт тебя побери! Чего ты еще хочешь? Энцефалограмму мозга с подтверждением ведущих специалистов? Хватит и того...»

— Итак, у вас всё?

— Нет, вот еще. Что такое *what*? Ответьте сами на тот вопрос, на который двадцать тысяч специалистов, и теде и тепе...

Это уже было наверняка. Я попал в десятку! Больше добавлять ничего не требовалось.

— Но теперь-то у вас всё?

— Теперь-то всё!

Он скрестил руки на груди. Я почувствовал, что бинокль в его руках буквально молит о пощаде.

— Позвольте и мне задать вам несколько вопросов?

— Нет! Сначала ответы!

— Хорошо, господин! С удовольствием вам отвечу! Вы озвучили три вопроса... Но я яснее выражу ваше намерение: три признака, по которым ваш покорный слуга должен считаться сумасшедшим...

— Давайте без уверток! Вы не можете ответить, так?

— Сию минуту, господин, сию минуту! Вот ответ на первый вопрос. Вы спросили, почему я выбрал это здание. Мне очень жаль, но до этого вопроса я, по крайней мере, считал вас военным, теперь, однако, с вашей же помощью я понял, что ошибался. Юноша!

«Зачем я втянулся в эту игру? Боже, зачем?»

— Тридцать лет назад ваш покорный слуга пришел простым рабочим на этот самый — да, на этот самый нефтеперерабатывающий комбинат. И вот однажды утром я вдруг не услышал привычного заводского гудка. Я подумал, что я просто проспал его, и поспешил на работу. Но впервые на моей памяти завод был закрыт. Абсолютно невозможная вещь! А знаете, почему он был остановлен? Нет, не знаете! Потому, что это был шахривар двадцатого¹ года, и вот на эту самую пристань высадились индийские и английские солдаты. Дорогой вы мой! Мастер-англичанин сказал мне: зачем пришел на работу? Уходи и жди, пока известим. Тогда я понял, почему не звучал гудок. И скажу вам, что та война, вот в этом городе, длилась всего один час. Вся война окончилась за час!

— Вы опять не отвечаете на вопрос! Опять увертки!

— Сию секунду! Через два дня мастер-англичанин, как рабочему с чувством ответственности, увеличил мою зарплату на кран². Кран тех лет,

¹ Шахривар 1320 г. солнечной хиджры соответствует концу августа 1941 г.

² Кран — иранская монета, равная 1 риалу.

заметьте! Итак, тридцать пять лет назад я видел войну и не испугался. А вот ответ на первый вопрос: во время войны какое здание безопаснее — одноэтажка или двадцатиэтажное?

— Да, но не семиэтажное здание, которое и так дало осадку.

— Когда фундамент этого здания дал осадку, он все-таки выдержал весь его вес, а значит, будьте уверены: дополнительный вес старичка ему не помеха! Теперь второй вопрос. Вы изволили критиковать кактус. Но кактус в наименьшей степени нуждается в воде. Поэтому при нашей нехватке воды любое другое растение было бы неуместно. Вы согласны со мной?

Что ж, два первых ответа могли сойти за подтверждение его разумности. Но вот третий вопрос был убийственным!

— И последний ваш вопрос. Ваш уважаемый предшественник, чей добрый нрав, по сравнению с вашим, вызывает во мне сильную ностальгию, просто любил всякого рода шутки. Вот и всё. И эта — одна из них; та, которую он больше всего любил. А теперь маленькое замечание. Если вы убеждены в безумии вашего покорного слуги, то какова та логика, которой вы собирались убедить безумца?

Здесь он попал в точку... Я этот вопрос как-то не продумал, и вот он посадил меня в лужу...

— ...Что ж, теперь, согласно нашему договору, очередь вашего покорного слуги получить от вас ответы. Вы позволите? Готовы?

— Валяйте, спрашивайте... — ответил я.

И я включил рацию. Послышалось шипение, похожее на змеиное...

«Как мне втолковать этому человеку, что он должен оставить меня в покое? Ему хоть кол на голове теши».

— Итак, ответьте: зачем вы мне портите жизнь?

«Можно ли придумать худшую пытку? Фактически силой сделать меня водителем кухонной машины, при этом, вопреки сотне трудностей, я продолжаю выполнять обязанности наблюдателя, выношу издевательства этого господина... И в итоге всем и каждому я — должник!»

— Вы неверно ставите вопрос. Я вынужден был прийти сюда. И не спрашивайте о причинах! Два, максимум, три дня я обязан здесь работать. После чего данная вилла-развалюха целиком будет пожалована вам и вашим кошкам!

— Ответ не принят, — сказал инженер.

— Пусть так. Следующий вопрос.

— Вы говорите, ищете установку. Но почему с такой высоты? Эта установка такого рода, что...

Тут я должен был его остановить.

— На этот вопрос я не уполномочен отвечать.

— Ну, видите сами, господин! Видите... А ведь я имею право знать... Не говоря уже о том, что я сам отсюда мог кое-что заметить, что вам, возможно, пойдет на пользу.

«То есть этот человек, пока меня здесь не было, мог найти радар? Возможно ли это? При том, что он вовсе не знает, что именно мы ищем...»

— Старче, ты что-то увидел в этот бинокль?

— Условно скажу, что это возможно.

— Видел или нет?

— Если вы прямо ответите на мой вопрос, я так же прямо отвечу на ваш.

Драгоценное время стремительно утекало. Я должен был вновь рискнуть.

— Ну хорошо, внимательно слушайте меня и смотрите.

И я указал рукой на ту сторону реки.

— Где-то там появилась установка, которая может точно засечь любой выстрел нашей пушки или миномета. И потом сразу...

И я сильно хлопнул рукой об руку. От этого неожиданного звука инженер аж подпрыгнул на месте.

— Бинокль не урони... Поэтому мы уже два дня не стреляем и обследуем каждую дыру, где может быть этот радар, чтобы найти его и уничтожить. Вот и всё!

— А если эта установка, этот аппарат не будет найден?

— Тогда нам конец. В любой момент, когда захочет их левая нога, они могут устроить нам конец света, то есть превратить этот город в море огня.

— А вы?

Он как-то задумчиво это спросил.

— А нам остается сидеть и играть в бирюльки, — ответил я. — Или гадать на кофейной гуще.

— Значит вы, уважаемый, ищете установку, с помощью которой иракцы могут устроить городу конец света?

— Именно так.

— Замечательно! Иными словами, вы ищете «Машину Страшного суда», не меньше того.

— Как хотите, так ее и называйте! Только ответьте мне: вы видели что-нибудь подозрительное на той стороне реки? Вот в этот бинокль?

Он не отвечал; было видно, что он крепко задумался. И как-то сразу прыти в старике поубавилось.

— А скажите, вот эта ваша Машина Страшного суда, — спросил он, — какой она формы? Размеры какие? Цвет?

«А и правда, какая она? Что мне сказать старику?»

— Почему вы молчите? Ведь я могу помочь вам, господа!

— Я точно не знаю. Никто ничего не знает. Может, и вообще никакой установки нет.

Слова эти я выговорил так быстро и так негромко, что думал: инженер вообще не расслышит. Однако старик расслышал. Вначале он взглянул на меня с возмущением, затем губы его растянулись в саркастической улыбке.

— Вот так чудненько! Чудненько! Уважаемый господин приходит и разрушает налаженную жизнь. Под каким предлогом? Мол, на той стороне появилась «Машина Страшного суда», и господин обязан ее найти. Какой она формы? Не знает. Какого цвета? Не знает. Вообще есть ли она? Неизвестно. Но тогда как же вы ее собираетесь найти? Каким способом? Вообще, если эту историю, которую вы рассказали мне, вы расскажете еще кому-то, как вы думаете, он не поставит под вопрос вашу нормальность? А, господин?

Да, опять я сел в лужу. Я раскрыл ему наши тайны, а он все наши нестыковки перевалил на мою же, якобы безумную, голову.

— Дайте-ка сюда бинокль! — Я протянул руку. — Хватит болтовни! Давайте!

Я неожиданно властно это произнес. Он сначала остался неподвижным, потом медленно-медленно шагнул ко мне, еще раз шагнул и протянул мне бинокль. Я схватил его.

— И напомним вам, старче: врать мы не договаривались! Ты сказал, что что-то видел?

— Да, так. Видел кое-что новое!

Итак, он продолжает игру? Я уже ему не верил.

— Я не вру, отнюдь. Подойдите! Вот сюда встаньте и посмотрите, куда я показываю!

Место, на которое он указывал, было в черте города, вовсе не за рекой.

— Но это же наша территория!

— Да, я знаю! Но от вас не убудет, господин, если взглянете в бинокль. Вон там люди работают!

Я раздраженно поднес бинокль к глазам. Он был прав. Между домами была открытая площадка, и на ней несколько человек таскали мешки.

— Это же они! Асадолла!

Я ловил биноклем их лица. Гасем, Мухаммад, а это... Джафар!

«А Джафару что там надо? Он хорошо причитает по умершим, поет на траурных церемониях, но что-то серьезное?»

Если судить по высоте уложенных мешков, то похоже было, что работа их близка к завершению.

Итак, новый минометный окоп был виден с этого

здания. Это удачное совпадение могло, пожалуй, сильно помочь всему нашему плану. Я обрадованно повернулся к инженеру:

— Спасибо, старче! Замечательно!

— То есть это иракцы?

— Нет, друг мой, это наши ребята.

Я вернулся на свое рабочее место и опять приладил деревянную подставку под бинокль.

— Теперь у меня к вам одна крохотная просьба. Господин инженер! Я согласен: я безумец! Но только дайте мне работать!

— Нет возражений, — ответил он. — Вот только я голодный.

— А разве я вам не привез обед?

— Дорогой господин! Там всего четыре ложки, подумайте сами: ведь даже кошкам не хватит!

— А вы бы, глубокоуважаемый, раз вместо цветов выращиваете кактусы, так почему бы вам, по аналогии, вместо кошек не завести муравьев или жуков? И компания вокруг вас будет, и много еды не надо возить. А теперь что я могу сделать?

Я посмотрел ему прямо в глаза. Бинокль был у меня, и продолжать с ним дискуссию я не считал необходимым. Он встал и пошел к лестнице. Я же вновь прильнул к биноклю. Но услышал его голос:

— Говорил я, что вы куча пешек и не более того; точно, как и деятели по ту сторону реки. Разницы нет между вами. Что белые, что черные... Тщитесь выполнить что-то — сами не знаете, что, — пока вас не убьют. Поистине, смеху подобно!

Он уходил, и его громкие крики делались тише и тише. Поистине, даже ругается этот человек необычно!

«Кстати, что сказал господин Гасем в штабе отряда, сразу после того, как ранило Парвиза? Он сказал: войну восхвалять могут только глупцы и сумасшедшие. Но вы здесь не воюете. Вы только — и исключительно — *останавливаете* войну... А вот теперь инженер и эти его слова...»

«Итак, еще раз пальмовая роща с того края и пустыня за ней...»

И вдруг всё вокруг сотряс грохот взрывов — одного за другим. Не помня себя, я бросился вниз плашмя и лежал, прикрывая голову обеими руками. Ракеты «катюши» одна за другой, свистя и воя, пролетали над головой. После двух дней затишья этот обстрел был тем более неожиданным!

По привычке я считал пролетающие над зданием ракеты: 22, 23, 24, 25... Всего 30! Тридцать реактивных снарядов. «Катюши», состоящие на вооружении иракцев, несли как раз 30 ракет каждая, и вот сейчас боекомплект был выпущен полностью.

Между тем в городе уже громыхали взрывы этих ракет! Один за другим, причем взрывы звучали по-разному в зависимости от того, на какую территорию, на какие объекты падали ракеты.

Больше двух часов продолжался наш с инженером спор. И сейчас обстрел этот оказался таким неожиданным, что у меня даже не хватило мужества найти в бинокль точку, откуда велся огонь... 27, 28, 29, и вот — тридцать взрывов, и сердце мое невольно успокоилось. Попало не в нас — в другое место.

Поднявшись, я посмотрел назад: из нескольких точек в центре города вздымались густые клубы дыма и пыли; и сливались воедино. Кажется, поражен был городской рынок.

Не ошибаемся ли мы? Неужели они действительно нас проверяют: откроем ли мы огонь и ответим ли на их обстрел — но тогда с помощью своей установки они нас уничтожат... Мысли мои металась неуправляемо.

Я торопливо надел рацию и взял бинокль. Небольшое облачко дыма и пыли виднелось в конце пальмовой рощи на границе с пустыней. Всё остальное было спокойно. Я запомнил это место, чтобы позже занести его в тетрадку. Глубоко вздохнул. Нужно было срочно найти и зафиксировать воронки от взрывов. Хотя какая польза теперь от этих сведений, если всё равно ответить мы не можем?

Спускаясь по лестнице, я почувствовал, как сильно бьет по спине рация: с каждой ступенькой подскакивает, а потом ударяет по прежнему месту выше крестца. Нужно будет сильнее затянуть наплечные ремни...

Инженер стоял у дверей на площадке собственного этажа, всем своим видом показывая, что ожидает меня. Вот до него осталось семь небольших ступенек. Шесть, пять, четыре, три, две, и вот мы лицом к лицу.

— Сейчас мне разговаривать некогда! — бросил я и двинулся ниже. И вот уже постепенно удаляюсь от него.

— А куда вы, господин? Испугались? Машина Страшного суда заработала?

И от его хохота даже лестница завибрировала. Ясно было, что он не в себе. Хохочет в точности как те, которые от хохота могут перейти к рыданиям. Но ведь смех в этой ситуации, когда ясно, что в городе от обстрела погибли и ранены люди, был вовсе не уместен...

И вот я на первом этаже и бегу к фургону. Хотя спускаться легче, чем подниматься, все-таки я сильно запыхался. Распахнул дверцу и приподнял сиденье. Автомат, зеленая сумка и всё прочее было на месте. Я снял рацию и в этот миг услышал голос инженера сверху. Поднял голову. Он указывал мне на второй горшок с кактусами:

— Вы тот горшок разбили, а я кактус в этот пересадила. Как думаете, приживется?

Я затолкнул рацию подальше в кабину, на пол, и сел за руль. Нужно было ехать к рынку. Что меня ждет там? Я перевел дух.

«Чем ты сможешь там помочь, паренек? Разве что перетаскивать тела убитых?»

Неужели мы и правда — лишь жалкие пешки? Они, когда захотят, молотят по городу. Теперь, как назвал ее инженер, «Машина Страшного суда» считается со всеми...

Я завел двигатель, заработавший со своим странным свистом, и рванул машину с места. А отъезжая, все-таки расслышал сквозь вой мотора слабо донесшийся до меня крик инженера:

— Мороженое! А где же мороженое?

ГЛАВА 13

— Чего стоишь, смотришь? Давай помогай!

Крикнув это, солдат продолжал разбирать завал из обломков рухнувшей крыши рынка. Я колебался: за что мне взяться? Вместе со мной во двор разбомбленного овощного рынка вбежали и другие люди — изумленные, напуганные...

Постепенно все втянулись в работу — кто как мог. Один из снарядов «катюши» угодил прямо в чугунную крышку канализационного люка: едва ли не худшее попадание, какое только можно представить! В отличие от удара в землю, которая поглощает часть осколков, здесь все осколки отскочили вверх. И более того, сама крышка люка, расколовшись, превратилась в осколки.

Я взял с собой лишь зеленую полевую сумку. Подошел к солдату, который крикнул, чтобы я ему помог. Он хлопотал вовсю, расчищая завал. И все-таки я колебался: в чем состояли мои обязанности? Вообще-то в том, чтобы зафиксировать попадание ракеты и быстро ехать дальше...

Я закинул сумку полочнее за спину и обеими руками начал ему помогать. Но мозг мой сверлил вопрос: там, где еще недавно предлагали свой товар женщины-арабки — продавщицы кисломолочного напитка — и откуда сейчас к высохшему арыку

тек ручей крови, — сколько человек раненых там, под завалом? Сколько человек?

— Помогай скорее! Сейчас еще ударит!

И он в ярости вытащил из кучи и отбросил к стене большой кусок бетонной крыши. Под грудой мелких обломков ничего не было видно. Я начал их отгребать и отбрасывать.

— Ты уверен, что там кто-то есть?

— Десять минут назад я у нее овощи покупал.

Подбежали еще трое спецназовцев и, ни слова не говоря, начали помогать. Защитный костюм одного из них был красным от крови, и еще ярче краснели его руки. И вот уже из-под обломков показалась женская рука. Совсем белая рука с двумя тускло-серебряными литыми браслетами...

Солдат вдруг быстро опустил рукав этой женщины, закрыв им браслеты. Это его движение было очень неожиданным. А он уже вновь работал с прежней яростью. Тела женщины всё еще не было видно. Солдат взялся за последний, вероятно, очень большой обломок. Когда он пошевелил его, рука женщины тоже резко вздрогнула.

— Она еще жива!

Солдат сильнее потащил за обломок, и рука женщины вздрогнула резче. Один из спецназовцев крикнул ему:

— Не двигай!

И он придержал солдата. Тот словно ничего не соображал.

— Оттуда, наоборот, тяни! По моей команде поднимай! А туда не дави, понял?

И один из спецназовцев уперся расставленными ногами по сторонам тела женщины. Солдат сделал то же напротив него. Мы, трое остальных, только смотрели, не зная, за что взяться.

— Раз, два, три! Тащи!

Они вдвоем одновременно подняли большой обломок. Тело женщины, словно ее тянули за шею, также поднялось, а потом — очень медленно — опустилось. Спецназовец зажал рукой рот и отошел, отвернувшись, в угол, чтобы его не стошнило. В шею женщины вошел сзади рифленый стальной прут или штырь бетонной конструкции и вышел спереди. Видимо, когда взрыв разнес крышу, один из ее бетонных кусков с этим торчащим штырем упал на бедную женщину и проткнул ее шею. Видна была также зелень, покрытая загустевшей кровью. Глаза женщины были широко открыты, как и ее рот; умерла она, вероятно, от удушья.

Бетонный этот кусок поставили на ребро, и целиком стал виден злополучный штырь, длиной примерно в локоть. Теперь двое спецназовцев также занялись делом: положили женщину на спину. Когда штырь вышел из ее шеи, оттуда хлынула и свежая кровь. Теперь каждый из них взял женщину за одну руку, и ее потащили в сторону улицы. На обломках, по которым они волокли тело, оставалась кровь...

— Помогайте же!

Слова были обращены ко мне и к солдату. Я догнал их и взял женщину за лодыжку, а солдат — за другую. Прикосновение к ее голой коже вызвало во мне странное чувство. Коснуться тела женщины... Страшна была ее смерть, хуже, чем от осколка.

В тот миг, когда поднимали бетонный обломок, я заметил, что его рифленый штырь вырвал из шеи красно-белую массу, приставшую к нему: это было мясо и жилы, хрящи.

Мы вчетвером, едва удерживая равновесие на неровной от обломков земле, вынесли женщину на улицу и положили ее на ту самую подстилку, на которой еще недавно были разложены продаваемые здесь другими женщинами молочные продукты. Тело ее было совсем теплым...

— Отвези ее в фургоне!

Это сказал мне солдат, и я взглянул на свой раздолбанный фургон. Женщина-арабка, которую мы притащили сюда, уже стала блее белого, и, в общем, было неважно, чуть раньше или чуть позже она попадет в холодильник морга.

— Это пищевой фургон, на нем покойников не возят.

«Как знаешь!» — с таким выражением солдат качнул головой. Я посмотрел на свои собственные руки и одежду: к счастью, они не были окровавлены. Свою полевую сумку из-за спины я передвинул так, чтобы она была возле правого бедра.

— Могут еще раз ударить сюда же. Пока не приехали медики, лучше вон там переждать! — и я указал на одну из лавок, дверь которой когда-то закрывали жалюзи, но теперь они согнулись и соскочили с шарниров. Трое согласились со мной, и вот уже они скрылись в темноте этой лавки. А один из спецназовцев всё сидел в проходе рынка и мазал окровавленными руками о стенку...

Я открыл свою брезентовую сумку и достал компас. Издали окинул взглядом место взрыва. Задача предстояла трудная: запутанный случай. То, что ракета ударила в чугунную крышку люка, изменило обводы воронки. Но делать было нечего. Я встал над этим люком. Открыл компас и, когда его стрелка, указывающая на север, успокоилась, поднял компас выше и в то же время сам повернулся точно в ту сторону, с которой прилетела ракета. Для большей точности следовало бы сделать какой-то ориентир, хоть из железного прута. Невольно я оглянулся на тот окровавленный прут возле стены. И подумал, что по крайней мере несколько часов я и прикосаться не смогу к подобной арматуре. Потому я предпочел снять показания компаса без подручных средств, пусть даже они будут неточными...

— А ты чего делаешь? Может, лучше поможешь с телом?

Это мне сказал один из спецназовцев. Я быстро убрал компас и достал тетрадь для записей, занес в нее номер 5947. Место попадания: овощной рынок...

— Не нужно уже, господин! Вон они, едут.

Это крикнул один из тех троих; они сейчас сидели на пороге лавки. Говорил он о приближающейся машине «Скорой помощи», чей белый корпус для маскировки был обмазан глиной. Я сложил все свои принадлежности в сумку и подошел к ним.

— Ну так что, поможешь?

— У меня другая работа, — ответил я и продолжал так, словно оправдывался в непростительном

грехе: — Я должен воронки от взрывов фиксировать.

— А вроде ты говорил, что кухонный фургон у тебя?

Я предпочел промолчать в ответ. Приехавшая «Скорая помощь» была без задней двери; мы указали ее шоферу, где встать, чтобы легче погрузить тело. Двое медиков ловко выпрыгнули из нее и поставили носилки на землю рядом с телом женщины. Потом умелым одновременным движением переложили тело на носилки. У меня словно сверкнуло в глазах...

«Я ведь знаю, куда они сейчас ее повезут! Наверняка в тот же холодильник мороженого «Мехр»! Потом на той самой машине-рефрижераторе, на которой написано: *«Мороженое «Мехр»: теперь еще вкуснее!»* — отвезут ее на кладбище... Там с утра до вечера роют землю с помощью техники, так что нехватки могил не наблюдается. И заполняются сотни и сотни могил...

А если у нее никого нет? Где ее родные? Может, где-то в далеком городе — тихом и безопасном? И знать не знают, что с ней случилось? Может, она здесь работала, а семье отсылала заработок? Где ее муж?.. Вскоре ее тело застынет в холодильнике, а затем повторится сцена, которую я видел утром: двое вынесут ее и положат в один из гробов, что громоздятся вдоль той стены. Сколько же там гробов? Не десятки — сотни... Может, один из них завтра достанется мне...»

— Ты чего замешкался? Прочь надо отсюда! Сейчас опять ударят!

Это крикнул мне солдат, уже уходящий прочь. Остальные также исчезли, уехала и «Скорая помощь» — вон она уже скрылась за углом...

Я огляделся по сторонам, потом направился к фургону. Еще много часов место продажи молочных товаров останется в таком виде. Разбитые глиняные горшки и содержимое, вытекшее из них в придорожные арыки. А вон тянется след крови, там, где несли женщину. И красная кровь смешалась с белой простоквашей! Точно как на том штыре красное мясо перепуталось с белыми хрящами...

Я с таким остервенением распахнул дверцу фургона, что, будь здесь Парвиз, он непременно обругал бы меня. И, сидя за рулем, думал о белизне кислого молока и багрянце крови. Похожие мысли заставили меня несколько часов назад выбросить в реку всю сегодняшнюю порцию мороженого!

ГЛАВА 14

— А чай-то что же, забыли?

Рука старика поглаживала кошку, а та острыми зубами терзала кость. Я взял стакан с чаем: холодный совсем! Сколько же времени прошло в раздумьях моих? Я всё вспоминал женщину-зеленщицу и этот рифленный штырь...

«О чем она думала в момент взрыва? Переключивала с места на место свой товар? А может, просто дремала?»

Опять я рассеянно приложил руку к стакану с чаем. Результат был, естественно, тот же самый.

«Холодный чай так не подогреешь!»

Шахматные деревянные фигурки — черные и белые — всё так же валялись на кровати. Белых фигурок было больше: четыре пешки, две туры, слон, конь, а также король и королева. Из черных оставался лишь король и три пешки. А где, интересно, шахматная доска? Старик оставил кошку и занялся своим ржавым самоваром.

Я воспользовался этим моментом и сунул голову под кровать. Так и есть: доска валялась здесь же, плашмя. Протянув руку, я достал ее из тьмы: картонная, старая, порванная посередине. Стряхнул ее, держа двумя пальцами, как можно было бы мышью держать за хвост. И, как недавно кошки,

теперь на меня в изумлении смотрел инженер. Я положил доску на кровать. Интересно, где остальные фигуры?

Как и все другие дела инженера, это находилось в расстройстве.

— Инженер! Ты с кем тут в шахматы играешь? А?

Я спросил это громко, и он, занимаясь самоваром, ответил мне столь же громко:

— Что вы говорите?

Я молча указал ему на фигурки, и он понял меня.

— Ни с кем не играю, господин! Один!

Я собрал фигурки в кулак. С усилием сумел захватить их все сразу, и пара пешек торчала у меня между пальцев.

— А как можно играть одному? Что это за шахматы?

Прежде чем я договорил, он подошел с толстой черной книгой и сел рядом. Я высыпал фигурки на доску — каждая из них качнулась, как маятник, вправо и влево, и застыла.

— Вот по этой книге, милый человек!

— Как это, по книге?

Он поднял брови:

— Поскольку играть мне не с кем, играю по книге!

Я сам удивился глупости своего вопроса. Но как можно играть по книге? Чтобы не сделать новой ошибки, я решил ждать, пока он сам всё объяснит. И он открыл книгу и сунул мне ее в руки: «Держи!» Я без сопротивления взял ее и увидел

на двух открытых страницах две шахматные доски с расставленными на них фигурками; а внизу что-то было написано английскими буквами и цифрами. Я поднял голову. Инженер брал фигурки и расставлял их на порванной доске, при этом он загадочно ухмылялся.

— И что дальше?

— А то, свет очей моих, что в этом примере вы, ваша милость, можете, играя белыми, поставить черным мат в три хода. Попробуйте-ка решить!

Я сравнил расставленные на доске фигурки с книгой. Их расстановка совпадала с тем, что изображалось на правой странице. Вот, значит, как он играет! На каждой странице пример; расставить фигуры в соответствии с ним и потом решить...

Я посмотрел на номер страницы: 226, а в книге оставалось, как минимум, еще в три раза больше.

— Итак, решайте, господин!

— Мне — решить?

— Конечно! В этой книге все примеры такие. В три хода белые ставят черным мат. Так смелее, ищите эти три хода!

— Получается, черные никогда не выигрывают?

— По этой книге так! Никогда! Я таких примеров не нашел здесь. Всегда только белые, и в три хода, ставят черным мат. Так не теряйте времени!
Делайте ваш ход!

— Да я вообще в шахматы играть не умею!

На инженера словно вылили ведро холодной воды. Но я действительно из всех шахматных фигур знал только пешки и то, что всегда игру начинают белые. И больше ничего.

Инженер смахнул в кучу все фигурки на доске. Они потеряли строй и закачались как пьяные. А я сидел и смотрел на него. Потом спросил:

— А зачем вы мне открыли книгу на середине? Наверняка ведь в начале были примеры попроще?

— Нет, не было!

«Черта с два не было!» — хотел я ему ответить... Но сдержался. Я вообще какую-то рассеянность чувствовал. Надо бы поскорее ехать к минометчикам, а также доложить Гасему о разрушениях и жертвах на рынке. Не время было сидеть, сложа руки. Радар засечь не удалось, и, видимо, нелогично было ждать, что его так быстро удастся найти.

Но инженер меня поистине забавлял! Он подбросил пешку в воздух и, прежде чем она упала, схватил другую пешку с доски, успел поймать и падающую первую... Он еще и жонглер!

— Может, в бабки сыграем, как мы с ребятами это называли?

Он шутку мою не поддержал.

— А чего вы так беспокоитесь? Ну не умею играть в шахматы, так ведь это не трагедия...

Он вновь подкинул пешку, и она упала на доску, сначала вроде бы устояв, но потом свалившись на другие фигуры. И мне стало жалко эту пешку — пусть она и неживая. Чем она провинилась в нашем с ним споре?

— Уважаемый, вы в точности как эта пешка, — сказал вдруг инженер. — Просто пешка! Причем несчастливая черная пешка.

— Я — черная пешка? Что ж, согласен!

Он явно нервничал и, видимо, хотел отвести на мне душу.

— Разве вы не пешка? — настаивал он.

— Я ведь уже сказал, что согласен. Я черная пешка. Но вы кто, уважаемый?

— А я в эту дурацкую игру, в которую вы все оказались втянуты, не играю. Причем уже давно не играю!

Он встал с кровати. Взял в руки картонную доску. Поколебался, покрутился на пятках, посмотрел по сторонам, словно искал что-то и не находил. Потом бросил доску туда же, где она и была: под кровать. Я решил, что просто так этого не оставлю.

— С сегодняшнего дня ваша порция уменьшается вдвое!

— Почему это? За что?

— Потому, что прибавилась дочка этой женщины.

— Но чем виноваты мои кошки? Ваш друг, предыдущий шофер, привозил нам вволю провизии...

Неожиданно инженер как-то нахохлился и начал бормотать, словно себе самому:

— С тех пор, как вернулась Гити и ее дочка, каждый день беда какая-нибудь! Сначала машина стала запаздывать. «Господин Парвиз! Душа моя! Милый вы мой! Почему так поздно приезжаете? У меня коты голодные». А он, оказывается, заезжал к госпоже, ей отвозил провизию. Теперь наша порция, ради ублажения их светлостей, вообще сходит на нет...

Утешил я его — из вредности — лишь саркастической улыбкой. Уж таково кардинальнейшее слабое место всего рода людского: зависимость от

предметов первой необходимости, конкретно — от еды. И господин инженер, со всеми его экстравагантными выходками, отнюдь не является исключением... Но почему он сказал «с тех пор, как вернулась»?

— Вы сказали, Гити с дочкой вернулись? А где они были раньше?

— А почему я вам должен отвечать? Вы мне пайку вдвое урезали...

Ясно было, что он опять торгуется.

— Да я пошутил! Кошачья еда найдется — разве что собак придется обделить. Мне не жалко ни вам, ни вашим кошкам. Но не уходите от вопроса!

— Месяц назад они вернулись...

— Вернулись откуда именно?

— Я что же, ходячая энциклопедия? Просто ваш друг сказал: «Эти же вернулись».

«Итак, после начала войны она с дочерью пришла сюда из-за линии фронта? Возможно ли это?»

После начала массовых бомбежек все, кто мог, бежали из города. Но выходит, эти двое, причем женщины, оставили какое-то спокойное жилье вдали от фронта и приехали в эту разрушенную, опасную, с дурной славой местность... С какой целью? Почему они не получают еду в мечети? А это ее нападение на меня, ее дубинка, а эта веревка, которой она привязала девочку?

— Первый раз я их увидел на овощном базаре...

— Вместе с дочерью?

— Нет, дочери не было. Это позже господин Парвиз сообщил мне, что она с дочерью. Я думаю, в тот раз дочь она где-то оставила.

— А вы их раньше знали?

— Я знал ее первого мужа. Это был старик из Кувейта, с лохматыми волосами, а посередине лысина. Лицо мыслителя, и изъяснялся исключительно на арабском цветистом языке. Он ее увез в Кувейт. Говорили, мол, «мужчина-араб взял славную девушку из села с умеренным климатом и утащил в адское пекло без воды и зелени, в Кувейт». Господин, вы тех времен не застали, а тогда такое у них было обыкновение, у кувейтцев. Через некоторое время она вернулась, с ребенком на руках.

— С этой дочерью?

— Нет, то был сын. Похоже, что-то между отцом и...

— И матерью, понятно! Но разве это не странно, что она в таких обстоятельствах вновь приехала сюда? Наверняка какая-то причина у нее должна быть.

Он вновь сел рядом со мной. Взялся за стакан чая.

— Да он холодный!

Тем не менее инженер быстрым движением опрокинул в себя стакан, потом тыльной стороной ладони вытер рот. Чай был не сладкий, к тому же холодный. Как он осилил такое питье?

Стоило мне задуматься о жизни Гити, и появлялись сотни вопросов. Выясняется, что кроме дочери у нее еще и сын...

— А сын где сейчас?

— Вот этого не знаю...

Он покачал головой, потом продолжил свой рассказ:

— Эта дочь — от ее второго мужа. Второй оказался хуже первого. У нее золотишко осталось от первого мужа — он, наркоман, всё спустил, а потом беременную Гити взашей выгнал из дома! После чего Гити-ханум принялась ему мстить. Второй муж, что называется, развратил ее, и она продолжила в том же духе: мужчина за мужчиной... Ну вот и я, за кусок хлеба! Раскрываю вам тайны чужие...

Я сделал глубокий вдох, потом выдохнул. Он был прав, я не должен был влезать в ее личную жизнь. Но слово за слово...

— И вот по этой самой причине она вновь вернулась в тот квартал?

— Нет, Гити вообще никогда в этом квартале не работала. Год-два она всего промышляла этим делом... потом взяла себя в руки, начала делать честную работу, а вскоре вместе с сыном и дочерью уехала из города. Говорят, научилась шить и этим ремеслом зарабатывала на хлеб.

— Уже после революции?

— Нет, до революции. Несколько лет до революции.

— А где ее сын?

— Не знаю, господин! Я вижу, что я и так всё вам продал, в обмен на еду для кошек. Даже то выложил, во что не имеем права вмешиваться ни вы, ни я. Может, закончим этот разговор?

Видно было, что он расстроен, подавлен тем, как говорил со мной, якобы уронив свою честь. Я решил сменить тему:

— Господин инженер! А почему вы дали мне такую сложную задачу из вашей шахматной книги?

Он сидел, нахохлившись, и ответил устало:

— Я задачу не выбирал, я взял ту, которая совпадает с имеющимися фигурами.

— То есть у вас не все фигуры есть?

— Нет! А у вашей милости все фигуры?

— У меня? — я удивился. — Да у меня вообще шахмат нет!

Он встал, руки упер в бока. Кошка насторожила уши. Негромко инженер спросил меня:

— Если вы, уважаемый, не игрок по натуре, то зачем вы вообще туда, наверх, ходите? Зачем, дорогой мой? — Инженер указал рукой в сторону пограничной реки, и вдруг его словно прорвало: — Вон там, за рекой, ваш противник! Вы хорошо их разглядели? А я жду от них страшного! Жду, когда они начнут свою работу! Начнут работу и всё тут успокоят; всем нашим бедам тогда конец придет! Как и всей нашей жизни!

Его глаза налились слезами. В первый раз я видел его в настоящем смятении. Он отошел к своей нише с книгами и повернулся лицом к этим книгам, спиной ко мне.

— Вы думаете, мне очень нравится сидеть в этой семиэтажной развалюхе и ждать тарактения вашего фургона? Когда состаритесь, поймете меня. Может, в ситуацию попадете похуже моей. Я-то за всю свою жизнь никого не убил. А вы готовитесь убивать. Сейчас вы молоды и самонадеяны, о будущем не думаете. Но пройдут годы — это, кстати, если вы переживете войну... Я был по молодости еще хуже вас. Намного хуже! Лет тридцать пять вашей жизни вам предстоит отдать на пустые

и дешевые цели. А теперь мне уже всё равно! Все идеи оказались пустыми! Все.

Инженер в отчаянии опустил голову. Я не видел смысла как-то оправдываться перед ним. И всё же, раз я был здесь, следовало немного разобраться в делах этого человека.

— Так почему, уважаемый, вы остались в этом городе? А не уехали со всеми?

— А я уже много лет ждал такой возможности. Найти уединенное местечко, без людей вокруг.

— Стало быть, вы рады, что война началась?

— Скажем так: мне это безразлично.

— А где ваша семья?

Он взглянул на меня в упор:

— За кусок хлеба я и об этом должен рассказать?

— Нет, я ничего подобного от вас не требую. Не хотите, не говорите!

Я тоже встал на ноги, колебался. Нужно было ехать в отряд. И я сказал как можно более проникновенно:

— Господин инженер!

Он молчал.

— Я хочу вас освободить от зависимости от этого фургона, — продолжал я. — Другими словами, сделать так, что, если запоздаю с доставкой пищи, то действительно бы чувствовал себя перед вами виноватым и обязанным вам.

— Каким же это образом? — он поднял голову.

— Очень просто! Идите наверх и, пока меня нет, берите бинокль и наблюдайте за тем берегом реки. Внимательно следите за ними — согласны?

— Но вы же не объяснили мне, что именно нужно искать?

— Вы прямо нашими словами говорите! А слышали историю об одном человеке, который увидел сумасшедшего, много лет глядевшего в какую-то дыру? Человек подошел, глянул и что сказал, помните? Он сказал: я там ничего не вижу! А безумец ему: уходи и не гневи меня глупыми речами! Я десять лет смотрю и ничего не увидел, а ты за минуту хочешь того же достичь?

Цветок гримасы расцвел на лице инженера, он положил мне руку на плечо:

— Этим рассказом вы опять намекаете на то, что у меня «не все дома»?

— Аллах свидетель, я сам запутался: кто сумасшедшие, кто разумные! Просто, если увидите что-то необычное, запомните место, а потом покажете мне! А кто знает, может, Аллах захочет, чтобы установку нашел именно господин инженер?

— Ну, вы уж слишком...

— Так значит, согласны? — и я протянул ему руку.

— Хорошо. — Он пожал ее. — Но в обмен я диктую в вопросах питания. И вот, кстати, господин командир, а где сегодняшнее мороженое?

Я задумался. Я был уверен, что, если он узнает о месте хранения мороженого «Мехр», то он тоже не захочет его есть. И все-таки лучше промолчать, что я и сделал...

...Итак, с этого момента в нашем наблюдательском «полку» прибыло. Групповой портрет троих: я, Амир и инженер! А если Гасем и ребята узнают?!

Но другого выхода у меня, похоже, не было. Старик больше не будет «не у дел», то же относится и к биноклю. А может, и впрямь отыщет радар? Если это случится, как, интересно, я сообщу об этом ребятам?

«Я ничего не нашел, господин инженер нашел!»

Что за мысли дурацкие! Уже делю шкуру неубитого медведя...

— В общем, я поехал.

— На ужин вернетесь?

— Естественно!

— Тогда привезите еды побольше! И кошки голодные, и я тоже!

Сам я от слабости едва не качался, а желудочная кислота уже, кажется, прожгла мой живот. Из-за этого я даже чая не пил.

— Привезу, привезу. Договорились. В общем, до встречи!

И я направился к лестнице. Пушистая кошка запрыгнула на кровать, а инженер взял шахматную книгу и пошел в сторону ниши в стене.

Я вымотался страшно и многое бы отдал за спокойный сон. Но дела не ждали: сначала новая позиция минометчиков, потом — кухня. Для сна минутки нет.

Пока доехал до минометчиков, сотни мыслей прокрутились в мозгу, и водоворот их совсем меня закружил. Женщина-зеленщица, мороженое «Мехр», Гити, инженер, но важнее всего — «Машина Страшного суда»...

ГЛАВА 15

— Что ты, интересно, делаешь?

Это спросил меня Асадолла, глядя на то, как я приседаю и встаю, приседаю и встаю. Новый окоп был явственно различим сквозь ветки деревьев. Но лучше было молчать. Ответ на вопрос «что я делаю» повлек бы за собой град других вопросов...

«Что ты делал сегодня? Зачем ты отдал бинокль старику? Ты и про радар ему рассказал?! Зачем же ты сам себя на посмешище выставляешь?..»

— Так ты мне объяснишь, что ты делаешь?

— Ничего особенного. Этот окоп еще ведь не закончен?

Я подошел поближе к новому окопу. Семиэтажное здание теперь было у меня за спиной. С этой точки виднелся только седьмой этаж; но я, кстати, был уверен, что только что видел там, над кирпичным бортиком, голову инженера. Некое утолщение на ровной полоске этого бордюра, на светлом фоне неба.

Форма и размеры нового окопа были примерно такими, как я и предполагал. Землю вынули на глубину в полтора роста человека, потом вынутую землю утрамбовали вокруг ямы, сама же яма как раз вмещала двух человек и миномет. Ну и поверх всего — два слоя пеньковых мешков с землей.

И вот я стоял над этим окопом. И увидел блеск бинокля! Инженер с седьмого этажа разглядывал меня в бинокль!

«Поистине смеху подобно!»

— Гасем же придет?

— Уехал в штаб дивизии увидеться с майором.

— Зачем? Он ведь сам говорил, что до последнего момента о плане никому нельзя рассказывать.

Асадолла встал лицом к лицу со мной, потом неожиданным движением скользнул вниз, спрыгнул в окоп и начал как бы измерять его днище ступнями.

— До последнего момента? Так он и настает сегодня вечером.

— Сегодня? Сегодня хотим начать операцию?

Я начал было считать те шажки, которыми мерил окоп Асадолла, но бросил. Ботинок к ботинку; вот он дошел примерно до четверти... Он медленно и спокойно поднимал ногу и приставлял пятку ботинка к носку другого, потом то же самое — другой ногой...

— Если дождя не будет.

И он указал на небо. Я поднял голову: тучи сделались еще плотнее.

— А кто так сдвинул время? Гасем?

— Нет! Сам противник! Своим сегодняшним обстрелом.

Я опять посмотрел на семиэтажку. Черной точкой торчала голова старика! Мне почудилось даже, что он нас слышит! Что-то надо было предпринять! Я спрыгнул вниз, сел сам и усадил Асадоллу.

— ...Поэтому и ребят нет?

— Правильно. Гасем увидел, что они устали, и отправил поспать перед ночью.

Итак, если не будет дождя, то сегодня поздним вечером план осуществится; но я каким-то образом должен избавиться от кухонной машины. Асадолла этого, однако, не решал, мне нужно было дождаться Гасема.

— Какое дело у Гасема к майору?

— Месье наблюдатель... Если я тебе скажу, ты не поверишь!

— А ты скажи, посмотрим.

Я встал с места и, подняв руки над головой, взявшись за бортик окопа, чуть подтянулся. Медленно высунул голову из-за бруствера... С полоски бордюра на седьмом этаже утолщение исчезло. «Стало быть, старик передислоцировался? Зачем он вообще смотрел сюда? Что здесь его интересует? Ведь мы с ним договорились! Зачем вообще я ему настолько доверился, что всё рассказал, и даже вот собственный бинокль...»

Асадолла стащил меня вниз за подол гимнастерки и усадил.

— Если не слушаешь, зачем вопросы задаешь? Что за представления ты сегодня разыгрываешь?

Но я опять привстал... Вдруг мне с полной ясностью увиделось, что нас обводят вокруг пальца! Может, вообще никакого радара нет, а этот странный старик — агент вражеской разведки, занявший позицию в высотном здании и обо всём докладывающий врагу...

«Как же мне выкрутиться-то теперь? Операция нынче ночью! Но, черт тебя поberi! Ты не

заподозрил священников, а этого старика... С другой стороны, если он всё же шпион, то ведь и я окажусь под подозрением? Даже если поверят, что я не виноват, стану посмешищем! И в первую очередь в глазах Асадоллы!

— Братцы-минометчики! Знаете, какую свинью подложили нам наблюдатели? Они со шпионом сотрудничали. Рассказали ему наш план, дали ему бинокль и наилучший наблюдательный пункт. И, что смешнее всего, даже еду ему доставляли!”

Смешок его мало хорошего сулит...»

— Гасем вчера сказал, что накануне операции не нужно привлекать минометы майора в поддержку для нас! Этим вечером должна быть полная тишина: только мы и радар, и точка. Ты слушаешь меня или нет?

— А? Что? Слушаю, понял!

Я действительно слышал все его слова, но не воспринимал их значение... Как мне выпутаться? Я опять вытянул шею... Да, это он! То же самое утолщение на бортике. Он опять наблюдает!

— Знаешь, что нам предстоит, красавчик ты мой? — продолжал Асадолла. — Господин Гасем сказал: сегодня — последний день этой игры.

— Не может быть!

Асадолла встал рядом со мной и, вероятно, хотел увидеть, куда я смотрю. Но я потянул его вниз за ремень.

— Сядь!

— Почему это?

— Да потому! Сядь, говорю!

Удивленный, он сел на корточки, прислонившись к стене окопа.

— Паренек, ты с ума не спятил?

— Сейчас не до болтовни! Где твой бинокль?

— А у тебя что, своего нет?

...Я должен был как-то выпутываться... Инженер с моим биноклем сейчас владел всей ситуацией: оттуда, где он засел, всё просматривалось. И я буквально почувствовал руку этого опытного иракского наблюдателя; вот он уже тянется к рации и через миг прикажет своим орудиям накрыть нас страшным залпом, который всё здесь превратит в пыль и прах.

— Сейчас осторожно, не отклоняясь ни вправо, ни влево, иди за мной!

Я приблизился к Асадолле и очень серьезно поглядел ему прямо в глаза. Я ничего ему не объяснил, но у минометчиков привычка выполнять приказы наблюдателя, которые он отдает им по рации. Вот и теперь Асадолла, следуя этой привычке, хотя и с ворчанием, подчинился мне и пошел за мной.

— Может, все-таки объяснишь?

— Тихо! Ни слова пока!

Мне по-прежнему казалось, что, раз инженер нас видит, то он каким-то образом и слышит нас... Впрочем, для того, чтобы убить нас, достаточно было нас просто видеть. Мы с Асадоллой укрылись за густыми ветвями деревьев.

— Быстро принеси твой бинокль! Ни о чем не спрашивай!

Он опять пошел выполнять то, что я сказал... Я выбрал самые густые заросли и теперь мог считать свою маскировку надежной.

Вот так старик, вот так чудак! Ведь я о нем ничего не знал, кроме той чепухи, которую он сам мне наговорил. Мол, во время Второй мировой войны был рабочим на той грудке металлолома, которая сейчас горит и плавится... А вот он о нас знает всё! Из-за моей собственной болтливости! Да еще и до меня, из-за длинного языка Парвиза...

Выглядывая из-за веток деревьев, я ловил взглядом седьмой этаж: седьмое небо рая, превратившееся теперь в седьмой круг ада...

...А вот и еще встреча! Из-за деревьев показался джип майора. С этой его прекрасной антенной! И еще один человек был с ним в кабине: Гасем. Джип приближался неотвратно; я следил за ним из-за веток, вытянув шею... В обычных условиях, если шоссе под наблюдением противника, я должен был бы жестами предупредить их...

«Опасность! В сторону! Вон с той верхотуры вас наблюдают! Придави педаль газа — быстрее!..»

Но сейчас всё обстояло куда страшнее... Сейчас джип майора встал бок о бок с кухонным фургоном. То, чего я больше всего боялся, произошло!

— На тебе бинокль! Только не утащи его!

Я выхватил бинокль из рук Асадоллы. Майор в своей чистенькой форме цвета хаки вышел из джипа раньше Гасема. Они о чем-то говорили, но нам этого было не слышать. Бинокль был у меня, но на виду у Асадоллы я не мог им воспользоваться. Нужно было найти способ уединиться от всех...

...Я поздоровался лишь после того, как это сделал Гасем, а уж потом майор ответил мне и протянул руку для пожатия. Он вовсе не выглядел

взволнованным, майор. А Гасем обнял меня и поцеловал в голову. Это был явный признак того, что он считает предстоящую операцию очень опасной... Гасем имел четкие принципы. В частности, он никогда явно не выказывал своих добрых чувств к кому-то. Более того, он подчеркнуто держал ребят на расстоянии и обращался со всеми нами сухо. И вот теперь, когда он меня сжал в объятиях, я почувствовал, какая нам всем грозит опасность.

— Алейкум ас-салам! Я знаю, чего ты хочешь. И я этот вопрос решил. Отец Джавада сейчас ждет тебя на кухне: примет у тебя машину.

Он заговорил о кухонном фургоне при майоре!

«Не сдавай меня, старик! Он же перестанет мне доверять! Репутация погибнет!»

«Я уже пару раз хотел перед ним извиниться, но случай не представился. Первый раз мы увиделись с ним, когда речь шла о согласовании артиллерийского огня. Калибр, дальнобойность и тому подобное: огонь их, наблюдатели — я и Амир. От этих сложных вопросов буквально раскалывалась моя голова, и я раз десять назвал майора «господин лейтенант». Всё «лейтенант» да «лейтенант»! После совещания, уже когда я садился на мотоцикл, меня догнал один солдат и объяснил мне, что «его звание — майор, а оно на несколько чинов выше лейтенанта». Я прямо в лице изменился от стыда: получилось, что я один из тех мальчишек, что пошли воевать, не зная ничего о войне, и вот столько времени прошло с ее начала, а я до сих пор не выучил воинские звания... Кстати, наверняка сам он и послал солдата, чтобы тот...»

Сейчас майор задумчиво хмурился, а я стоял рядом с Гасемом. Потом мы все вчетвером подошли к окопу. Гасем весь, с ног до головы, был испачкан землей. Стоя на краю окопа, он, словно охваченный восторгом, ткнул меня кулаком в пояс:

— Ну что, парень, готов к тому, что предстоит? Сегодня вечером смотри во все глаза!

И тут я невольно оглянулся на здание инженера. Черная точка по-прежнему была видна. Хотя она сдвинулась влево.

— Давайте поскорее отойдем отсюда!

Мне очень хотелось обо всей этой ситуации рассказать Гасему, но ведь не при майоре же! А тот, не говоря ни слова, осмотрел главный окоп, потом заглянул в вырытые ходы в два других окопа.

— Этот зачем?

— Для боеприпасов: от семи до десяти выстрелов.

— А этот?

— Для укрытия людей. После каждого выстрела будут укрываться здесь, до следующего выстрела. Мы очень хотели найти стальную дверь, чтобы из нее сделать крышу, но, увы... Сами знаете, что ни одна дверь не выдержит прямого попадания.

Майор кивнул и с меланхолическим видом перегнулся через бруствер, заглянув вглубь окопа.

— Господин Гасем! Отойдите, пожалуйста, под деревья, у меня важное дело к вам.

И все трое пошли вместе со мной. Майор по-прежнему был погружен в раздумья. Но, не доходя до деревьев, остановился, прямо на оси наблюдения инженера! Повернувшись к Гасему, он спросил:

— Вы точно уверены, что не нуждаетесь в огневой поддержке?

— Уверены! — твердо ответил Гасем. — Я понимаю, что это странно, но... Мы нуждаемся в том, чтобы радар мог засечь только минометы.

Я схватил Гасема за руку и потащил его:

— Если можно, чуть поскорее!

И вот, наконец, мы стоим под деревьями. Я успокоился, и чувство спешки как-то исчезло.

— Ну, слушаем тебя!

Асадолла уже устал от этих моих странностей. А я отчаянно искал какие-то слова и не находил их. Мозг мой словно онемел... И вдруг — искра!

— А как же народ? Как жители города?

— Жители города?

Асадолла, как эхо, повторил мой вопрос, а Гасем ответил:

— У жителей проблем не будет. Если радар действительно существует, то он будет нацеливать огонь только по этому окопу. Правильно я говорю, господин майор?

Майор молча кивнул, а мне захотелось крикнуть: «Ты только что сам сказал «если радар существует»!»

— А если он не существует, — спросил я, — тогда что? Если всю эту информацию передает врагу один-единственный агент их разведки, — что тогда?

«Два-три дня все мы бредим этим радаром, но так и не имеем уверенности, что эта вещь действительно наличествует по ту сторону фронта».

— В общем, правильно мыслишь! — сказал мне Гасем, с напряжением глядя на меня. — Если наш

план срabотает и они решат, что уничтожили миномет, может, после этого они обстреляют и город, но в любом случае мы ведь по-прежнему не имеем права отвечать. Единственное, что мы могли сделать, это выбрать поздний вечер, то есть время, когда на открытых пространствах и во дворах никого нет. Это максимум, что мы можем сделать для города.

И Гасем посмотрел на майора, хотя отвечал вроде бы мне. Но дело ведь не в том, кому отвечать... Сегодня в полдень, без нашего огня, враг устроил бойню на рынке, и женщина-зеленщица...

И я вновь словно воочию увидел рифленый железный штырь, проткнувший ее горло; и обрывки багрового мяса и белых хрящей, и струю крови...

«Где сейчас эта женщина? Наверняка в холодильнике мороженого «Мехр», в состоянии замерзания. С момента ее смерти прошло минимум три часа. А сколько часов нужно, чтобы тело полностью заледенело?»

— Мне нужно возвращаться в артиллерийский парк, — сказал майор, — готовить расписание огня на завтра. Иншалла, вас ждет успех!

И он пожал руку нам двоим. Когда он подал руку мне, он пожал ее сильнее обычного:

— Иншалла, сегодня вечером сможете их обмануть. Я говорю с учетом всего сказанного. До свидания!

И они с Гасемом пошли к джипу. Асадолла ткнул меня в бок.

— В конце-то концов, что с тобой? Всё-то ты скачешь, болтаешь! Бинокль мой зачем тебе был?

И он выхватил у меня бинокль.

— Отдай! Он мне еще нужен.

Не прошло и нескольких часов после моего противостояния с инженером из-за бинокля... Но Асадолла не стал пререкаться и вручил мне бинокль. Я не стал больше ждать. Я приник к окулярам и, чтобы сбить его с толку, начал разглядывать наш окоп. Мешки увиделись так близко, словно я лбом в них уткнулся.

Потом я изменил положение тела, как это делает, например, стрелок, готовясь стрелять поверх какого-то барьера... И навел бинокль на верхний парапет здания. Да, это был он, инженер! Я даже чуть подкрутил резкость, чтобы увидеть выражение его лица. Наверное, и он то же самое делал, глядя на кого-то из нас...

...И вот я медленно опускаю бинокль и вручаю его Асадолле. Следовало срочно вернуться в здание. И тут меня окликнул Гасем:

— Езжай скорее, привезешь последний ужин Парвизовым дружкам! А начиная с двадцати одного тридцати не выключай рацию!

— А у меня и часов нет!

— На, возьми мои! — сказал Асадолла. — Халявщик! Сегодня, может, и у меня последний ужин будет. Но я ребятам оставлю завещание, чтобы часы у тебя отобрали!

И Асадолла сорвал с запястья свои знаменитые часы с будильником.

— Что ж, возблагодарим Аллаха! — ответил я. — Похоже, сегодня мы, наконец, освободимся от тебя! А второй кто с тобой в окопе будет?

— От второго ничего тебе не останется, — откликнулся Асадолла. — У него ничего и нет, это — Мухаммад, Мухаммад Халафи!

— Значит, вас двое, Асадолла и Мухаммад! Замечательно! Чем больше потерь среди минометчиков, тем радостнее наблюдателям!

— Ну, видали его, наглеца?

— Видали не видали, а сегодня насладимся зрелищем: как снаряд прямым попаданием поражает ваш окоп, однако кусочки ваши в рай не попадут! Я не думаю, что хоть один минометчик вообще попадает в рай!

— Да, клянусь духом твоей тетки! — ответил Асадолла. — Но если действительно так случится, то я там прямо из могилы увижу, где есть под землей неразорвавшиеся снаряды, соберу их и напрямик отправлюсь к мосту Сират¹. А когда вы соберетесь идти в рай, то увидите, что мост-то взорван, так что шатры кочевые придется раскинуть прямо там и ждать Страшного суда!

И он с хохотом ударил меня по плечу.

«Взорвет мост Сират!»

Между тем к нам вернулся Гасем; он нес семь или восемь стальных касок, надетых стопкой одна на другую, причем нижняя упала.

— Господин Гасем! Вы бы сказали, я б помог!

И Асадолла, подбежав, подхватил упавшую каску.

— Ну вот: как я ему прикажу не помогать?

¹ *Мост Сират* (араб. «ас-Сират») — согласно исламской традиции, так называется очень узкий мост через геенну, по которому могут пройти только праведники.

Хотя это было что мертвому припарки, я все-таки подошел и взял две каски.

— Кстати, Джафар сегодня что здесь делал?

— Сегодня вечером, перед началом операции, — ответил Гасем, — мы решили устроить церемонию поминовения имама Хусейна¹. Джафар будет читать.

Гасем взял у меня одну из касок.

— Кстати сказать: когда берешь каску, проверь ее размер. Примерь-ка!

Я надел ее на голову: впору. Затянул ремень под подбородком: прямо «военная косточка»! И тут меня оглушил гром стали о сталь: это Асадолла сзади стукнул по моей каске другой каской.

— А ты где пронюхал, что Джафар сюда приходил?

Что я мог ответить? «Инженер мне сверху показал»?

— Сам не помню... Кстати, о Парвизе какие новости?

— Новостей нет, — ответил Гасем. — Пока не было.

¹ *Церемония поминовения имама Хусейна* — ежегодная траурная церемония в память о мученической гибели третьего шиитского имама Хусейна ибн Али и его соратников и родственников в битве вблизи г. Кербела в 680 г. Представляет собой театрализованное представление и чтение траурных стихов под ритмичные песнопения, сопровождающиеся битьем ладонью в грудь. Во время Ирано-иракской войны перед боем часто проводилась часть такой церемонии с чтением стихов и битьем себя в грудь для поднятия боевого духа солдат.

— Ну что ж, мне пора. До свидания, да?

— Вечером придешь на церемонию поминаения? — спросил Асадолла.

— Обязательно! Отцу Джавада покажу пару мещечек, а потом буду свободен как ветер!

Больше говорить нам было не о чем. Прощаний со слезами и вздохами никто из нас не любил. В принципе, к обстоятельствам грядущего вечера мы были готовы постоянно. Разве что коэффициент риска сегодня был выше...

Поэтому, наверное, после поминаения имама Хусейна перед боем я всё же горячее обычного попрощаюсь с Асадоллой и Мухаммадом. Наверное...

ГЛАВА 16

И вот я сел за руль фургона, уже в стальной каске, и включил зажигание. А когда посмотрел на семиэтажное здание, опять увидел там старика. Мысль об автомате под сиденьем как-то грела меня. Я тронул машину и оглянулся на Гасема и Асадоллу, которые отошли к окопу.

Пока не доеду до поворота дороги, я останусь в поле зрения инженера... И вот я уже приближался к повороту, когда еще раз взглянул туда, наверх, и вместо точки его головы увидел...

«Нет, ошибки не может быть! Он машет рукой!»

Но кому он машет? И зачем? Я огляделся: на дороге — никого, кроме меня. Значит, мне сигналил. Я затормозил: он опять машет. Поднимает обе руки вверх и крутит ими.

Все-таки следовало разобраться; и я вышел из машины. Сам начал махать обеими руками, он заметил и замахал в ответ, тоже обеими руками. Я опять повторил свои жесты, и он тоже повторил. Я подбочился: что мне теперь делать?

— ...Ты спятил, парень?!.. Что с тобой?.. Езжай!.. Чего ты делаешь?!

Я обернулся. Это издали кричал мне Асадолла, который стоял рядом с Гасемом, и они вместе, оказывается, наблюдали за моими жестами. От стыда

меня бросило в краску, и я теперь им замахал руками:

— Руки затекли, хотел немного размять их!..

И я вскочил в фургон и сел за руль... Наконец, вот поворот, и я уже вне поля его зрения. И спрашивается: чего мне желать теперь? Чтобы инженер действительно оказался вражеской пятой колонной, шпионом, и был бы разоблачен? Или наоборот? В последнем случае я буду продолжать слышать его странные, сбивающие с толку высказывания. Прямо голова шла кругом...

Я остановился у дверей кухни и без церемоний прошел внутрь. Искал его — отца Джавада. Только он мог, наконец, освободить меня от ига этого старика...

Я поднял крышку первого котла. Оттуда с силой хлынул пар и вкусный запах риса. Вслепую — из-за пара — вернул крышку на место. Второй котел: кромка окрашена красным соусом. Не иначе, опять баклажаны. Крышка была масляной, жирной, я попытался поднять ее мизинцем — не смог. От жира так склеилось, что, несмотря на все усилия, и три пальца скользили без толку.

Впрочем, медлить не приходилось. Нужно было срочно попасть в семиэтажку. В то время, когда ракеты «катюш» взрывались в городе, он хохотал — да так, что лестница тряслась...

«Куда вы? Испугались? Машина Страшного суда заработала?»

Чем объяснить эти его фразы? Тем, что он имел сведения заранее? Неужели у него где-то в здании спрятана рация, и он связывается с врагом?

Во время обстрела я был наверху, а где был он? Почему мне не пришло в голову обыскать здание?

— Это курица. Жареная, с картошкой, знаю, что любишь ее.

Ко мне подошел отец Джавада. Он был одет в обтрепанную синюю куртку, белую в цветочек рубашку и серые брюки. А до этого я никогда не видел его в гражданской одежде. С помощью обгорелой матерчатой рукавицы он открыл крышку второго котла. Жареная курица в томатном соусе и жареная или тушеная картошка! Только тут я понял, почему мне так хотелось открыть крышку. Ведь от голода все мои внутренности буквально выворачивались наизнанку. И я, не помня себя, взял полную горсть картошки — она уже не горячая была. И отправил ее в рот: ее обжаренная мягкость для зубов не представляла проблемы, и вот уже я глотаю... Отец Джавада с изумлением закрыл котел крышкой.

— Сынок! Так голоден? Сказал бы, я бы тебе положил! А с такими руками в котел?

И он схватил мою руку и показал ее мне самому. На обеих моих ладонях красовались жирные черные полосы... Откуда они? Ну да, конечно, от руля... Однако я вспомнил инженера: нужно было срочно ехать.

— Времени нет, отец! Пора ехать.

Он полуотвернулся и вытащил из кармана белый платок.

— Не кипятись, дорогуша! Господин Гасем приезжал, отдавал распоряжения. Как я и говорил тебе, я готов. Сегодняшняя еда, видишь: заказ его. Иншалла, ребята наедятся с удовольствием.

Господин Гасем нам не сказал, какая ситуация, но распорядился всё отправить на позиции у бетонных укреплений.

Я вытер руки. Значит, и отец Джавада чувствует, что намечается.

— Ну что ж, поехали скорее!

— Уже идем, но сначала заглянем в одну комнату здесь. Тебя один человек очень ждет!

— Меня ждет?

— Пойдем-пойдем! — и он потянул меня. Вход в эту комнату был в углу кухни.

— Как думаешь, кто тебя ждет?

И он открыл дверь. Я увидел спину женщины в цветастой чадре, она склонилась в земном поклоне. Кто это? И тут я узнал сумочку матери Джавада. Значит, вот кто это был! Я невольно улыбнулся.

— Ага, это мать Джавада!

— Пока она закончит намаз, я пойду, погружу продукты.

И он вышел, закрыв за собой дверь. Я не хотел в ботинках ступить по одеялам, которыми был застелен пол комнаты, и сел у входа бочком. Женщина медленно подняла голову и выпрямилась; я предположил, что это уже второй ее поклон в намазе.

«Что ж, хорошо. Она вернулась к нам».

Сколько уже я не заходил к ней? Пожалуй, месяца два. И как мне теперь с ней общаться?.. Нет, это был ее первый поклон в намазе, а вот — второй... Я оглядел комнату. Фото имама Хомейни, а ниже — фотография трех молоденьких шахидов. Фото Джавада не было. Какое невероятное горе... А я, помнится, сколько раз ворчал, покрикивал на Джавада:

— Опять вправо мажешь! Да покарает тебя небо! Ведь в той стороне твои соотечественники, горожане, точнее не можешь стрелять?

Он всегда посмеивался в ответ. Он был единственным сыном этой пожилой уже четы; данным им после стольких молитв, и обетов, и пожертвований: обета не стричь ребенку волосы, например... Всё ради того, чтобы он возмужал и стал им опорой...

Судьба же семь-восемь месяцев назад распорядилась так, что неразорвавшийся снаряд, упавший на улице, в момент его обезвреживания взорвался в руках Джавада. Эта новость разом лет на тридцать состарила его отца и мать...

А Парвиз — где теперь он? Миновала ли опасность для него? Собрался на свадьбу сестры! Назавтра намечена эта свадьба. Если и Парвиз...

Ее лоб по-прежнему касался мохра, и в комнате слышался ее молитвенный шепот. Моя рука при движении ощущала непривычную тяжесть: часы Асадоллы на стальном браслете, с черно-белым, как шахматная доска, циферблатом, и эти стрелки, вечно бегущие вокруг центральной оси... В отличие от других часов, секундная стрелка здесь двигалась не рывками, а с единой ровной скоростью, описывая один круг, и следующий, следующий... Две другие стрелки, пыхтя, поспешали за ней, но вновь секундная стрелка, с видом бегуна в эстафете, обгоняла их, ехидно им улыбаясь...

«Откуда в твоей голове подобные мысли? Из разговоров с инженером?»

— Дорогой мой! Сколько же ты сидишь здесь? Накажи меня Аллах! Звала тебя, почему не ответил?

«То есть что же, я так задумался, что не услышал, как мать Джавада меня звала?»

Булавка, которой она закалывала свой черный арабский головной платок и которая сейчас его не скрепляла, всегда напоминала мне мою собственную маму. Сколько раз я приходил к Джаваду и оставался с ночевкой в их доме! И какой вкусной едой она нас потчевала! Народные кушанья, но с изысканным вкусом... Она расстилала для нас циновку под пальмами, приносила еду и, не отрываясь, смотрела на нас с Джавадом...

— Дорогой мой, опять замечтался? Что с тобой? Ты устал?

— Здравствуйте, матушка! Когда вы приехали?

— Да не оскудеет рука твоя, сынок! Не оскудеет рука твоя! Джавад покинул нас, и ты с каждым днем всё больше отдалялся. Думаешь, спросишь обо мне иногда у отца Джавада, и с меня довольно? Ну, подойди! Подойди, я тебя поцелую!

Со всегдашней робостью я приблизился к ней, и она обеими руками обхватила мою голову и поцеловала ее. Мне очень хотелось выразить уважение к ней, схватить обе ее руки и поцеловать их; но, как всегда, робость не дала мне этого сделать.

Ее глаза наполнились слезами. Углом платка она закрыла лицо.

— Не плачьте, матушка! Зачем плачете?

— Дорогой мой! — она всхлипывала. — Всякий раз, как увижу вас, я Джавада вспоминаю!

— Вот то-то и беда. Потому я и не приходил, чтобы не напоминать вам о Джаваде!

— Нет, приходи, дорогой, приходи! Вы нужны мне, ребята!

Открылась дверь, и вошел отец Джавада. Влажной тряпкой он вытирал темное пятно на брюках.

— Хадж-ханум! Если ты готова, вставай, идем! У этого юноши много дел, он должен мне поскорее машину сдать и другой работой заняться. Вставай!

Мать Джавада встала и накинула свою женскую абу. Я сразу заметил, что она сильно хромает на правую ногу. Вскочив, я забрал у нее сумку.

— Что с ногой, матушка? Что случилось?

— Упала я, сынок. Старушка я уже! Колено опухло.

— Значит, надо было у дочери остаться.

Отец Джавада поддержал меня:

— Она ведь не слушает. Осталась бы еще у дочери, подлечилась бы! А теперь что — начнется обстрел, я тебя на закорках потащу в укрытие, так выходит?

Он был совершенно прав.

— А этой ночью, — спросил я, — вы собираетесь в тот ваш дом, в пальмовой роще?

— Конечно! А куда нам еще идти? Это ведь наш дом.

Его ответ словно холодной водой меня окатил. Сегодня после начала нашей операции никто ни за что не мог поручиться. И почему Гасем не предупредил его об этом?

Я прошел мимо котлов. За мной следом шел отец Джавада, а за ним, отставая, хромала его жена. Отец окликнул меня:

— Эй, куда ты? А котел не нужен? Я сам заполнил его. У ребят сегодня особенный ужин!

...Стальную каску кладу ему на колени. Рация, зеленая сумка, автомат, — всё это за сиденьем.

Когда выйду из фургона, я должен буду всё это тащить на себе. Каску на голову, рацию за спину, сумка будет висеть сбоку, а автомат — самое, быть может, необходимое — на груди.

— Ну, дружище! Двух дней ты машиной не пользуешься, а во что ее превратил? Ни стекол, ни вида, ни, почти что, дверей! А с капотом что тут творили?

— Эх, война ведь, не забывай!

Если бы с нами не было матери Джавада, я, быть может, рассказал бы ему о Гити и ее клюке.

— Если дружок твой вернется, увидит, во что превратился фургон?.. Помоги ему Аллах побыстрее поправиться!

«У Парвиза, как у кошки, семь жизней — живучий!»

...А может, я таким образом себя утешаю?

— Парвиз? Иншалла, он не вернется! — сказал я.

— Да простит тебя Аллах, дорогой мой! — воскликнула мать Джавада. — Не говори так! Нехорошие это слова!

Она всегда ругала нас с Парвизом за наши перепалки.

— Допустим, матушка; но что же мне говорить? Все беды, что в эти два дня пали на мою голову, подстроил этот нечестивец!

От этого фокусника даже того можно было ждать (говорил я сам себе), что он, дабы точно уйти в увольнение, мог бы заранее подложить взрывчатку под стену и, когда мы проезжали мимо...

Но я остановил себя и больше ничего не сказал. Ведь сколько крови из него вытекло... Вообще, подумал я, сегодня я говорю много лишнего...

ГЛАВА 17

— Вот оно, здание! — я показал ему семиэтажку, и отец Джавада улыбнулся:

— Никак инженер всё еще здесь? Ему и везешь еду?

Я ударил по тормозам. От внезапной остановки нас всех бросило вперед.

— Вы знаете этого человека?

Отец Джавада в растерянности оглянулся на свою жену.

— То есть как это?

— Я хочу знать: вы знакомы или нет с этим человеком?

— До войны не был знаком. Он раза два-три приходил на кухню за едой, однажды я его отвез назад, увидел, что это очень далеко, и больше ни разу еду не доставлял. На этом всё. А в чем проблема?

— Значит, вы дали Парвизу его адрес, так?

— А что случилось-то?

— Да так!

Я включил передачу, но мотор вдруг заглох. Опять запуская его, я думал о том, что Парвиз, выходит, не так уж и виноват. Первоначальная рекомендация исходила от отца Джавада. Но сегодня всё это окончательно выяснится.

Двигатель, наконец, затарахтел, но как-то неровно. Я включил передачу и тронулся. Мотор явно работал с перебоями.

— Машина совсем никакая!

Я помотал головой в знак отрицания, сам думывал мысль о том... А что, если отец Джавада знает и Гити? Если да, то моя работа на сегодня весьма облегчается. Сейчас сдам ему развалюху и — поминай как звали...

И опять мотор заглох. Я включил зажигание: не заводится.

— Говорил тебе, парень! С этой машиной что-то случилось.

— Вентилятор накрылся, и...

Сильным ударом плеча я распахнул дверцу и спрыгнул. Когда я открыл капот, отец Джавада тоже вышел из кабины, со стороны водителя. С другой стороны выходить означало бы толкать матушку с ее больной ногой. Однако вентилятор и приводной ремень были в порядке. Тогда что же?

Отец Джавада взялся за трубку бензонасоса.

— А ну-ка иди, еще раз заведи!

Я так и сделал, вернее, попытался. Но без толку. И второй раз... и третий... и четвертый... и пятый... Аккумулятор начал садиться и издавал такие звуки, словно задыхался от слабости.

— Иди-ка сюда, мальчик мой!

Я подошел к капоту. Отец Джавада держал двумя пальцами трубку бензонасоса.

— Бензин не подает. Ты в эти два дня заправлял машину? А?

Одной рукой я облокотился о фургон, другой вцепился себе в волосы. Бензин! Обо всём я думал в прошедшие сутки, только не о бензине...

Я оглянулся на здание, которое высилось в каких-то пятидесяти метрах, потом на третьем этаже взгляд мой поймал кактусы инженера... И лицо его самого! Он смотрел на нас.

— Слезай, мамуля! — распорядился отец Джавада.

— А что, дорогой? Не заводится?

— Сейчас по рации свяжусь, — успокоил я ее, — ребята бензина привезут. Бензин кончился!

Матушка Джавада засобиралась, поправила платок, взялась за ручку дверцы...

— Так не откроешь, матушка!

Я обежал вокруг кабины и с силой, как это приходилось делать, открыл дверь. Пожилая женщина с напряжением выпростала ноги из кабины... На рваные сиденья — следы работы Гити-ханум — смотреть было невозможно. Я откинул сиденье, вытащил рацию, потом автомат и полевую сумку. Каска лежала на приборном щитке.

— Подержи-ка!

Я сунул автомат в руки отца Джавада, который с сомнением покачал головой.

Вскоре я снова забрал у него автомат, снял его с предохранителя и передернул затвор. Патрон переместился в патронник, после чего я вновь защелкнул предохранитель. Инженер наверняка всё это видел из окна, что мне и требовалось.

Рация стояла на земле. Я вытащил до конца ее антенну и установил в рабочее положение.

Кожа моей руки почувствовала влагу. Тучи наконец сгустились так, что вокруг меня тут и там по земле застучали дождевые капли. Медленно начинался дождь. Я включил рацию — из трубки послышалось змеиное шипение. Начал крутить настрайку частоты: 70-70...

Вот правые «семьдесят» появились под стеклом. Тогда я взялся за ручку слева и начал вращать ее. И здесь «70»! Теперь достаточно было нажать на рычаг трубки, и пойдут сообщения. Что ж, клин клином вышибают! Я полностью сосредоточился, чтобы не сделать больше никаких ошибок...

Надавив на рычаг, я приблизил ко рту микрофон:

— Эхсан, Эхсан, я Муса, прием!

И опять лишь шипение.

— Эхсан, Эхсан, я Муса, прием! Эхсан, Эхсан, я Муса, прием! Эхсан, Эхсан, я Муса, прием!

Никакого эффекта... Рация минометчиков была выключена, потому я решил оповестить ребят берегового отряда:

— Реза, Реза, я Муса, прием! Реза, Реза, я Муса, прием! Реза, Реза, я Муса, прием!

Еще несколько капель дождя. Мать Джавада, свесив ноги наружу, сидела в кабине. Мозг мой совсем отключился. Я взвалил рацию за спину.

— Так мы зря время теряем.

С третьего этажа инженер по-прежнему держал улицу под наблюдением. Накинув ремень «калашникова» на шею, я повесил автомат себе на грудь. Следовало вести себя с инженером с полным самообладанием, в соответствии с планом. Я поднял

правую руку и сделал ему знак. Он ответил таким же. Тогда я обе ладони рупором приставил ко рту и крикнул:

— Спускайтесь вниз, нужна помощь! Спускайтесь!
Он кивнул, и голова его исчезла.

— Матушка! Собирайтесь! Немного придется пройти.

И со всем своим грузом — с рацией и с автоматом — я залез в кузов фургона. Два котла с пищей: в первом рис, во втором — курица; и всё прочее. Каким образом теперь доставить эту еду минометчикам? Я подтащил к заднему борту кузова оба котла, один за другим.

Инженер показался из здания и шел к нам. Он переоделся; пушистый кот сопровождал его. Он приблизился, и отец Джавада пошел ему навстречу. Матушка оправляла одежду в кабине. Отец Джавада расцеловался с инженером.

— Здравствуйте, мой господин! Нас, беднейших из бедных, совсем забыли? А я постоянно спрашивал о вас у Парвиза...

«Какая дьявольская словесная шифровка, — думал я. — На первый взгляд, бормочет, что попало! Смотри, как официально начал обмен любезностями! Но сегодня вечером я тебе докажу, что и мы не лыком шиты!»

— Помогайте, господин инженер! — вмешался я. — Одну ручку этого котла берите вы, а ручку того — отец Джавада!

Сам я в середине обеими руками буду держать ручки обоих котлов. Инженер без слов кинулся помогать.

— Раз-два, взяли!

Втроем мы спустили котлы из кузова на землю, при этом у меня буквально раскололась от боли спина. Такая тяжесть: ведь еще рация, автомат...

— Дорогой ты наш! Хоть со спины-то тяжестьними!

Мы поставили котлы на землю, и я с облегчением скинул с плеч лямки рации. Инженер молчал. Я поспешил взяться за ручки и сбить обе настройки. С ним ухо держать надо было остро!

— И автоматними!

— Вот это — нет! Этого я не могу...

Я лишь поправил автомат на груди и вновь взялся за ручки котлов посередине, они двое — с боков. Так мы и шли трое в ряд, а матушка ковыляла следом. Спина моя болела меньше. Пушистая кошка отстала от нас и скользнула в одну из сгоревших лавок на первом этаже здания. Капли дождя больше не падали, хотя их темные следы повсюду виднелись на пыльном асфальте.

Мы вошли в вестибюль здания и поставили котлы на остовы больших сгоревших катушек. Между тем у меня сам собою сложился в голове план действий.

— Так, и что нам теперь делать? — отец Джавада ждал моей команды, а я повернулся к инженеру:

— Господин инженер, побеспокою вас просьбой. Принесите, пожалуйста, с третьего этажа мои одеяла. У матушки нога больная, не может подниматься.

— Слушаюсь! — ответил он. — Сию секунду принесу.

И он тут же полез наверх. Я подошел к отцу Джавада и сказал ему так, чтобы не слышала его жена:

— Слушайте внимательно! Я подозреваю этого человека. Под предлогом доставки еды я выманю его из здания, а вы обыщите здесь каждый уголок. Внимательно, всё-всё осмотрите...

— И искать я должен — что?

— Рацию, оружие, вообще — всё подозрительное! Сдается мне, что этот инженер — иракский шпион!

Глаза отца Джавада округлились:

— Этот тип?! Да нет, быть не может...

Но дискутировать было некогда: инженер уже возвращался. От того, как рискованно он поднимался и спускался по этим лестницам, у всех захватывало дух...

— Я позже всё объясню. Если мамаше что-то еще нужно, сами с третьего этажа принесите!

— ...Но он ведь обидится?

— Его обиды я беру на себя!

...Между тем инженер принес все три одеяла и повел матушку в угол.

— Вот там почище будет! Я сам там прибрался. Во время обстрелов именно здесь — самое безопасное место.

В этом месте он и бросил на пол одеяла. При этом я подмигнул отцу Джавада, и тот понимающе кивнул мне в ответ.

— Расстлать не надо, инженер! Нам пора идти в другое место.

Инженер упер руки в бока, задумался.

«Неужели разгадает мой план? Если он в самом деле шпион, то...»

— Идти пока рано! — сказал инженер. — Я должен наложить еды в миску, тогда!

И он опять полез наверх. Вольно или невольно, но он подыгрывал мне. До того, как отказала машина, я собирался связаться по рации с Амиром, под каким-то предлогом удалить инженера из здания и устроить так, чтобы Амир всё здесь обыскал. Но сейчас даже лучше получалось. Амир на время операции должен остаться на берегу, я же возьму рацию с собой и свяжусь с ребятами...

Я посмотрел на стрелки часов. Часовая перешла за «6», а минутная показывала «4». Иными словами, было 18-20. Когда до заката останется около полу-часа, я должен буду, под предлогом доставки еды Гити, быть рядом с инженером.

Между тем он уже наложил в свою миску риса и запустил руку в другой котел, так что я не видел его кисть.

— Заканчивайте, двигаемся!

— Погодите, господин! Я уж кусочек пожирнее выберу!

И он потащил целую курицу, держа ее за ножку, однако ножка оторвалась, и курица упала назад в котел. Тогда он ухватил другую курицу и уже ее целиком переложил в свою миску. После чего вытер обе руки о штанины брюк.

«Удивительный ты человек! Почему первую-то курицу не взял?»

— И куда мы сейчас идем? Почему вы там машину оставили?

— Возьмите миску. Нам далеко идти. Займет это не меньше часа.

— Но ведь это моя миска!

— Никто не говорит, что она не ваша. Но мы в ней отнесем кое-кому еду. Фургон сломан, не видите? Идите за мной!

И я пошел в сторону фургона. Нужно было взять там рацию — что я и сделал. Вот она опять у меня за спиной... Каска лежала на приборном щитке, и я решил там ее и оставить, ибо и без нее тяжестей хватало. Путь пешком предстоял длинный...

Инженер с миской следовал за мной; а когда увидел, что я беру рацию, настроение его испортилось. Он уже понял, что ситуация далеко не обычная.

— Готовы? Тогда вперед! Двигаемся живее!

И он двинулся вперед. Мы вновь проходили мимо семиэтажки, и отец Джавада с женой стояли внизу, как бы провожая нас. Я попрощался с ними, отсалютовав рукой, а инженер, чьи руки были заняты миской, кивком головы. Он понял, что наши отношения как-то изменились. Может, по глазам моим прочел. Нас догнал голос матери Джавада:

— Дорогой мой, возвращайся скорее! Мы хотим до темноты домой попасть...

Однако если я даже прямо сейчас свяжусь с ребятами по рации, и они найдут бензин и привезут сюда, всё равно не меньше часа будет потеряно, и уже совсем стемнеет. Как же я об этом не подумал? Ведь тьма надвигается!

— Инженер!

Он повернулся со злостью, молча.

— У вас есть фонарик?

— Нет! — он дрожал от гнева, а я, наоборот, делался всё спокойнее.

— Электрического нет, но обычный, подвесной?

— Есть такой!

— Можешь его принести?

— Конечно! Всё, что прикажете!

Он поставил миску на землю и, не отрывая от меня взгляда, пошел в сторону семиэтажки. Я включил рацию и вышел на середину улицы. Всё-таки нужно связаться с ребятами! Антенну я чуть опустил...

— Эхсан, Эхсан! Эхсан, Эхсан! Эхсан, Эхсан!

Никакого ответа. Что же делать? До темноты всего ничего осталось. Старик со старухой брошены на произвол судьбы...

— ...Еще какие-то приказания, поручения?

— Берите миску и вперед!

Он поднял фонарь:

— А с этим что делать?

И правда: он обеими руками понесет миску. Но и у меня в одной руке был микрофон, другая лежала на автомате.

— Давайте мне.

Он отдал мне фонарь, и я прицепил его к рации у себя за спиной, причем заметил, что снизу резервуар фонаря мокрый. Быть может, керосин оттуда будет капать мне на форму, но пока не капал... Автомат у меня висел на груди, в такой манере военного патруля, и правую руку я держал на цевье, палец — возле курка. Инженер ждал, пока я приготавлиюсь. Что нам с ним предстоит в этом пути?..

— Вперед! — скомандовал я.

Он поднял миску, и мы двинулись. Я шел в нескольких метрах сзади. Часть нашего пути пройдет по тем же улицам, по которым ехали на машине, но придется и пробираться переулками внутри кварталов.

Старик шагал не быстро, но размеренно, и его ветхие коричневые ботинки пока кое-как выдерживали путь по осколкам битого кирпича и камня. Что он за человек? Я все-таки должен был понять его суть еще до начала операции. А вдруг радара или, как выражается сам инженер, Машины Страшного суда, не существует? Вдруг есть всего-навсего один этот шпион — но ведь он с этой высоты весь город держал под наблюдением! И чем тогда всё это закончится для ребят и для нового окопа?

— Эхсан, Эхсан! Эхсан, Эхсан! Эхсан, Эхсан!

Старик то и дело воровато на меня оглядывался. Тяжесть рации уже давила меня, а голод и бурчание в животе были мучительны. А в пяти шагах в миске инженера вкусная жирная курица покоилась на ложе из риса. Как он запутал мне мозги, этот старик, ведь я и кусочка из обоих котлов не съел! Значит, нужно поскорее решить эту «теорему инженера», отнести Гити еду и скорее назад, к пищевым котлам.

— Эхсан, Эхсан! Эхсан, Эхсан! Эхсан, Эхсан!

«Почему не отвечают? Наверняка аккумуляторы берегут, выключили рацию. Асадолла и Мухаммад после церемонии поминовения имама Хусейна отправятся в новый окоп и начнут артиллерийскую дуэль. Но что они делают сейчас? Мухаммад с его

склонностью к уединению и молчаливостью наверняка где-нибудь нашел себе укромное место и сидит там один, читает Коран. Асадолла устал от рытья окопов и наполнения мешков землей и сейчас, должно быть, спит. А может, с минометами или минами возится...»

...Мы повернули, потом еще раз, и вот нам открылись минареты мечети и посеченная осколками колокольня церкви.

— Эхсан, Эхсан! Эхсан, Эхсан! Эхсан, Эхсан!

Он опять обернулся, и я увидел его насмешливый оскал. Чего он лыбится?

«Подожди, отойдем от церкви с мечетью, я покажу тебе, как ухмыляться!»

Перед мечетью стояла длинная неровная очередь стариков и старух. Точнее, две очереди: женщины с одной стороны, мужчины — с другой. И мы неспешно к ним приближались.

Инженер поставил миску себе на голову и шел почти так, как ходят по сельским дорогам местные женщины, неся на голове глиняный кувшин с водой. Разница лишь в том, что он не одной, а сразу двумя руками поддерживал миску.

На крыльце мечети тоже стоял большой пищевой котел, и сам белобородый шейх-сейед¹, имам мечети, накладывал поварешкой в подставленные миски и котелки. Очередь насчитывала пять-шесть женщин, остальные были мужчины: всего

¹ *Сейед* — титул мусульманина, ведущего свое происхождение от Пророка Мухаммада; сейеды традиционно носят черные чалмы.

тридцать два или тридцать три человека. Одна женщина укрывала грудного младенца от осеннего ветра своей чадрой. А вечерний свет солнца был уже совсем тусклым.

Я присмотрелся к поварешке шейха: он кормил народ фасолью. И я аж возгордился тем, что я-то сегодня для ребят отхватил получше: курицу!

— Сюда, пожалуйста! — я сделал знак инженеру не отклоняться. Он невольно так повернул, чтобы приблизиться к мечети, но после моего напоминания вернулся на прежний курс. И вот мы с ним, почти нога в ногу, шагали мимо мечети, и вся очередь глазела на нас. Одна женщина шепнула что-то кормящей матери и указала в нашу сторону. И правда, я со своей амуницией и инженер с мисской на голове выглядели довольно забавно.

— Уважаемый! Чем вас кормят? — крикнул инженер, и согбенный старичок из очереди крикнул ему в ответ:

— Фасолью, уважаемый!

Инженер обернулся ко мне с улыбкой.

— У них фасоль, господин! А наш ужин сегодня очень хорош! За два месяца первый раз курицу едим.

Я согласился кивком, но пальцем показал ему, что нужно идти вперед. Он замолчал, насупился. А я отсалютовал рукой шейху, вытиравшему пот со лба.

— Алейкум-ас-салам! — ответил тот. — Вы питание получили?

Я утвердительно кивнул и рукой показал ему, что мы в порядке. Раздача еды была здесь неплохо

налажена. Получив питание, все потом расходились по своим жилищам, где, по крайней мере, была хоть кажущаяся безопасность, большая, чем на открытых местах.

Церковь выглядела мертвой. Священнику Ованесу и его коллеге очень повезло, что именно сегодня их не будет здесь, в противном случае им всю ночь пришлось бы молиться!

— Эхсан, Эхсан! Эхсан, Эхсан!

— Господин! Можно сказать? — спросив это, инженер остановился.

— Что сказать? А?

— Почему они вам не отвечают!

— Ну?

— Но у меня есть условие!

И он сел на землю. Миску поставил рядом на бетонный бортик сухого сейчас арыка. Но ему-то откуда знать, почему они не отвечают? Впрочем, пусть болтает...

— Разрешите вам сообщить мое мнение, господин?

«Опять начал витиевато выражаться...»

— Хорошо, разрешаю, сообщай мнение! Выкладывай, что накипело!

— Так и быть, условий на сей раз не буду ставить. Но вы сбили там настройку. Те цифры, которые наверху рации.

Ведь он был прав! Я это сделал возле фургона, чтобы он же, инженер, не заметил частоту. Как же я забыл об этом?

«Но ты как сумел понять, что не отвечают потому, что я сбил частоту?»

Я должен был, наконец, начать выполнять свой план. Я вдруг обратил внимание на башню с часами. И дуло автомата нацелил на инженера. Вот, значит, как внимательно он за мной наблюдает, раз заметил даже сбой настройки!

— Господин инженер! Не торопясь, встань на ноги и обе руки поставь на стену этой башни, а ноги разведи на ширину плеч!

Я огляделся по сторонам: никого. Инженер, встав на ноги, с непониманием показал сам на себя:

— Я? Должен встать к этой стене, господин?

— Да, лицом к этой стене! Всё это не должно длиться больше минуты!

Он посмотрел на автомат и вынужден был подчиниться. Коснулся обеими ладонями стены и раздвинул ноги. Я подошел и упер ему в поясницу ствол автомата, потом левой рукой начал ощупывать его тело: вокруг пояса, под мышками, затем ноги. С каждым моим движением фонарь брякал о рацию.

— Какой смысл имеют эти ваши действия, господин?

Обшаривая его задние карманы, я ответил:

— Никакого, господин!

— То есть как никакого?

— Никакого означает никакого! Так же, как *what* означает «что». Понятно говорю? Теперь медленно повернись и возьми миску.

Возможно, он этого не почувствовал, но в кармане его я нашел сложенный листок, старый и истершийся на сгибах — с текстом на английском языке. Теперь я развернул его. На сгибе две строки совсем почернели и были нечитаемы. Я отступил на несколько шагов.

Инженер ничего близкого к оружию в карманах не имел, не было даже мелких денег. Я вновь сложил листок и убрал его в свой задний карман.

— Так повернись же ты, наконец!

— Господин, я с вами дальше не пойду!

Я повесил автомат на грудь, как раньше.

— Что значит «не пойду»?!

Он стоял, руки на стене. Видел бы он мою ухмылку... Сколько можно оставаться в такой позе? Мое положение было беспроигрышным. Я мог просто спокойно ждать, и скоро у него откажут и руки, и ноги.

— ...Ну, убей, господин! Дай сдохнуть!

Отвечать не следовало. Мое молчание добьет его окончательно. Я подобрал с земли ветку и начал внимательно ее разглядывать. На часах Асадоллы стрелки продолжали бежать друг за другом, а часы на башне — главные часы города — стояли...

— Зачем вы меня с собой тащите?

— Просто так! Мне так захотелось! А что, есть возражения?

— Нет; ведь вы вооружены. Вы можете...

И его руки медленно соскользнули со стены и повисли.

— Ну? Что случилось? Устали? Тогда берите миску и вперед!

Он обернулся в сторону миски. Но вдруг сел, а потом лег на землю, на спину.

— Да, я устал. Я должен отдохнуть.

Что ж, ничего не поделаешь. Опять мне следовало ждать. Я развернул английскую бумажку. Вверху стояли слова, видимо, обращение: *Dear father.*

Дальше было написано довольно неразборчивым почерком, всё по-английски.

— Зачем вы это читаете? — спросил он.

Он приподнялся и ждал моего ответа. Я молчал.

— Где вы это взяли? В комнате моей, да, господин?

— Нет! В вашем заднем кармане.

Он сел и руками охватил колени, лицо спрятал в воротник. И сказал очень печально:

— Значит, вы всё узнали?

Я кивнул утвердительно. Единственное, что я узнал, это то, что письмо адресовано чьему-то отцу.

— Перед моим выходом на пенсию они уехали. Я всё продал и отдал им. И они уехали. И потом было написано это глупое письмо, под диктовку матери! Вот вам пожалуйста! Разве не постыдно?

И опять я, хотя ничего не понял, кивнул утвердительно.

— ...Не постыдно разве? Госпожа! Ведь вы уже не 16-летняя девочка!..

— Господин инженер! Вставай! Нам надо идти.

Я еще не договорил, а он уже схватил миску и зашагал. И я последовал за ним. Между тем уже совсем стемнело.

— Я говорил, господин: за мной остается право мести! И посмотрите на текст этого письма: разве я не прав?

— Да, вы правы. Только дайте мне спички! Я фонарь зажгу.

— Спички? Но у меня нет спичек!

— А как же мы фонарь зажжем?

— Но, господин, я... я... Вы же не приказали мне принести спички!

ГЛАВА 18

Мы уже далеко ушли от центрального перекрестка. Тьма стала совсем густой. Лишь далекий свет незатухающих пожарищ кое-где делал заметными какие-то силуэты. Но мы углублялись в переулки, и тьма становилась еще более непроглядной. И как же я был голоден — невыносимо! Если бы эта курица не предназначалась Гити с ее дочерью, я бы, кажется, проглотил ее с костями.

Как же глупо я поступил! Занятый мыслями об инженере, даже куска не съел. А какие там жирные, вкусные кусочки! Рот мой был полон слюны...

Инженер по-прежнему нес миску на голове и старательно ставил ноги, чтобы не споткнуться на обломках кирпича. Если бы, как я, он был обут в армейские ботинки, ему было бы легче идти.

Почти везде двери и окна брошенных домов были раскрыты и при малейшем ветерке скрипели — к этому скрипу уже привыкло ухо.

— Если бы предупредили, я бы хоть кошек накормил перед тем, как отправиться!

«Кошек! Не приведи Аллах, кстати, отец Джавада забудет о котле с курицей — кошки тогда набьют себе брюхо!»

Об этом совсем уж не хотелось думать...

— Стоп! Заболтались мы, и я забыл про рацию!

Инженер во тьме остановился. Я поставил на землю рацию и настроил частоту:

— Эхсан, Эхсан, я Муса, прием! Эхсан, Эхсан, я Муса, прием! Эхсан, Эхсан, я Муса, прием!

И вновь подумал, что это — без толку. Да и мне нужно было беречь батареи рации, они будут нужны, когда начнется бой. И вот я почти уже отключил рацию, как вдруг:

— Муса, Муса, я Амир, прием!

Это был голос Амира, ответившего вместо минометчиков. Инженер смотрел на меня обрадованно.

— Амир, Амир, я Муса, прием!

— Муса, дорогой, слушаю тебя! У тебя дело к Эхсану? Прием.

— Да, есть дело: корабль Парвиза! Корабль Парвиза остался без горючего! Как понял? Прием.

— Понял тебя, всё понял!

— Его местоположение сейчас у одного из частных клиентов Парвиза, клиента семь номеров!

— Не понял, Муса! Скажи: где?

Но я не хотел произносить вслух слова «семиэтажный дом». Как же ему объяснить? Вот не думал, что понадобится код для обозначения инженера жилища...

— Слушай, Амир-джан! Горшок с кактусом! Что такое *what*? Понял?

— Нет, не понял тебя! Прием!

И правда, как ему понять? В эти два дня у меня не было времени рассказать ему обо всём.

— Ладно, неважно! А где сам Эхсан сейчас?

Прием.

— У тебя других вопросов нет, Муса-джан? Прием.

Ясно было, что Амир не хочет продолжать трепаться по рации. Военные правила предписывали перед каждой боевой операцией радиомолчание.

— Пока нет, прием.

— Будь на связи. Эхсан с тобой свяжется.

— Понял. Конец связи, — и я дал отбой.

— Вперед! — скомандовал я инженеру...

И мы вновь продолжили путь с той же скоростью, что и раньше. И впервые за всё время войны мне очень хотелось, чтобы огни пожаров полыхали ярче, позволяя мне лучше видеть движения этого человека!

Мы шли мимо рынка, и я вновь думал о женщине-зеленщице... О том, как ее тело охлаждается и постепенно замерзает бок о бок с другими телами.

«Где все-таки ее семья? Знают они уже или нет? Допустим, у них маленькая дочь, как отец сообщит ей эту новость? Нет, если он мудр, то сразу не скажет. Но как объяснить отсутствие матери? Наверняка скажет: уехала к родным. Точно так и я сам: никогда не дам матери Джавада его фото...»

Инженер порой перехватывал поудобнее миску, ведь у нее не было ручек. Спускал ее с головы и нес перед грудью, потом у левого бедра, затем у правого. И ни слова не говорил мне.

Несмотря на тьму, я все-таки разглядел подстилку, на которой были выставлены молочные товары рынка. И очень быстро мой глаз нашел еще одно, что я искал. Вон, возле стены, тот самый рифленый штырь! Если бы не кровь на нем,

он был бы вполне невинным штырем среди такой же арматуры рухнувшей крыши...

К подстилке молочников пока никто не прикасался. Наверное, завтра утром народ соберется возле этой подстилки и разбитых горшков, начнут судачить о происшедшем.

— Инженер!

— Слушаю?

— Расскажи мне!

— О чем?

— Сам не знаю! О чем хочешь, расскажи. Ну, например... О том мастере-англичанине. Ты сказал, он тебе кран прибавил к зарплате?

Мы уже миновали рынок, и я видел, что улица, куда предстоит свернуть, совсем темная.

— Да, господин, прибавил! Но мне не хотелось...

И он не стал продолжать. Так я и не понял: не хотелось бы говорить или...?

Я посмотрел на наручные часы: стрелок не видно. Попытался поймать свет далекого пожара... Нет, не разглядеть. А мне нужно знать, сколько времени. И по рации никто на связь не выходит...

— Господин инженер!

— Опять же: к вашим услугам!

— Расскажи мне о шахматах! Ты, помнится, говорил, что мы пешки? Что нами играют? Куда захотят, туда нас и двигают? Так?

— Мне к этому добавить нечего.

— Но сейчас ведь я тебя двигаю. Например, захотел бы, сказал бы свернуть не в следующую улицу, а уже в эту.

— Вы правильно изволите говорить. Но на большее, чем на это, у вас нет власти.

— Что ж, вы так считаете... А интересно, я сейчас черная пешка или белая?

Он ответил не сразу, потом оглянулся на меня:

— Мы, люди, всегда — черные пешки.

И вначале из его горла вышел звук, напоминающий визг, постепенно он превратился в похожий на всхлипы смех. А вскоре зазвучал и настоящий хохот. И этим темным вечером, среди этих разрушенных зданий, среди стольких смертей его смех показался по-настоящему зловещим. Я придвинул палец к курку автомата.

Он продолжал:

— Да, вот вам, пожалуйста! Кому-то там, наверху, захотелось подарить право на Страшный суд друзьям с того берега реки. Чтобы они в любой момент, когда захотят, могли бы обрушить смерть на базар, как сегодня, и на всё остальное в этом городе.

— Что-что вы говорите? — переспросил я. — Чего захотелось кому-то «там, наверху»?

— Сами решайте, уважаемый! Если бы не было высшей воли, разве началась бы эта война и все эти бедствия? Ну подумайте: началось бы? Говорят же, что судьба в руках Всевышнего! Дорогой мой... вы воюете с Самим Господом Богом, не с этими несчастными иракцами. Они всего лишь инструмент, так же, как и вы, инструмент.

Он дошел до поворота в переулок, и его черный силуэт с миской в руках исчез во мраке. Опять он начал философствовать! Усталость, голод, тысяча

и одна головная боль — всего этого мало мне было, еще и философские споры вести...

Я так же спокойно свернул за угол. В этом узком переулке было темнее, чем на улице, от которой он отходил. Я постоял немного, чтобы глаза привыкли ко мраку и нашли в нем инженера... Однако я его не увидел!

— Инженер!

Ответа не было. Я крикнул громче:

— Инженер!! Инженер!

Я крепче сжал автомат. Инженер сбежал. Я напрыг слух, который всё еще не оставляло гудение от того выстрела РПГ... Повернулся влево. Мои глаза, уши и мушка ствола одновременно искали инженера. Легчайший шум и малейший сдвиг тени тут же превратились бы в нажим моего пальца на спусковой крючок...

По левой стороне переуллка кирпичные дома были полностью разрушены тяжелой бомбой. Ни один артиллерийский снаряд не вызвал бы таких разрушений — только авиабомба. Я повернулся на пятке, оставаясь на том же месте, потом сделал шаг... Следовало достичь стены на правой стороне. Еще шаг...

— Муса, Муса, я Эхсан!

В тишине переуллка отчетливо послышался голос из заработавшей рации. Это был голос Асадоллы. Но отвечать ему я не мог и выключил рацию. Асадолла, как у нас было принято, еще дважды повторяет мои позывные, затем должен будет выдерживать радиотишину в течение пятнадцати минут, потом повторно меня вызовет. До того времени

любой ценой я должен был найти инженера. Плохо было то, что часы Асадоллы не имели фосфорного свечения и не видны были в темноте!

Вот я у правой стены. Прислонился, как бы слившись с ней. А мои глаза, мои уши и ствол автомата одновременно... Нет, так не пойдет; нужно думать.

Разница во времени, когда он и я миновали один и тот же поворот, не превышала пяти-шести секунд, и он не мог за это время отбежать далеко, разве что где-то был пролом в стене, пройдя через который, а затем между домами, он мог выйти на другую улицу. Но в такой темноте он обязательно наступил бы на что-нибудь, и я бы услышал...

Раздался шорох! Я напряженно взгляделся туда... Звук слышался от третьего дома. Я ступил вперед правой ногой... Предательски брякнул фонарь о рацию. Тогда я снял рацию и поставил на землю — как же легко без нее стало! И я двинулся на этот шорох.

«Почему он сбежал? Видимо, до поры до времени он усыплял мое внимание. Но я же обыскивал, и оружия не было! Может, он где-то здесь его спрятал заранее? Мне следует удвоить бдительность...»

Автомат мой уже давно был снят с предохранителя. Я всмотрелся в ближайший дом: цвета двери было не разобрать, света мало. Но то, что взрывы и осколки поработали, было ясно...

Я помедлил.

«Что делать? Войти в дом? Нет, лучше стоять и караулить малейшее движение и звук. Ждать любую ошибку, которую он совершит там, где прячется, — а я услышу...»

Удивительно, как сам я сейчас стал похож на Машину Страшного суда! Я просто ждал малейшего его движения, а там уж сработают мои инстинкты! Ситуация также была похожа на Амирову лягушку и муху...

Каждый миг тянулся, словно час. Несмотря на холодный осенний ветер, я с головы до ног был покрыт горячим потом. Но нужно было еще напряженнее думать! Принципиальная разница между мной и Машинной Страшного суда состояла в том, что ей было безразлично, сколько придется ждать нашего выстрела: часы, а может быть, дни... Но для меня даже секунды имели значение.

Я должен был вовремя вернуться на базу. Я уже понял, что на церемонию поминаения перед боем не успею, но еще важнее быть наготове в девять часов. Потому нельзя было дарить это время инженеру!

И тут у меня возник план. Я быстро подошел к рации, включил ее и положил трубку так, чтобы голос из нее шел туда, где, как я предполагал, мог прятаться инженер. Сам же я с огромными предосторожностями, стараясь не наделать ни малейшего шума, не наступить ни на какой обломок, пошел в противоположную сторону.

Лучшее место, чтобы спрятаться: за стальным столбом линии электропередачи, верхушка которого была снесена взрывом. Я встал позади столба, сжимая автомат. И ждал следующего выхода ребят на связь. Это было бы для меня спасением...

Никаких шорохов больше не слышалось. Может, инженер просто-напросто видит меня? А может,

он действительно ушел между теми домами, и я тут зря стараюсь?

— Муса, Муса, я Эхсан!

Вот он, второй выход на связь! Остался еще один, последний!

— Муса, Муса, я Эхсан!

На этом, согласно правилу трех повторов, вызовы Асадоллы заканчивались; но инженера как не было, так и нет. Я выглянул из-за столба. Ничего не видно! И как же хотелось мне, чтобы Асадолла еще разок меня вызвал! Я рассчитывал, что инженер поверит, будто я оставил рацию, а сам пошел по переулку за ним следом... И вот голова его высунулась из-за стены против четвертого дома!

— Муса, Муса, я Эхсан! Муса, дорогой, отзовись, пожалуйста!

Я спрятался за столб. Я был уверен, что он не видит меня, но я теперь видел его, даже не глядя туда. Я слышал шорох его шагов: он шел медленно, миновал рацию, рассчитывая на то, что, удаляясь от нее, удаляется от опасности; тогда как на самом деле с каждым шагом он приближался ко мне. Теперь он прямо у меня за спиной. Чувствуя, как он идет, я так же ощупью обходил вокруг электрического столба, оставаясь для него невидимым. И теперь уже я у него за спиной. Он нес в руках снятые ботинки, передвигался на полусогнутых. Моя правая рука дрожала на спуске автомата. Нужно резко, жестоко остановить его! И я вздохнул поглубже и поднял автомат:

— Инженер, стоять!

Он замер и сел на землю.

— Ты попался! — крикнул я. — Ступи хоть шаг — изрешечу пулями! Я сразу тебя заподозрил. Быстро отвечай: почему сбежал?

— Вы измучили меня, господин! — ответил он. — Ради всего того, во что вы верите, отпустите меня! Я хочу к кошкам моим вернуться!

Говорил он заунывным голосом: всякий раз, как я брал над ним верх, он прибегал к этой интонации. Я как на крыльях подлетел к нему, обежал вокруг него. Я полностью владел ситуаций — и им.

— Так я жду ответа: почему сбежал?

— Я хочу вернуться к кошкам. Они голодные!

— Нет, ответ неверный!

Тут опять заработала рация:

— Муса, Муса, я Эхсан! Прием.

Наверняка у ребят были веские причины столь настойчиво вызывать меня. Но важнее сейчас было допросить инженера. И вдруг что-то коснулось моей ноги. Это была кошка, кошка инженера! И она вспрыгнула ему на руки! Инженер подхватил ее и начал гладить. Кошка, значит, всё это время следовала за нами, а я и не видел!

— Вы будете отвечать на мой вопрос?

— Но вы же сами всё теперь знаете. Вы знаете из письма, что я для них не представляю ценности. Тридцать лет я горбатил на них, а потом говорят: ты нас не любил никогда! Знаю, что всё это внушено их милой матушкой... Вы прочли последнюю фразу письма? Помните, что там сказано? А потом вы спрашиваете: почему не уехал. К кому мне ехать?

Последняя фраза письма? Мое знание английского позволяло понять немногим больше чем *father*:

«окно», «дверь» и тому подобное. Изучать письмо было бы для меня бесполезно. Но раз сам инженер начал говорить, я не должен был показывать, что письма не понял. Кивком я, наоборот, подтвердил, что понимаю.

— Это их последнее письмо ко мне, — продолжал он. — Написано с неприязнью: мол, когда я умру, они лишь одну минуту молчания посвятят моей памяти. Видите как? Только одну минуту! Я десять лет оплачивал учебу за границей их обоих, потом отправил к ним этого семиглавого дракона, то бишь их маму, и сам оставался один-одинешенек, а потом это письмо... Но я ведь уже привык к одиночеству, а тут вы приходите и всё разрушаете!

— Почему вы в бинокль сверху рассматривали нас? А? Разве я не сказал искать радар?

— Дорогой господин! Вы опытный наблюдатель, и вы ничего не нашли, а я в этот бинокль должен был разглядеть что-то в пальмовой роще? Я это делал, и глаза устали. Чтобы отдохнуть, смотрел в другие стороны: на нефтекомбинат, на реку, потом на вашу машину...

«Не на мою машину, — поправил я его в уме, — а на машину Парвиза!»

— ...Ну вот, — продолжал он. — Меня заинтересовало... Потом армейский джип приехал. И я даже помахал вам рукой, а вы помахали в ответ!

...Что за человек разговаривал сейчас со мной? Слова его казались совершенно разумными, а мои поступки — вручить бинокль человеку, неопытному в наблюдениях, — чистым безумием! В то же время я был убежден, что это не так, всё наоборот!

— Поднимайтесь, идем! Нужно срочно отнести еду и вернуться.

Он разжал объятия, и пушистая кошка спрыгнула на землю.

— Идите берите миску, я пока ребятам отвечу. Но слушай сюда! — и я схватил его за руку. — Если захочешь играть в кошки-мышки, то я псом цепным стану! Понял?

В темноте он не мог видеть моего яростного лица, но голос мой сказал ему о многом. И он пошел к стене разрушенного дома, а я — к рации.

Я взвалил рацию на спину. На секунду захотелось выкинуть этот проклятый фонарь... То, как он звякал о рацию, напоминало колокольцы верблюжьего каравана! Но я сдержался. Нажал на рычаг трубки:

— Эхсан, Эхсан, я Муса, прием! Эхсан, Эхсан, я Муса, прием!

Ответили мне сразу, и я с облегчением вздохнул. Я больше не был одинок.

— Эхсан-джан! Доложи большому начальнику: корабль Парвиза сел на мель в Млечном Пути. Нужна живая вода!

— Муса-джан! Амир передал твое сообщение. Но здесь мы решили проблему консервами. И большой начальник говорит: нет времени!

Тут он как-то поперхнулся... Вообще-то он допустил ошибку: почему это нет времени? Если нас слушает враг, он может понять...

— Ты когда придешь? Джафар ждет тебя!

Джафар собрался читать траурные стихи, и вот выясняется, ждет, пока все соберутся для церемонии поминовения.

— Передай Джафару привет и скажи: Муса говорит — великий колдун, за работу! Я прийти не смогу.

...И вот инженер стоял передо мной, опустив голову и держа в руках миску, а я так и не мог прийти в отношении него ни к какому выводу, похожему на истину... Жена его и дети — это вообще к делу не относилось... А кошка — та перед ним встала вертикально: задние лапы на земле, передние — у него на коленях! Запах курицы сводил ее с ума. И, если бы это не была порция Гити и ее дочери, наверняка ножку или крылышко кошка бы уже получила...

— Будьте на связи, пожалуйста! Я свяжусь с вами позже!

— Понятно. Но начальник говорит: лучше тебе прямо на твоём месте готовить одеяло. Ты ведь готов?

Ребята думали, что я сейчас там, наверху, на своём наблюдательном пункте, жду начала операции. Другой причины, почему я мог пропустить траурную церемонию перед боем, они не могли себе представить.

— Да, я в готовности. Только будьте на связи!

И я дал отбой и стволом автомата показал инженеру, куда идти. Вся эта ситуация заставила меня отказаться от мысли пройти меж развалинами домов. Следовало дальше идти по этому переулку, потом по следующему, затем свернуть налево, и там мы попадем в квартал Гити.

И мы двинулись, теперь в цепочке нас было трое. Первым шел инженер с миской на голове, затем кошка, отбегающая то вправо, то влево; наконец, замыкающим, я с автоматом в руках...

ГЛАВА 19

Инженер указал на дверь и тихонько попросил:
— Дорогой, постучите! Я... не могу.

Подойдя к двери Гити, мы нашли ее запертой. Дома здесь стояли реже, чем на других улицах, и свет от пожара достигал наших лиц, заставляя их как бы искажаться в гримасах. Как только мы остановились, кошка сразу догнала инженера и опять встала на задние лапы, а передними вцепилась в его брюки. Видно было, что она очень любит его: так дитя могло бы надеяться, что мать его обнимет.

— У меня руки заняты, не могу постучать, — ответил я инженеру.

Он ничего не сказал; сел возле дома, а миску поставил в нишу слева от двери. Там еда была недоступна для кошки.

«Помогли Аллах отцу Джавада так же бдительно оберегать большой котел...»

Кошка теперь вскочила на колени сидящего инженера и удобно устроилась на них.

Что ж, придется стучать все-таки мне. Нужно было срочно отдавать еду и возвращаться. Я сглотнул слюну: встречи с женщиной я откровенно боялся; может быть, по этой самой причине я и притащил с собой инженера... А он вот так, запросто,

самоустранился. И ведь по крайней мере в предыдущие два раза дверь была открыта...

Я внутренне взбодрил сам себя и взялся за железную рукоятку, чтобы постучать ею о железное кольцо под ней. Помедлил еще...

«Бисмилля... Будь что будет».

И я сильно постучал железом о железо — звук раздался громкий. Кошка наострила уши, а из-за двери — ни шороха.

«А вдруг они ночью спят в другом месте?»

Я опять взялся за железную рукоятку.

— Кто там?..

Я невольно выпустил рукоятку и попятился, отошел от двери на безопасное расстояние. Через щель над дверью был виден свет фонаря, горящего в коридоре; этот свет обозначил и тень женщины. Следовало быть готовым к встрече с ней. Заскрипев, дверь полуотворилась. Женщина подняла фонарь перед своим лицом; тело же ее было наполовину скрыто за дверью.

— Кто это? Это ты?

Глянув по сторонам, она увидела инженера.

— А это кто? И где твоя машина?

— Сломалась машина!

Инженер встал, и кошка прыгнула с его колен. Он взял из ниши миску и протянул ее Гити. Та колебалась, пристально глядя в лицо инженера.

— Привезли? — и она взяла миску одной рукой. Другой подняла фонарь и осветила содержимое миски. И словно бы увидела там что-то неожиданное; вновь поставила миску в нишу, пальцем взяла щепотку риса, и на язык — попробовать. Но тут же

с отвращением выплюнула и вытерла морщинистый рот тыльной стороной ладони.

— Там песку полно! Вот спасибо — еды привезли!

Я осторожно подошел к ней, наклонил в свою сторону миску. Действительно, рис был смешан с песком и мелкими камушками.

— Мамаше своей отдай это! Съест? — и женщина опрокинула миску, вывалив на землю рис и курицу. То самое, что мы с таким трудом, пешком, тащили сюда... У курицы была лишь одна нога. А кошка оставалась на руках инженера, значит, уже полакомилась?

— Инженер! А ну-ка, встань, я гляну!

Словно током ударенный, он вскочил на ноги. В свете фонаря женщины было видно, что правый карман его брюк превратился в жирное пятно... Я указал на этот карман:

— Вынимай оттуда!

Он сунул руку в этот карман и достал остатки куриной ноги.

— Я для кошки хотел...

— Так потому ты сбежал от меня? Но зачем же рис в это превратил?

— Я зацепился ногой и упал, и из миски вывалилось. Посмотрите, как я ногу поранил!

И он поднял левую брючину: на голени чернел синяк.

— К чертовой матери! Да хоть бы ты все ноги себе переломал!

— Оправданиями сыт не будешь, — заметила Гити. — Чем мы ужинать будем?

Вместо того чтобы ответить ей, я вдруг отчеканил:

— Слушай мою команду!

Этой фразой часто обмениваются по рации. Женщина замолчала. Может быть, она готова была увидеть во мне командира, а может быть, выжидала.

— Возьми у нее фонарь, — приказал я инженеру, — и зажги от него свой!

И я снял фонарь с рации. При этом я вновь им поболтал, чтобы убедиться, что в нем есть керосин.

Оба фонаря теперь оказались в ее руках. Она подняла зажженный фонарь и при его свете внимательно вглядывалась в лицо инженера. Потом отдала горящий фонарь инженеру, и второй тоже, и он поставил оба фонаря на землю. Женщина прислонилась к стене, но так стоять ей, видимо, было неудобно, и она села в нишу.

А я вдруг увидел выход. Если удастся связаться с ребятами, я попрошу их привезти бензин для фургона, а также взять котлы с едой и завезти нам сюда.

— Эхсан, Эхсан, я Муса, прием! Эхсан, Эхсан, я Муса, прием!

Инженер пытался зажечь один фонарь от другого, а Гити, подойдя и присев рядом, смотрела; при этом руки ее теребили платье на груди. Потом она рассмотрела свои руки и занялась очищением от грязи сгиба между двумя пальцами. Я отвернулся: она, кажется, вовсе не считалась с тем, что находится в обществе двух посторонних мужчин.

— Эхсан, Эхсан, я Муса, прием! Эхсан, Эхсан, я Муса, прием!

— Муса-джан! Я Эхсан, слушаю тебя!

— Слушай внимательно! Этот вопрос номер семь, о котором я докладывал, ты обязательно доложи Гасему! Как бы то ни было, а нам живую воду обязательно нужно привезти.

Наступила тишина. И в ней послышалось ворчание Гити:

— Этот тип даже фонарь не может зажечь. Пойду за спичками.

И она ушла в дом.

— Аллах свидетель, господин! Ветер дует: вы чувствуете?

— Хорошо, подождем.

И я вновь нажал на вызов рации.

— Послушай меня, Эхсан-джан! Сейчас мы не в том положении, чтобы я подробно мог объяснить. Но постарайтесь обязательно послать транспорт. Тут и отец Джавада с женой застряли, им домой не попасть. Как поняли меня, прием!

— Понял тебя. Жди ответа, доложу Гасему.

Я сел на борт арыка. Одноногая курица валялась на земле, и кошка, разрывая ее, пустила в ход не только зубы, но и когти всех четырех лап. Вот уж отыгралась за свой долгий пост! Я и сам был настолько голоден, что еще чуть-чуть — отнял бы у нее курицу и проглотил в два глотка!

...Прямо беда за бедой! Сначала мучились, пока сюда дошли и донесли еду, потом обнаружилось, что этот безумец пустил по ветру все усилия...

— Муса, Муса, я Эхсан, прием!

— Слушаю, Эхсан-джан!

— Господин Гасем велел передать, сказал: если отец Джавада там у вас, то ему это намного безопаснее, чем у себя. Пусть там и остается! Одновременно тебе предлагается соблюдать правила. Как понял? Прием.

«Соблюдать правила — это значит радиомолчание перед боевыми действиями! Но как же мне в этом хаосе разобраться со всеми проблемами? Нужно думать; крепко думать...»

— Привет!

Это сказала дочь Гити, на которую та сразу закричала:

— А ну уйди в дом!

Девочка подчинилась матери и исчезла. Гити поставила на землю оба фонаря и достала спички. И вот спичка ярко вспыхнула, и женщина зажгла фитиль одного из фонарей. Но второй зажечь не успела: спичка догорела и, видимо, обожгла ее пальцы, так как она отбросила ее. Следующая спичка... Зажегся и второй фонарь, и улица получила праздничную иллюминацию. От привычки к темноте я всё равно при каждом шаге ощупывал ногой путь впереди, чтобы не наступить на большой обломок... И вообще-то мы нарушили приказ о затемнении в ночное время! Следовало всерьез подумать...

Но выхода не было. Гасем и ребята просто не могли поверить, что я оставил свой наблюдательный пункт и отправился вместе с этим сумасшедшим в этот квартал. Может, и к лучшему, что они не приедут? Начнется разбирательство...

«Куда он ушел? Почему ушел?»

Наконец, они выйдут-таки на мой след...

«Действительно так? С этим стариком? И с миской? И с кошкой? И в каком направлении? В тот квартал? Перед самым началом операции? Что ж, ты хорошо потрудился, отыскивая радар... а теперь еще и цирк устраиваешь?»

«И все-таки, как быть с их ужином? Время! Сколько времени сейчас?»

Я поднес циферблат к одному из фонарей, стоящих на земле недалеко один от другого. Восемь часов сорок две минуты. Меньше часа до начала операции и меньше двадцати минут до начала церемонии поминовения перед боем. Церемонию я точно пропускаю, но вот к началу операции надо быть в здании любой ценой. Однако... Как все-таки быть с ужином для этих двоих?

Допустим, мы сейчас на полной скорости возвращаемся в здание. Потом что? Сам иду наверх, а инженера с грузом жареной курицы отправляю сюда? Но инженер с его кошками, во-первых, не заслуживал никакого доверия, во-вторых, как раз в то время, когда он будет сюда идти, начнется операция. И вот он, не имея никакой информации и никакого укрытия, окажется под градом снарядов и минометных мин... Неприемлемо.

...Кстати, он верно говорил, что поднялся ветер и задувает огонь фонаря. Только ветра еще не хватало! Теперь ветер уже налетал порывами, вздымая пыль и прах разгромленных улиц и закручивая всё это вихрями, секущими головы и шеи. Приходилось зажмуривать глаза. И свет обоих фонарей был неровным, колеблющимся...

Выхода не было. Нужно было найти какое-то новое решение. Как вообще я угодил в подобную ситуацию? Я изначально не должен был садиться за руль этого фургона и брать на себя обязанности Парвиза... И все-таки придется рисковать... И вначале я должен буду посвятить инженера в свои планы.

Он занимался своей кошкой, то есть был верен своим чудачествам. Женщина сидела в нише; запустив палец в ноздрю, вращала его там и думала о чем-то.

— Инженер!

Без единого слова он подошел ко мне. Кошка теперь была у него на плече.

— Друг мой! Хоть на минуту убери ты ее с глаз долой!

— Слушаюсь, господин! Нет проблем. Кисонька, дорогая! Сойди, пожалуйста, милая! У господина ружье...

Кошка, сверкнув глазищами, мягко скользнула вниз и приземлилась на четыре лапы. Я шагнул вплотную к инженеру. Свист ветра усиливался ежесекундно. К женщине я повернулся спиной: не нужно было, чтобы она слышала нас.

— Инженер, слушай внимательно! Только на Гити не смотри.

— Почему это?

— Почему-почему! — я взорвался. — Слушай, говорю! Мы сегодня вечером, чего бы нам это ни стоило, должны этих двух — Гити и девочку — отвести с собой в здание.

— В какое здание?

— В какое? Да в шахский дворец вашей милости!
Тут он вскрикнул:

— В мой дом?!

И Гити вскочила с места. Дело осложнялось. Пока я не закончил переговоры с инженером, она не должна была ни о чем догадываться. Поэтому я положил руку ему на плечо и отвел его немного дальше в сторону.

— Не надо необдуманных выкриков. Все сегодняшние беды от вас, уважаемый! Как поняли меня?

Опять я заговорил языком радиопереговоров. А он, прямо как мышь, попавшаяся в мышеловку, взглядом просил меня о пощаде.

— Но почему, господин?

— Потому, что вам главное — это накормить котов. А мне что прикажете делать? Хотите, чтобы эти двое остались голодными, а у кошек пузо лопнуло от еды?

— Ну что ж, господин. Но эту трудность разрешить можно иным путем.

— Каким еще путем? Если знаешь путь, скажи!

— Здравствуйте! Вы еду привезли, да? — Это опять дочка вышла. — Я так проголодалась...

— Еда наша сегодня кошкам и собакам пошла! — объявила мать, и улыбка на лице девочки застыла. Пора было мне молвить слово.

— Дорогая девочка, ужин ваш готов, но вы должны сами за ним прийти!

— Почему сами?

— Потому что машина испортилась. У меня через час другая работа. Единственный выход: мама твоя пойдет с нами и принесет тебе и себе еду.

— А ты чего это с моей дочерью разговоришься? А? — Гити напустилась на меня.

Я сделал такой знак, словно у нее в руке была клюка:

— Твое сегодняшнее нападение оставило свои следы.

— Господин Муса! Можно вас на минутку? — это крикнул мне инженер; удивительно, он использовал мои радиопозывные.

— Подождите! — ответил я.

— Нет, это срочно, господин! У меня дело к вам. «Ну и выбрал ты момент...»

Гити была вся на взводе, и все-таки я отошел от нее к инженеру, бросив ей напоследок:

— Думайте пока, я сейчас вернусь!

— Господин! — зашептал мне инженер. — С этой Гити вы не спорьте! Очень плохо может кончиться.

— Да я уже сегодня попробовал, — ответил я. — У вас всё?

— Попробовали — то есть она штаны с вас стаскивала?!

— О чем вы? Махала клюкой, машину разбила...

— Значит, вам повезло, господин! Очень повезло! А эта красотка Гити как раз тем была знаменита, что она с тех, кто с ней спорит, конфликтует, стаскивала штаны, прямо на улице, на глазах у всех!

Я удивленно оглянулся на нее:

— На улице, на глазах у всех, стаскивала штаны с мужчин?

Он сделал кислую физиономию, словно я полную глупость сказал.

— Да нет, господин! Зачем штаны с мужчин?
С женщин пижамные штаны стаскивала — с соседок!

— Вы серьезно?

— Оставьте их, господин! Пойдемте отсюда скорее! Эта женщина хуже бешеной собаки!

Я невольно проверил крепость своего армейского ремня. Всё было в порядке; и потом, я наверняка от нее успею удрать. А может, инженер снова меня разыгрывает?

«Опять в детство впадаешь? Кошатнику веришь?»

И тут послышался грохот захлопнувшейся двери! Мое промедление не осталось незамеченным: женщина закрыла и заперла свою дверь!

— Тем лучше, господин! Пойдемте отсюда!

Но я подошел к двери и сильно застучал металлической рукояткой. Меня взбесило то, что не я, а она за меня приняла решение. Не помня себя, я заорал:

— А ну выходи наружу!

Кроме завывания ветра ничего не было слышно. Инженер поймал кошку и держал ее на руках, готовый отправиться в путь. Я опять схватился за ручку и колотил, не переставая. И грохот от ударов подхватывал всё усиливающийся и всё громче воющий ветер.

Вдруг дверь распахнулась, и я отпрянул. Она была теперь без фонаря.

— Ну чего тебе надо, тварь? Уходи прочь!

— Неси свои миски! Сами пойдете за ужином!

— Да нам вообще не нужен твой ужин. А по вечерам мы никуда не ходим.

Тут, однако, послышался жалобный голос дочери:

— Я кушать хочу! Мама! Я кушать хочу!

И дочь заплакала, там, в темном коридоре. Такое жгучее горе слышалось в ее плаче, что я вмиг забыл о жжении холодного ветра. В чем провинилась эта бедная девочка? Ни с матерью ей не повезло, ни с образом жизни...

— Опять заревела! — крикнула Гити. — Девчонка, ты сама себя плачем со свету сживешь!

Я понял, что уговаривать бесполезно.

— Твоя дочь голодна! Собирайся; через минуту отправляемся.

И тут Гити вышла из-за двери с массивным железным штырем в руках.

— Видал? Тебе что за дело до моей дочери? Голодна... Что ты вообще к нам привязался? Не надо еды, убирайся отсюда! Или я сейчас тебя порву!!!

Меня всего бросило в жар, от волос до пальцев ног. Вчера мать мою обругала, сегодня меня? А прикладом в грудь не хочешь получить? Тогда рот-то свой сразу заткнешь! И по-прежнему слышались всхлипывания девочки:

— Мама, скажи, пусть принесут еду! Я кушать хочу!

Я медленно выдохнул воздух. И услышал голос инженера:

— Господин, говорил же вам! Пойдемте отсюда!

Я всмотрелся в глаза женщины и решил сделать самую последнюю попытку. Сжав зубы и едва сдерживая бешенство, я указал на нее пальцем:

— Слушай сюда! Слушай внимательно! Всего через час это место превратится в ад! В море огня! Понимаешь, что это значит? Противник через час начнет интенсивный обстрел города. И вам обоим нужно до утра укрыться в безопасном месте. Этот твой дом и так еле жив. Он от взрывной волны рухнет вам на головы!

Она ухмыльнулась, словно услышала нечто забавное:

— Ври другим, парень! Они каждый день стреляют.

— Но сегодня будет необычный обстрел! Отвечай, идешь или нет?

— Вы, мужчины, все до единого одинаковы. Говори правду! С этим гадом вы что задумали для моей дочери?

Больше я не мог сдерживаться:

— Заткни свой рот, сумасшедшая! Ты два дня уже надо мной издеваешься. И я всё вытерпел! Но теперь хватит! Или ты идешь, или...

Я сорвал с плеча автомат и снял его с предохранителя. Теперь она точно поняла, что я не отступлю. Я же вел себя крайне глупо. Если она сама не хочет, нельзя заставлять. Однако я знал, что, если я их не уведу, перед моими глазами каждую минуту будут возникать этот домишко и эта невинная девочка, а может быть, и эта женщина... Медленно уходили секунды.

— Клянусь Аллахом! — заявила Гити. — Если только узнаю, что ты соврал, я тебя зубами и ногтями разорву на куски!

— Разорви, разорви, — согласился я. — Только сейчас трогайся в путь!

ГЛАВА 20

Не прибавив ни слова, она скрылась за дверью. Я оглянулся на инженера, но он, едва встретившись со мной взглядом, отвернулся. Вся его поза выражала тревогу.

От свиста ветра и от его завываний в щелях дверей и окон становилось не по себе. Я поднял фонарь и осветил им циферблат часов. Часовая стрелка перешла за «9», минутная — за «12». Значит, поминальная церемония перед боем уже началось.

«Сейчас ребята собрались в кружки по семь-восемь человек, и Джафар выпекает траурные слова. Кто сегодня второй, отвечающий ему в традиционном плаче? Как обычно, Мухаммад Халафи с этим его характерным арабским выговором? Нет; сегодня, наверное, это сам Гасем, хотя его голос вовсе не создан для пения. А где я в это время? Я на ветру, несущем пыль и песок, в дурацких пререканиях с Гити-ханум...»

Свет фонаря осветил коридор. Гити с дочерью вышли на улицу — девочка была одета в темное пальто. Значит, без шуток решили идти! Видел бы Асадолла эту процессию, ему бы на две недели хватило пищи для шуток...

— Махтаб! Постой спокойно минутку! — Гити поправляла одежду дочери. — Пуговицы застегнем до верха! Ветер холодный — простудишься!

Занятно было то, что в обращении с дочерью ее грубость начисто пропала.

Но время поджимало — пора было двигаться. На голове девочки была вязаная шерстяная шапка, отливающая красным в свете фонаря. Потом Гити достала из-за двери свой железный штырь и положила его на плечо; в той же руке держала фонарь.

— Ну, идите впереди! — скомандовала она.

Инженер положил в миску курицу, а потом туда же кошку. И с трудом уже удерживал эту заметно потяжелевшую миску. Кошка же занялась самым главным для нее делом...

Инженер пошел первым. Зажженный фонарь, следовательно, выпало нести мне! Повесив автомат на шею, я двинулся за инженером, а следом за мной — Гити со своим фонарем и с дочерью.

Инженеру идти оказалось трудно. Ясно, что вскоре этот новый груз окажется для него непосильным, но до тех пор я ничего ему не скажу. Ветер свирепствовал, особенно глазам моим доставалось. И еще, оттого, что не надел шинель, я околел от холода.

За моей спиной Гити шла, крепко держа под руку дочь. Кажется, так, плотно прижавшись друг к другу, им было легче идти...

Между тем инженер понял свою ошибку. Он остановился, пропустив меня с фонарем вперед, потом пошел за мной следом. Мы покинули квартал через его главные ворота и оказались на улице, где внешняя стена нескольких домов сплошь обвалилась на тротуар. Я искал проход в этих руинах: если мы здесь пройдем, то легко выйдем на следующую улицу.

— Внимание! Сейчас пойдём напрямик!

И мы двинулись через руины и вскоре оказались во внутреннем дворе одного из домов. Огонь фонарей словно боролся с порывами ветра. В левой части двора виднелся высохший маленький садик с какими-то невысокими деревьями. Я прошел этот двор насквозь и ступил, видимо, на крышу дома следующей, более низкой террасы.

Непонятно стало, где здесь твердая земля, а где какие-то надстройки. Неужели Гити с дочерью смогут здесь пробраться? Но вариантов не было, для экономии времени следовало идти здесь. Свет второго фонаря не отставал от меня, значит, и они не отставали. А там, у ребят, уже, конечно, началось битье себя в грудь, и Джафар произносит нараспев:

— О шииты, возопите! В скорбном плаче и рыданиях! В скорбном плаче и рыданиях!

И раздаются глухие удары в грудь руками. Я остановился, и рядом со мной остановился инженер. Его миска казалась пустой, а кошка опять стояла на задних лапах, вцепившись передними в его брюки. Где же курица? Между тем второй фонарь отстал от нас. Я поднял свой фонарь.

— Где они?

И пошел назад, посмотреть, что с ними. Почему отстали? Опять я иду по этой крыше...

— Мама, джинн явился!

— Стой там! Не двигайся!

Я застыл на месте.

«Джинн? О ком она?»

Девочка громко заплакала. Она сидела на земле и рыдала. А Гити бросила свой железный штырь

и сжала дочь в объятиях. Но было ли у нас время для того, чтобы иссякли источники девичьих слез? Я крикнул с нетерпением:

— Идите же, в конце концов! Что вы там сели?

А девочка тыкала пальцем в мою сторону:

— Мама, я боюсь! Джинн большой стал! Большой стал! Большой стал!

Терпение мое подходило к концу. Мы зря теряли время. Я побежал к ним, забыв о неровностях пути. Но девочка завизжала совсем истерично, и визг ее слился с завыванием ветра...

— Не ходи, стой! Не тронь! Мама!!

Я вновь остановился.

— Обезьяна чертова, назад! — крикнула мне Гити. — Стой, где стоишь! Махтаб испугалась! Чем ближе подойдешь, тем ей страшнее... Сукин ты сын!

Теперь и до отца моего дошла очередь? Девочка опустила голову и тихонько выла.

— Да что с тобой? Что случилось? Где тут джинн?

— Боюсь того, сзади тебя! — ответила она.

Я обернулся. Кроме инженера, никого сзади меня не было. Если она имела в виду его, почему раньше его не боялась? Гити заметила мою растерянность и, оставив дочь, поднялась на ноги.

— Осел ты! Не стой перед фонарем! Вон, на стене!

Я посмотрел на фонарь, потом на большую бетонную стену, здесь и там разукрашенную попаданиями осколков, на которую моя фигура отбрасывала большую и черную, похожую на страшного великана, поясную тень, в самом деле уродливо

искаженную. Ноги же мои фонарь на стену не проецировал, и их как бы не было. А в углу этой удивительной картины двигалась тень головы инженера!

— Это она на мою тень говорит «джинн»?

И я отошел от фонаря — то же сделала тень. Мало было песка и пыли, и воющего ветра, и сотни других огорчений, теперь к их списку следовало добавить боязнь джиннов.

— Поставь на землю фонарь! — приказала мне Гити, и я опять посмотрел на стенку.

Оказывается, мой фонарь бросал на стенку еще более странную тень, чем фонарь Гити: эта вторая тень накрыла весь прямоугольник стены. И тени моих рук даже выходили за пределы стены. Я тут же поставил фонарь на землю и отступил от него. Все тени исчезли. Правда, остался лишь маленький силуэт головы инженера, который не двигался и, возможно, поэтому не представлял из себя никакой угрозы.

Гити успокаивала девочку, вытирала ей слезы. Почему я сегодня так много ошибок совершил? Ну не расскажи я им о военной ситуации, они бы в это самое время просто, как обычно, ждали бы обыкновенного вражеского обстрела. Всё, как в бесчисленные другие вечера... Какую связь с ними имеет то, что...

«Кстати, сколько часов прошло с *того* момента?»

Я не сомневался, что та женщина уже, рядом с другими телами, полностью заледенела и стала очень на них похожа. Больше не было разницы, было ли то или другое тело горячим десять или

двадцать дней назад. Холодный, застывший труп этой женщины сколько дней теперь будет ждать, пока появится оказия в виде машины-холодильника? Военным в этом смысле проще: есть номер военного билета и жетона, род войск и воинское звание... Кстати, если тело майора ты назовешь капитаном или лейтенантом, будет ли это сочтено за оскорбление?

— Господин! Трогаемся в путь?

Инженер тянул меня за рукав.

— Они вон меня задерживают...

Те двое всё еще сидели на земле. Приближение инженера ознаменовалось новыми вскриками девочки: его согбенная тень на стене также не лишена была сходства с джинном! Я отвел его в сторону от фонаря и спросил Гити:

— Так мы идем или нет? У меня дела не ждут!

— А нам дела нет до твоих дел! Намучилась она. Что я могу тут? С детства она теней боится.

Значит, единственный выход состоял в том, чтобы убрать тени. Но как?

Я потушил фонарь инженера и отдал ему фонарь Гити.

— Держите этот! Но только рядом с собой и луком вперед!

— Но у меня же миска! Тяжело!

Я взял у него миску.

«Всё же грязную курицу в ней оставил, для дивизии своих кошек!»

Я разорвал курицу на части и бросил ее на землю. Пальцы от жира аж склеились.

— Трогаемся в путь!

— Скажи этому бездельнику, чтобы к нам не приближался!

Инженер на этот выпад Гити ничего не ответил. Он сделал лучшее, что можно было сделать: подошел к стоящему на камне фонарю и взял его в руку, при этом задорно взглянул мне в глаза. Эти задором своего взгляда он что-то мне сказал. Потом он переложил фонарь из одной руки в другую — большая тень его при этом мелькнула на стене, но девочка ее не видела, потому что женщина в это время обнимала ее...

— Вперед, доченька! Здесь мы в опасности от этих негодяев!

И все двинулись в путь. Я — замыкающим...

Ни дыма от горящего завода, ни даже облаков в темном небе не было видно. Мы вышли на большую улицу: теперь путь становился более ровным и понятным. Хотя мне очень не хотелось вновь идти мимо развалин рынка. Когда я видел тут и там похожие штыри арматуры, торчащие из бетона, мне казалось, что это люди с ножами поджидают нас, чтобы убить. И нужно было бы найти спрямляющий путь, например, срезать через вон те разрушенные дома...

Опять появилась кошка. А я думал, что она останется там, куда я бросил курицу.

«Как она находит нас?»

Кошка догнала инженера и пошла рядом с ним с такой же примерно скоростью и ритмом, как шел он. Явно они были созданы друг для друга!

Я невольно потрогал свой карман. Даже через грубую брючную ткань чувствовалось письмо. Как

здорово оно мне помогло! И почему, интересно, он решил, что я знаю английский? Наверное, из-за привычки всё время общаться с англичанами и с теми, кто вокруг них...

— ...Я тебе разве не сказала не приближаться к моей дочери?

— Я только из-за кошки остановился, ханум!

— Тетка твоя ханум! — ругательства Гити потонули в вое ветра...

— Господин инженер! Не спорьте с ней! Идите вперед!

Гити хрипло расхохоталась:

— Это кто здесь инженер? Этот роконосец? Он, наверное, когда из маминой дырки в мир выходил, уже был инженером? Нам повезло, что я всё знаю о нем и его семье... Иначе он заявил бы, что он консул Его Величества китайского императора. Ты думал, я тебя не знаю, старик? Где твоя женушка-красавица? Бросила тебя, уехала?

Инженер шел, не отвечая. Я ему сочувствовал. Зачем Гити так свирепствует в своих насмешках?

— Всех я тут знаю. Эй, ополченец! Хочешь, расскажу тебе о владельце вот этого дома?

...Не нужно ей отвечать. Времени нет узнавать о владельце этого дома или того магазина. Кстати, где ее железяка? Что-то не видно!

А Гити потащила дочку с собой на край улицы и, не сбавляя хода, начала свой урок нравственности:

— Вот ту дверь видишь? Нет, не эту, а вон ту! Он перед народом в мечети — сама праведность, а за бабами как бегал? Сукин сын! Но я его проучила, да как! Чтоб не считал себя слишком умным... Знаешь,

что я с ним сделала? Я его прямо перед всеми так опозорила...

«Что она сделала, интересно? Наверняка стащи-
ла с него брюки при всех, на улице?»

В этом и состояли ее подвиги? Но нет, навер-
няка были и другие способы мести, те, о которых
инженер не имел пока возможности упомянуть...

— Эхсан, Эхсан, я Муса, прием! Эхсан, Эхсан,
я Муса, прием! Эхсан, Эхсан, я Муса, прием!

«Следует любым способом прервать эти слово-
излияния Гити. Пусть даже ценой нарушения ра-
диотишины!»

Я прижал трубку к левому уху. Потушенный
фонарь был теперь на своем прежнем месте: висел
на рации.

— Муса-джан! Эхсан слушает!

— Эхсан-джан! Джафар закончил свою работу?

— Нет еще! Как понял меня, прием?

— Слушай! Если возможно, передай мне!

— Кого или что передать? Голос Джафара?

— Да, дай послушать Джафара!

Гити с дочерью по-прежнему шли по краю ули-
цы, и женщина громко выводила ее жителей на
чистую воду:

— ...Обеспечу, говорит, тебя всем необходи-
мым... Да просто — женюсь на тебе!..

Ураганный ветер неистовствовал, и голос Гити
долетал лишь обрывками. Ну и тем лучше! Оттого,
что мы пошли напрямик, наш путь до семиэтажки
сокращался вдвое.

— Муса, я Эхсан!

Я сильнее прижал трубку к уху.

— Муса-джан, слушай, что просил!

И вот правое мое ухо слышало вой бури и ругательства Гити, а левое — хлопки, глухие удары рук о грудь и распевное чтение Джафара. Церемония едва дошла до середины. Джафар читал:

— ...*О шииты, это время траура! Ждем мы Пришествия, суда Страшного!..*

После этого связь прервалась.

— ...Сказал мне: куплю тебе туфли; платье тебе куплю, только, ханум-красавица! Присядь со мной рядом, пусть все увидят, какую райскую птицу я изловил...

— ...*Дом друзей моих — он здесь! Площадь рыцарская — здесь! Утверждаем: в этом суть! И исток дождя — он здесь!..*

Я пытался вспомнить стихи, что поются на церемонии поминовения имама Хусейна, угадать их ритм; одновременно с ребятами я начал бить себя в грудь правой рукой. Завывание ветра покрывало все звуки, и слов женщины было не разобрать. За нашими спинами ветка дерева с треском отломилась и, пролетев по воздуху, упала на землю. Мы видели вокруг себя одни только тени и лишь благодаря какому-то инстинкту шли вперед за инженером, который нес в руке фонарь.

Мухаммад максимум семь секунд мог держать рацию в режиме отправки сообщения, в противном случае перегорели бы транзисторы.

А пожилая женщина — несмотря на бурю — не сдавалась, и я подумал: как было бы хорошо, если бы и ее речевой аппарат работал лишь семь секунд, а потом выключался. Но о ней я вспоминал

лишь мельком, главная моя забота была: бить себя в грудь, не теряя общего ритма.

И вдруг Гити яростно ударила ногой в железные ворота, распахнув их настежь.

— ...Ах ты, развратник! Ну давай! Померяемся силами! Это тебе от Гити!..

Если так дело пойдет дальше, — подумал я, — то Гити за короткое время довершит то разрушение города, которое не закончил враг. Однако, несмотря на все ее буйства, я должен молчать и продолжать свой путь...

«Повезло мне вообще-то! А ну как шли бы по моей улице, и Гити таким же мощным ударом угостила бы ворота нашего дома...»

— ...*кровь шахидов твоих потечет по пустыне...*

...Теперь мы вышли на широкий проспект. По обеим сторонам тянулись ряды сбросивших листву деревьев, отделяющих от улицы нарядные, основательные дома. Может быть, поэтому женщина замолчала, опять полюбив свою дочь и помогая ей идти.

— *Строй на строй, лицом к лицу! Дом на дом и квартал на квартал! Запомним до точки мы всё обо всех...*

И вновь связь по радиации прервалась. Наверняка церемонию поминовения имама Хусейна они организовали в каком-то хорошо закрытом месте: об этом свидетельствовала ясная слышимость. Кружок участников церемонии должен был теперь сомкнуться и медленно вращаться, словно вокруг оси, вокруг чтеца траурных текстов... Руки в едином ритме вздымаются вверх и ударяют в грудь.

— ...Куфийцы, решается ваша судьба! Вы с теми, кто «против», или с теми, кто «за»? Видишь: спрямляется Божья стезя! Хусейна убили; о, горе! беда!

Кто-то схватил меня за плечо и встряхнул: это был инженер. Я отнял трубку от уха. Девочка вновь сидела на земле, но из-за ветра не было слышно, что она кричала.

— А? Что тут?

— Послушайте!

Девочка с плачем причитала:

— Мама, джинны идут! Я слышу их!

Женщина к чему-то прислушивалась, и я с тревогой сказал инженеру:

— У них у обеих с головой не в порядке. Надо идти!

Но инженер поставил на землю фонарь и миску.

— Нет, господин! Послушайте сами! На этот раз она права — послушайте!

И инженер заложил ладони себе за уши, прислушиваясь. Тьма, вопли и стоны ветра — что тут можно было расслышать? Вероятно, их сбивало с толку завывание бури в каких-нибудь щелях.

Однако глаза инженера, хорошо видные мне в свете фонаря, выпучивались всё более изумленно; и поведение женщины удивило меня. Они все трое повернулись в каком-то одном направлении: к городской башне с часами и нефтезаводу.

Я укрепил трубку в гнезде радиации и сделал то же, что инженер: приставил обе ладони позади ушей. И всё свое внимание сконцентрировал на этих шумах, однако ничего, кромебряканья какой-то ото-

рванной железяки и тех же ветряных завываний, не услышал. Пожал плечами.

«Нет, обман слуха».

Видимо, они все стали жертвами слуховой галлюцинации, что, в общем-то, и неудивительно было в условиях такой полной опасностей ночи. Но инженер всё не отнимал ладоней от ушей и глазами делал мне какие-то знаки. И опять я напряг слух, полностью сосредоточился... Пора было кончать с этой новой дурью! Но нет... Как будто бы что-то действительно слышалось! Неужели и меня захватила та же галлюцинация?

Откуда-то издали, искаженная шумом ветра, слышалась разорванная мелодия, словно группа людей громко пела стихи на незнакомом языке.

ГЛАВА 21

Девочка прильнула к матери, спрятав голову у нее на груди, а инженер смотрел на меня во все глаза, ожидая моей реакции.

Ситуация была и правда удивительная! Десятки раз вечерами я проезжал и проходил по этим темным безлюдным улицам, и ни разу даже мысли не возникло о джиннах и духах. У меня было такое чувство, словно клеточки моего мозга одна за другой выходят из строя.

Не ошибаюсь ли я? Не может ли быть так, что поведение троих людей со странностями повлияло и на меня? Кстати, не троих; здесь четыре существа были заодно: пушистая кошка тоже навестила уши в ту же сторону! И что же теперь предпринять?

— Эхсан, Эхсан, я Муса, прием!

Но Мухаммад на мои позывные не обращал внимания, он просто давал мне слушать стихи, выпеваемые Джафаром:

— *...чистая вера халифов всегда...*

Праведных кровь пролилась как вода...

...Выше мечи! Мы в атаку пойдём,

Все за Хусейна-героя умрем!

Другого варианта не было. Следовало двигаться всей нашей группой.

— Идите за мной, в затылок! Этот фонарь тоже погасить!

Я направил вперед ствол автомата и придвинул палец к спусковому крючку. И в первый раз Гити подчинилась мне без ворчания: подняла девочку с земли и, обняв ее, прошла несколько шагов. Я занял место во главе колонны. Инженер потушил фонарь и поставил его в миску.

— Двигаемся вдоль стены! — скомандовал я.

— Это что, правда джинны? — спросила женщина, и я подумал, что впервые слышу, как она говорит со мной спокойно и без брани.

— Конечно, — с усмешкой ответил инженер. — Это свадьба джиннов. А вы идете в качестве почетных свидетелей.

— ...А ты-то заткнись, обезьяна!..

Мы шли вперед, приближаясь к площади с башенными часами. И музыка, и голоса слышались всё яснее.

То, что слышалось, напоминало музыкальные аккорды, звучащие в размеренном, даже замедленном темпе. Сначала музыка, потом хор повторял ту же мелодию на непонятном языке, потом опять музыка. И, как я ни напрягался, слов не мог разобрать. Язык был ни на что не похож.

Несмотря на пронизывающий ветер, из-за тяжелого груза спина моя была мокра от пота. Движение вдоль стены усугубляло наши трудности, и инженер с миской в руках несколько раз споткнулся и едва не упал, точно ноги его заплетались. Женщина и девочка, поддерживая друг друга, двигались увереннее. Я же настраивал себя

на вооруженное столкновение. Чем было то, к чему мы приближались, я не представлял, но знал, что время уходит... Однако обязательно нужно было установить происхождение этих звуков.

— Муса, Муса, я Эхсан!

Я слышал позывные, но обе мои руки были заняты автоматом.

— Муса, Муса, я Эхсан, прием!

Люди за моей спиной остановились. Я опустил ствол автомата к земле и перед тем, как ответить по радиации, убавил ее звук до минимума.

— Муса, Муса, я Эхсан, прием!

— Эхсан-джан, Муса слушает!

— Почему не отвечаете? Господин Гасем спрашивает, какая у тебя обстановка. Ты в готовности? Какое состояние у матери Джавада?

Ребята всё еще полагали, что я сейчас нахожусь на крыше семиэтажки. И как же мне им отвечать?

— Слушай меня, Эхсан-джан! Ты только и исключительно будь на связи и ожидай сообщений от меня. Как понял, прием?

— Понял тебя, Муса-джан.

После этого я закрутил провод трубки вокруг шеи, так что сама трубка оказалась возле моего подбородка — на случай необходимости срочной связи. Потом вновь нацелил автомат вперед и двинулся во главе цепочки.

В клубах носимой ветром пыли впереди хорошо была видна белая башня с часами. Музыка доносилась откуда-то слева от нее, и голоса поющих призраков неслись оттуда же!

Я подозвал к себе инженера, и он теперь шел рядом со мной.

— Снимите, пожалуйста, тот фонарь с моей рации!

Он это сделал. Бряканье фонаря о рацию показалось мне неожиданным и почему-то смутило меня. Инженер этот второй фонарь положил рядом с первым в миску.

— Что это за язык? — спросил я его.

— Не знаю, господин! Это не английский и не французский.

Я был уверен, что это и не арабский. И неужели враг мог вот так нагло создавать подобный шум в центре города?

«Джинны? Вот уж правда, только их не хватало!»

Мы уже были у перекрестка. Жестом руки я приказал всем остановиться, а сам медленно пошел вперед. Следовало осмотреть все три отходящие от перекрестка улицы...

Мелодия между тем слышалась совершенно отчетливо, как и пение хора. Исполнялся какой-то гимн. Мы стояли на перекрестке, возле одной из стен. Я осторожно выглянул за угол... В окне церкви был виден мерцающий свет, и оттуда же неслась музыка.

«Священники? Но ведь они давно уехали!»

Я пригнулся и как можно незаметнее перебежал улицу и приник к стене церковного здания. Пульс мой неимоверно ускорился. Нужно было подойти к освещенному окошку. Я так вспотел, что автомат скользил в моих руках, к этим мокрым от пота поверхностям прилипала пыль...

«Не забился ли пылью ствол — стреляет ли еще оружие? А что с патронами?»

Я уже был под окном. Выпрямился, но небольшое разбитое окошко церковного нефа всё равно было выше моей головы, заглянуть в него я не мог. В мерцающем свете, льющемся из этого окна, была хорошо видна вздымаемая ветром пыль и песок. Теперь до слуха доносился лишь печальный голос поющего мужчины, причем я по-прежнему не понимал ни слова. Затем вновь зазвучали музыкальные аккорды.

И вдруг на мгновение всю улицу озарил очень яркий свет. Загорелась еще одна лавка? Нет. Но откуда этот свет? Он был так силен, что легко пронзил клубы пыли и осветил всё вокруг...

Поскольку окно было выше моей головы, то единственным способом узнать, что происходит в церкви, было — войти в нее, распахнув двери.

«Неужели это вражеские агенты? Но зачем тогда им выдавать себя светом и этим шумом? Джинны? Выкинь из головы ерунду! Джинны не столь глупы, чтобы остаться в этом городе под обстрелами! Нет, единственный способ узнать о происходящем — это войти в церковь!»

И я вновь, пригнувшись, пошел вдоль стены. Мне придется вернуться к перекрестку и затем войти в ворота в церковной ограде.

Там, где я был совсем недавно, я вдруг заметил что-то черное: кто-то прятался. Я навел на эту цель автомат... Это был инженер. Жестом я призвал его к молчанию. Он присел. Позади него я различил силуэты женщины и девочки. Удивительно, но сейчас, когда мы подошли вплотную к пугавшим ее звукам, девочка не плакала.

Я кинулся к воротам в церковной стене. Придется лезть через верх — а что делать с рацией? С этой тяжестью я застряну, но и снять ее я не мог — а вдруг с ребятами нужно будет связаться?

Однако ворота оказались полуоткрытыми, и я облегченно вздохнул. Но нельзя было и расслабляться. Я в последний раз оглянулся на инженера, и позади него увидел в руках у Гити ее железный штырь...

Опять пот тек по моим щекам... Тыльной стороной ладони я вытер мокрый лоб — нужно было, наконец, войти в церковь, пока они заняты пением. И опять всё лицо мокрое — всё-таки это дождь пошел! Ураганный ветер нес теперь не только пыль и песок, но и капли начинающегося дождя. А если дождь зарядит сильно?

...Вдруг еще одна яркая вспышка света! Теперь я понял: это была молния. Носком ботинка я надавил на створку украшенных крестами ворот, и они, несмотря на свой большой вес, легко открылись. Половинки их разошлись. Я оказался в темном, со всех сторон огороженном церковном дворе. Еще одна, какая-то словно бы древняя — из глубокой древности — вспышка огня молнии! Интересно, подумал я, почему не слышно грома?.. Однако, если я так хорошо всё видел при этих всполохах, то ведь и меня видели из церкви!

Еще несколько капель то ли пота, то ли дождя. Церковный неф с крестом наверху превратился во что-то необычайное. Из держателей для светильников без стекол струился тот самый мерцающий свет, который я видел снаружи.

Нужно было заканчивать. Я вытер потные ладони о гимнастерку.

«Ты готов? Во имя Аллаха!»

И я кинулся вперед. От воя ветра и грома музыки уши уже не действовали, и полагаться можно было только на зрение. Но внезапные вспышки молний, хотя и ясно освещали всё вокруг, погасая, наоборот, на несколько секунд погружали всё в полный мрак, в котором я был не способен двигаться.

Вот массивная дверь в молельный зал. Она закрыта на защелку. Нет! Правой рукой следует держать автомат, но левой я осторожно повернул ручку... Осторожно, медленно начал приоткрывать дверь... С каждым миллиметром, на который открывалась дверь, усиливался свет изнутри...

Первым я увидел того, кто сидел за пианолой или, может быть, органом, потом — хотя свет свечи меня на миг ослепил — я увидел другого, который пел вместе с первым. Это были они! В тех же длинных священнических одеяниях — Ованес и тот второй, чье имя мне не вспомнилось.

Они так увлеклись пением, что вовсе не заметили моего появления. Но ведь они же уезжали! Почему тогда вернулись? Той армейской машины с непрерывно курящим водителем не было ведь во дворе! Где же в результате их вещи?

Парвиз! Если бы здесь был Парвиз, он обязательно бы сказал: «Разве я не говорил, что они — шпионы? Священническая одежда — обман!»

Но пора было заканчивать представление. Я был так напуган, такой обильный пот с меня лил, а эти двое просто веселятся? Как это понять?

— Хватит, наконец! — крикнул я, и мой вопль заставил их оцепенеть.

Последний аккорд, взятый Ованесом, еще звучал эхом в молитвенном зале...

— Вы оба, вы понимаете, что вы тут творите? Посреди несчастья — праздновать?!

Ованес встал из-за органа, но пожилой священник лишь опустил голову, не двинувшись с места.

— Здравствуйте, господин! Это вы? Вы нас напугали!

— В гробу я видал ваш испуг! Разве вы не уехали? Еще чуть-чуть, и прямо в городе волынку свою заведете!

Ованес, раскрыв руки, как для объятия, подошел ко мне.

— Не будьте так сердиты! Здесь только я виноват. Когда началась сильная буря, я попросил уважаемого падре в память о моем детстве, когда я был членом церковного хора, исполнить со мной несколько музыкальных пьес... Чтобы взбодриться, знаете ли! Понимаете меня? О том, что это запрещено, мы, к сожалению, не знали. В любом случае, извините нас, пожалуйста!

— Я спросил: почему вы вернулись, раз уезжали?

— Дорогой друг, не волнуйтесь так! Мы не знаем точно всех военных правил. Нам сказали в порту, что сегодня вечером катер не пойдет, а для нас на пристани места не нашлось. И вот, опять же по моему предложению и просьбе, мы вернулись сюда на той же военной машине. Решили провести последнюю ночь в церкви.

— Что же это, частная усадьба какая-то, захотели — и последнюю ночь в церкви проводите?!

Я был на грани срыва. Еще одна неожиданность свалилась на мою голову. Любым способом проблеме этих двоих нужно было выкинуть из головы...

— Слушайте меня внимательно! Этой ночью вы не имеете права здесь оставаться! Как поняли меня?

Опять невольно у меня вырвалась фраза из лексикона радистов.

— Но почему, дорогой друг? Если дело в музыке или хотя бы в этой свече, то нет проблем... — и он двинулся к свече.

— Стоп! Что делаете? Свечу не тушить!

Я вовремя остановил Ованеса, чуть было не погасившего свечу. Нужно работать головой! Главный приоритет: наша военная операция, и в этих условиях лучше всего мне было связаться с ребятами.

— Оставайтесь на своих местах! — приказал я. — Не двигайтесь!

Потом поднес к губам трубку, висящую у меня на шее:

— Эхсан, Эхсан, я Муса, прием!

— Муса-джан, Эхсан слушает тебя!

— Послушай...

И я заколебался... Что сказать? Как всегда, у меня не было в кармане книжки кодов, с помощью которых я мог бы спросить о начале операции...

— Эхсан-джан! Вопросов вообще-то нет! Просто будь на связи!

Несколько секунд прошло в молчании. Если бы не дрожащий свет свечи и не завывания ветра, можно было бы подумать, что время остановилось.

— Сейчас вам нужно вернуться на пристань, и там молитесь хоть до утра, — сказал я.

— Но уважаемый! Мы договорились, что на рассвете сюда приедет тот военный грузовик и заберет нас. А у вас есть другой транспорт? Например, ваш кухонный фургон?

— У фургона кончился бензин.

Сказав это, я понял, что мне не верят. По их мнению, я соврал насчет бензина? Мне стало совсем мутно. Только их двоих мне не хватало! Если бы узнал Асадолла! Ребята, дорогие, знаете, что наш наблюдатель учудил? В ночь операции он в церкви устроил литургию!

— Вы и не ужинали, наверное?

Они переглянулись, и впервые заговорил пожилой священник:

— Мы привыкли поститься. Разумеется, если пост вынужденный, на него приходится идти.

И он закончил свою фразу выразительным взглядом.

Опять повисло молчание, а вскоре мы услышали шум дождя. Время работало исключительно против меня! Мой взгляд упал на картину Тайной вечери. В свете свечи никого на ней было не разглядеть — ни Иуды, ни Иисуса. Но картина висела по-прежнему криво: почему же они хотя бы не выпрямили ее из чувства пиетета?

— У вас спички есть?

— Да. У меня в сумке.

— Так вот, не задавая вопросов: тушите свечу и вместе со своей сумкой следуйте за мной! И не разговаривайте!

И я пошел к дверям.

— Но, дорогой друг! Мы, по случаю последнего дня здесь, хотели совершить вечернее богослужение.

— Нет проблем, куда мы идем, там и совершите. Молиться вам придется в любом случае. Вперед!

И я вышел из церкви. На улице я понял, что дождь зарядил надолго. Но, хотя сетка этого мелко-го, настырного дождя накрыла нас, я не чувствовал того ликования, которого ждал. Со мной всегда так бывало: я чего-то очень желаю, а потом, когда это получу, всё мне видится совсем в ином свете.

Священники шли позади меня и опять переговаривались на том самом, незнакомом языке.

И вот я увидел первого из нашей группы: это был инженер, выглянувший из-за угла башни с часами.

— Инженер! Выходите оттуда! Не бойтесь!

Он шагнул из-за стены.

— Кто это был, господин?

И в темноте раздался крик девочки:

— Мама, джинн! Джинны идут! Вон они!

И она начала плакать.

— Не плачь, моя крошка, — утешила ее мать. — Это у них просто балахоны черные. Они нас не тронут.

Ованес шел позади пожилого священника, чье имя я, как ни старался, не мог вспомнить. Что ж, буду называть его «падре», так и выйду из положения.

И вот мы все стояли под мелким дождем. Я и инженер посередине, Гити с дочкой у стены,

а против них — священники, переминаясь, с сумками в руках. Они смотрели на девочку, и старший из них спросил:

— Девочка, почему ты плачешь?

— Заткнись ты, пугало! — ответила ему мать. —
Одного вида вашего хватило, чтобы напугать мою девочку. Они еще и персидский выучили!

Пожилой священник получил сразу шах и мат. Он не нашел, что ответить. Я подошел к нему и, повернувшись спиной к женщине и девочке, так, чтобы те не слышали, сказал:

— Падре! Я сейчас не могу всего объяснить. Но об одном предостерегаю: лучше не вступайте в спор с этой женщиной!

И добавил ему на ухо:

— Если эта уважаемая ханум на кого-то рассердится, то она имеет привычку стаскивать штаны со своего оппонента прямо посреди улицы!

Священник изобразил на лице недоверие, а я, уже громко, закончил так:

— В общем, сами видите. Теперь, пока дождь не усилился, нам лучше поскорее в путь! Инженер! Идите впереди, показывайте дорогу. Вы, — я повернулся к Гити, — берите девочку и идите за ним!

Инженер, с миской и двумя фонарями в ней, двинулся в путь. За ним — пушистая кошка, а за ней — Гити с дочкой. Дулом автомата я показал священникам идти за ними, и они меня очень хорошо поняли. Замыкающим пошел я сам...

Мы двигались, каким-то естественным путем установив дистанцию, так что со стороны могло бы показаться, что это опытное и обученное

отделение солдат, идущих, соблюдая полную осторожность и маскировку. Дистанция нужна была, так как скучивание приводит к увеличению потерь в случае неожиданного взрыва. И вот Гити с дочкой чуть отстали от инженера, священники — от Гити с дочкой, а я шел, еще немного отстав от всех.

Мы оставили позади широкие пустые пространства около церкви и вошли в узкую улицу. Дождь усиливался. Чтобы укрыться от этих косых струй, инженер держался возле стен домов, так же делали и все остальные.

Кроме того, инженер опять поставил миску на голову, используя ее для защиты от дождя. Автомат в моих руках был весь мокрый; и одежда промокла. Ветер, не стихая, хлестал дождем сбоку; к молниям теперь прибавился гром. Кожа у меня на голове отчаянно чесалась: во-первых, конечно же, от грязи, во-вторых, от воды...

Вода с бульканьем скапливалась в засоренных канавах и текла оттуда прямо на проезжую часть. Туфли Гити и девочки шлепали по ней особенно громко.

Глядя на дома, я заметил, что из водосточных труб почти ничего не льется, причина этого была проста: у многих домов не было крыш, их разрушили обстрелы. И дождевая вода через проломы в крышах текла прямо в комнаты, приводя в негодность оставшиеся в домах вещи и мебель...

«А наш собственный дом?!»

Насколько я знал, он пока не был разрушен...

«Что будет, если иракцы накроют и наш дом?»

— Муса, Муса, я Эхсан, прием! Муса, Муса, я Эхсан, прием!

Я взял трубку и нажал на рычаг связи.

— Эхсан-джан! Муса слушает!

— Слушаешь, Муса-джан? Передай, пожалуйста, трубку отцу Джавада!

Мы шли под дождем, а минометчики думали, что я сижу под крышей в сухой одежде и, бок о бок с отцом и матерью Джавада, ожидаю начала операции.

— Эхсан-джан! Какое дело у тебя к отцу Джавада?

— Муса-джан! У большого начальника дело к нему.

Что-то нужно было придумывать. Неужели они узнают правду? Неужели Асадолла узнает?

— Эхсан-джан! Отец Джавада спит!

— Понятно. А мать его?

— Ее тоже сон сморил. Вы хотите, чтобы я разбудил старушку и старика?

Мухаммад немного помедлил с ответом. Видимо, совещался с Гасемом.

— Нет, он говорит, не нужно. Господин Гасем только хотел извиниться перед ними. И просит тебя проявлять о них заботу!

Хитрость моя сработала!

— Понял! Обещаю...

— Простите, пожалуйста... — это был Ованес. — Могу я спросить, куда мы идем?

Только я отвязался от одних опасных вопросов, как начались другие!

— Вообще говоря: нет, не можете! Считайте, что вы арестованы до утра за несоблюдение приказа о затемнении и о тишине.

— То есть мы и вправду арестованы?..

...Разлившаяся вода стояла и текла на одном уровне как в канавах, так и на тротуарах и на проезжей части. Внезапно грязная черная мышь выскочила из трещины в стене и, суматошно перебежав улицу, скрылась на другой ее стороне. На этот раз не смолчала Гити, завизжав, что было мочи. Инженер в растерянности оглянулся на свою кошку. Но та, до отвала наевшаяся курицей, не заинтересовалась какой-то мокрой мышью...

Между тем эта мышь прервала недоверчивые вопросы священника, которых у него, видимо, было много. Мои ботинки были полны воды, и холод пронизывал до мозга костей. Я позавидовал даже кошке, которая шла, так сказать, босиком. В этом потоке разницы не было, босиком ты или в обуви... А кошка шла так красиво, будто вода вовсе не подступала к ее животу! Может, потому, что наелась, и всё ей было нипочем? А и правда, какая часть жареной курицы переваривалась теперь в ее животе?

«Зрение кошки не может быть таким же примитивным, как у лягушки из Амирова примера. Если бы несчастные коты, подобно лягушкам, были обречены ждать движения своих жертв, какова была бы их судьба? Разница между ними в чем? Кошка ест и мертвечину, как сегодня, когда инженер отдал ей порцию этих двоих; лягушка же питается живыми существами — в точности как Машина Страшного суда!»

На одном из последних перекрестков Ованес забрал сумку у старого священника. Тот совсем тяжело дышал от усталости и всё поднимал полы своего одеяния, чтобы не замочить их в воде.

Но, спасаясь от потока воды внизу, он не мог спастись от потока воды сверху; всё равно все мы были мокрые насквозь.

Мать и дочь шли, так тесно обнявшись, что я подумал: они точно не простудятся, холод просто не сможет пролезть между ними!

— ...Мы пришли! Вон оно, здание!

— Простите, господин... Это и есть то здание, где вы нас будете содержать под арестом? С этими двумя господами?

Инженер, с каким-то новым задором держа на голове миску, ускорил шаг. Здание в безжалостных струях дождя виднелось лишь смутно, но от этого оно не казалось менее зловещим...

А до Гити, наконец, дошли слова священника:

— Следи за своим языком, ты! Матка твоя — госпожа!

— Ханум! Разве я проявил к вам какую-то невежливость?

— Опять назвал меня «ханум»? Опять назвал?

Пожилый священник замолчал. И я снова поблагодарил Бога за то, что среди нас было два воспитанных человека...

Из здания лился дрожащий свет. Я с облегчением вздохнул. Наконец-то наш путь закончился.

ГЛАВА 22

Всё мое тело начала охватывать дрожь...

— ...Не знаю, дорогой мой. Сказал только: «Я за бензином». Сейчас вот, говоря с тобой, волноваться начала...

— Не волнуйтесь, матушка! Дождь кончится — вернется, обязательно. Беспокоиться нет причин!

...Я уставился на костер. Куски разломанных окон и дверей потрескивали в пламени, распространявшем, помимо дыма, едкий запах горячей краски. От него, как от какого-нибудь отравляющего химического вещества, отчаянно щипало в носу и в глотке...

Я не должен был показывать, что нервничаю... Одеял хватило всем, кроме меня. Все дружно сидели кружком вокруг костра: двое неудачливых священников; девочка с женщиной, силой оружия угнанные из дома; мать Джавада; и я... Только инженер, надувшись, словно рассерженный ребенок, удалился в свой личный номер люкс.

«Сколько ты всего наворотил! Для того чтобы просто покормить людей ужином, ты согнал их всех под одну крышу этого нежилого здания... И что? А если какой-нибудь зловредный снаряд решит ударить в боковую стенку и угодит прямоком в этот самый костер... Костей ведь не соберешь!..»

«Может быть, завтра все увидят эту сцену, и тебя сочтут виновным!»

«Может быть... Может быть, и Иуда хотел лишь добыть пропитание для Иисуса и остальных учеников. Но ему не повезло с тем, что случилось после того ужина. И с тех пор и до Дня Страшного суда на этом несчастном будет оставаться клеймо предателя... Предатель! Предатель! Предатель!»

Пушистая кошка словно бы вновь сошла с ума от запаха новых жареных кур. Она крутилась вокруг костра, ластилась ко всем и так мурлыкала, что хоть уши затыкай... А может быть, она просто обсушивалась, как и все мы?

«Не нужно было отцу Джавада оставлять здесь старушку одну. Неужели он отправился к минометчикам? Но тогда они бы его не искали по рации. Впрочем, может быть, с тех пор он как раз добрался до них. Если это так, почему не выходит на связь? Нет, наверняка он на кухню двинулся, это скорее всего!»

Кухня, кстати, была ближе к этому зданию, чем другие знакомые ему объекты...

От моей мокрой одежды валил пар. Священники, едва попав в здание, тут же переоделись под лестницей, достав откуда-то сухие, но точно такие же черные одеяния. Интересно: ведь так можно много лет носить с виду одну и ту же, а на самом деле — разную одежду...

Гити сидела спокойно и своей татуированной рукой отправляла небольшие кусочки хлеба и курицы в рот дочери. Они обе укрылись одним одеялом. У священников на каждого оказалось по

отдельному солдатскому одеялу. Мать Джавада, на лице которой всё яснее обозначалось волнение, смотрела на меня с ожиданием: не успокою ли я ее чем-нибудь. А я всё больше чувствовал себя физически разбитым...

Несколько раз я пытался вытянуть из-под себя правую ногу, но тело мое настолько продрогло и заоченело, что его члены почти не гнулись, а вес тела словно увеличился в несколько раз. Как там отец Джавада под дождем?

«Куда тебя понесло? Оставался бы здесь...»

Я вообще-то очень надеялся, что во время операции старик сможет присмотреть за всеми этими ненадежными людьми, которых я здесь собрал. Наверное, он к тому времени как раз появится...

Я намеревался немного обсохнуть и потом прочитать слепополуденный и вечерний намаз. Уже у Гити я вспоминал о молитве, но не по сердцу мне было читать намаз в том месте с его репутацией, к тому же, быть может, в последний раз в своей жизни...

В здании не было стекол, и бульканье и журчание воды слышалось со всех сторон. Кажется, не было и водосточных труб, и вода по швам между кирпичами затекала внутрь очень быстро... О том, что произойдет в случае затяжного дождя, и гадать не приходилось. Вода будет скапливаться, особенно здесь, на первом этаже этого не подведенного под крышу здания, да и на всех этажах, которые, кстати, вообще могут рухнуть...

Сидя там, где сидел, я с трудом дотянулся и подтащил еще один выломанный откуда-то брус,

кинул его в костер. Брус этот был окрашен зеленой краской. Что это было — часть двери, окна? Сколько раз до войны хозяева открывали-закрывали эту дверь или окно, а вот теперь деревяшка — в костре. Ее зеленая краска вздулась пузырями, потом превратилась в перелив разных цветов, наконец, вся она окрасилась коричневым и потом вспыхнула...

Меня опять пробрала дрожь, и снова — тяжесть во всем теле. Я стал наблюдать за тем, как ест девочка. Почему-то она едва-едва открывала ротик, как будто зуболюбные брекеты, что ли, стояли на зубах. И с трудом глотала самые маленькие кусочки, а Гити что-то негромко бормотала — неужто уговаривала ее поесть?

Священники ели мало, а я вообще — почти ничего. Аппетита не было. Матушка Джавада чуть ли не силой впихивала в меня еду, но кроме пары кусков хлеба я так ничего и не съел. Во рту было горько-горько. И всё время этот озноб, озноб...

— Простите, пожалуйста! Где мы можем отдохнуть?

Я очнулся. Передо мной стоял Ованес. Если бы такой вопрос задал кто-то из ребят, я ответил бы: отдыхай там, куда зад твой упал!

...Но что ответить ему? Во время обстрела самым безопасным будет место под лестницей, но там уже обосновались мать Джавада и Гити с дочкой. Абу матушки Джавада они использовали вместо занавески, деликатно отгородив себе пространство.

Какое еще место я мог предложить священникам? Я огляделся. Возле дверей? Нет; это как раз самое худшее, что может быть. Ага, вот! Самая

дальняя от дверей стена, смежная с домами боковой улицы. Еще раз я огляделся. Да, лучше места, пожалуй, не найдешь.

— Вот тот угол видите? Берите ваши сумки и с одеялами идите туда, устраивайтесь.

— А вы где этой ночью будете спать?

— Может быть, на кладбище! — отрезал я.

Возможно, Ованес подумал, что я шучу, но мне было не до шуток. Хотя бы из-за того, что меня очень сильно знобило... И священник вернулся к своему старшему товарищу. А мои глаза вновь сами собой закрылись от усталости. Впрочем, усталость ли это?

— ...Матушка Джавада! Я пойду наверх, у меня есть работа. А вы сами устройте место ночлега для себя и для... — я был начеку и ни за что больше бы не назвал Гити «ханум». — Для себя и для этой женщины с дочерью. Отдохните; и будем надеяться на милость Аллаха...

Но матушка Джавада была сама не своя, так беспокоилась о муже:

— ...Он ведь старик уже! На этом холоде наверняка ревматизм его обострится. Может быть, поискать его где-то на улицах? Я боюсь, что и от обстрела он там может пострадать...

Я должен был успокоить ее, хотя бы во имя памяти Джавада.

— Не тревожьтесь! Сейчас обстрела не будет. На таком дожде снаряды из стволов не вылезают — промокнуть бояться!

А про себя я добавил:

«Если только мы сами вот-вот не начнем операцию!»

— И не поел ты ничего! Хоть кусочек съешь!

Кошка меж тем разыгралась с куриной косточкой. Даже странно было: с таким тяжелым пузом, и так ловко прыгает!

— Клянусь, матушка, не идет в горло еда! Потом вниз спущусь, съем это.

И я отвернулся от того куска, который она мне протягивала. Странное чувство владело мною, даже подташнивало от вида застывшего в котле жира. И в то же время я чувствовал ужасную слабость; но мне не казалось, что она — от голода...

Я медленно встал. Сидеть дольше было нельзя. Нужно побыстрее совершить омовение и читать намаз. Ноги мои затекли. Священники уже растелили одеяла и, улегшись на них, шептались о чем-то. Было ясно, что они считают ситуацию совершенно непонятной — но и я не имел права ничего им объяснять.

Я даже ног не мог поднимать — волочил их. Устал, вот и всё. Дошел до двери на улицу. Гром и молния кончились, но проливной дождь так бушевал, словно Всевышний решил те осадки, которые Он задерживал много месяцев, излить за один раз!

И тут я вспомнил о фургоне. Его даже и не видно было: какое-то сгущение тьмы вдалеке. Но могучие струи дождя, ударяясь о фургон, издавали заунывный монотонный звук. Слава Аллаху! — подумал я. Ведь я чуть не забыл о каске там, на приборном щитке. А после начала операции она мне обязательно понадобится! И хорошо, что я ее не перевернул, иначе сейчас она была бы полна воды.

«Но как добежать до фургона?»

Мысль о том, что, чуть просохнув возле костра, я опять промокну, заставила меня содрогнуться. Я с тоской оглянулся назад, на костер и одеяла... Если накрыться одеялом, промокну меньше, но тогда одно одеяло будет списано со счетов, по крайней мере, до тех пор, пока не высохнет...

Шнурки моих ботинок были развязаны. Я отбросил сомнения и сломя голову кинулся на улицу, изо всех сил, как мог быстрее, побежал к фургону. Опять шлепающий звук ног по лужам, и мокрые брюки, и град капель в лицо. Не обращать внимания! Каска мне была нужна в любом случае...

Приближаясь к фургону, я старался, несмотря на дождевые струи, не закрывать глаза, чтобы поскорее увидеть каску. Но никакого пятна на ожидаемом месте не было! И вот я уже в двух шагах от фургона и понимаю, что зрение меня не подводит: ее там действительно нет!

«Неужели забрал отец Джавада?»

Но отец Джавада касок отродясь не носил!

Я рванул ручку дверцы со стороны пассажира. Дверь не открылась — что меня не удивило. Влез в окно на полкорпуса, и вот она: как черепаха, чей панцирь показался из-под воды, каска выступает из лужи воды на полу кабины.

Струи дождя хлестали ту часть моего тела, что не влезла в кабину. Схватить каску! Я сунул руку в воду, чтобы ухватить ее ребро, и пальцы мои ощутили кожу внутри каски; при этом у меня возникло такое чувство, будто я касаюсь человеческой кожи — но распухшей и липкой...

Теперь назад. Вновь шлепающий звук ботинок по лужам перекрывал все другие звуки. И, весь мокрый, я ввалился в здание.

«И что мне теперь делать?»

Движимый инстинктом, я направился к пышущему жаром костру. Сел по-турецки перед ним и внутреннюю сторону каски повернул к огню. Дождь кончится, начнется бой, и она мне станет нужна.

«Так зачем же я выходил наружу? Чтобы совершить омовение!»

На улице, однако, увидев фургон, я забыл обо всём прочем. Как переживал бы сейчас Парвиз за это свое сокровище! Если бы он был здесь, он ни за что не оставил бы фургон вот так, под дождем... Помимо прочего, вся маскировка — то есть обмазка глиной — была смыта напрочь. Парвиз бы вначале машине нашел место под крышей, потом уже — себе. Но теперь состояние фургона и его хозяина было одинаковым: посечены осколками и едва живы. А что там с моим мотоциклом? Наверняка Амир поставил его под крышу в береговом отряде. Но я совсем задержался с намазом...

— Матушка, я иду наверх!

— Подожди, дорогой; у меня дело к тебе.

Она попыталась встать, чтобы подойти ко мне; для этого ей приходилось опираться руками о пол. Я сделал ей знак не вставать и поспешил к ней...

— ...Дорогой мой! Ты мне слово давал! Забыл?

В голове моей было пусто. Я зря напрягал извилины. И все-таки не хотел ей отвечать, что забыл.

— Забыл, вижу!

Я деланно улыбнулся, а она совсем опечалилась:

— Очень плохо тебе, дорогой, а?

И приложила ладонь к моему лбу.

— Да ты горишь весь! У тебя температура! Тебе лечь надо срочно!

— Ничего, матушка! — Ненатуральная улыбка всё еще держалась на моем лице. — Ничего. Но какое у тебя дело, скажи!

— Да слово-то твое! Ты давал слово найти мне фотографию Джавада. А? Забыл?

— Найду, найду, мамаша! Обязательно найду; но не сейчас же! Под дождем не будешь ведь ходить!

И я потащился к лестнице. Подойдя к ней, растерялся. Она была так крута, что выше третьей или даже второй ступеньки мне, пожалуй, и не влезть было. Шлепнусь и разобьюсь; а ведь надо было как-то доползти до комнаты инженера...

— Эта вон тебя вызывает! — крикнула вдруг Гити и указала на рацию.

От рации меня отделяло как минимум десять шагов. Я начал двигаться, и как же мучителен был каждый из этих шагов! Но нужно было дойти. А почему, интересно, я не слышал позывных?

— Иду... — и я опять тащил свои ботинки по полу...

А вот и позывные раздались:

— Муса, Муса, я Эхсан, прием! Муса, Муса, я Эхсан, прием!

Все смотрели на меня и на трубку рации. Священники напряженно привстали. Я держал трубку обеими руками. Может, сообщат, что отец Джавада у них?

— Эхсан, я Муса, слушаю!

— Муса-джан! Господин Гасем сказал: после плавания обсушись! Как понял? Прием.

— Понял вас!

— Тогда конец связи.

Это был голос Асадоллы, напомнивший мне о его последней шутке: как он будет взрывать мост Сират неразорвавшимися снарядами, найденными на том свете. И я положил трубку и оставил рацию там же, возле костра. В том же плачевном виде вновь потащился к лестнице... Не сразу заметил, как кто-то подошел ко мне: это был Ованес.

— Брат! Если тебе нужна помощь, скажи, я готов!

— Нет, помощи от вас не нужно, — ответил я. — Идите в свой угол и до утра никуда оттуда не двигайтесь!

— А почему помощь от нас не примете?

— Потому что...

«Что ему сказать?»

Я ткнул пальцем куда-то в потолок.

— Потому что я иду наверх сражаться! Понятно?

Он в изумлении отступил на шаг. А я изо всех сил ухватился за перекладину деревянной лестницы на уровне груди. И добавил:

— Идите, отдыхайте!

И я поднял ногу и встал на первую ступеньку. Потом на вторую, вцепился в следующую... От того, что мне передали по радиации, у меня исчезли всякие сомнения в том, будет или не будет отменена сегодня операция. Сообщение было кратким: «После плавания обсушись!»

Оно означало: после дождя — начало операции.

ГЛАВА 23

Наконец, я добрался до второго этажа и был теперь недоступен для укоризненных взглядов и требований приведенных мною людей. В моем состоянии подниматься по лестнице, даже не по деревянной, а по обычной, бетонной, означало некое взползание вверх с помощью всех четырех конечностей. После слов матери Джавада я действительно почувствовал себя больным. Похоже, у меня был жар: болело вокруг глаз, и всё лицо было как бы окутано каким-то горячим паром. Лучше бы я прочел намаз вовремя, в квартале Гити!

...И вот я буквально вполз на этаж инженера. Но нельзя было, чтобы он видел меня в таком состоянии! Во что бы то ни стало требовалось подняться и держаться на ногах. Я встал, опираясь на стену. В ботинках хлюпала вода: я так и не вылил ее.

Самого инженера я пока не видел; с того места, где я стоял, мне видна была лишь его кровать. Поставленный рядом с кроватью закопченный фонарь давал немного света. Как всякий раз, когда я входил к инженеру, меня и сейчас ждал сюрприз: из одного конца комнаты в другой была протянута тонкая проволока, и на ней сушилась его влажная одежда. Сам же инженер сидел, скрестив ноги, и перебирал еще какую-то одежду в раскрытом железном сундучке.

— Приветствую! Где здесь сосуд для воды?

Он даже не повернул голову в мою сторону. Аккуратно складывая красную рубашку, указал мне рукой на угол комнаты. Темный угол возле окна. Я медленно пошел туда и поднял пластиковый контейнер, легкий как перышко. Встряхнул его. Инженер глотка воды мне жалел? Держа в руках этот контейнер, я повернулся к инженеру:

— Но здесь пусто!

— Нет проблем, господин! Вы приказывать — большой мастер, поэтому, будьте добры, отдайте приказ, чтобы я вам откуда-то принес воды.

Того, что он вообще со мной разговаривает, было мне пока достаточно. Я сделал еще шаг, потом еще один и добрался до окна. Выставил руку под дождь и сделал из ладони ковшик.

Капли сначала капризничали, потом подчинились мне и собрались в углублении ладони. Счастливый от того, что мне удалось их заманить, я втянул правую руку обратно внутрь комнаты, поднес ее к левой и быстро сполоснул руки, потирая их. Первая часть омовения была выполнена. А ведь если бы дождь внезапно кончился, мне пришлось бы опять спускаться вниз...

Кактусы! Кактусы в горшке! Я увидел, что горшок полон воды, которая даже переливается через край. Для кактуса-хозяина и для второго, посаженного к нему, этот дождь был настоящим наводнением, которое напитает их влагой на много-много времени вперед. Вот бы и мне быть кактусом, свободным от обязанностей...

Теперь для продолжения ритуального омовения требовалось смачивание лба и ног. Но, поскольку голова моя и так была мокрой, налицо была проблема. Я вновь шагнул к инженеру.

— Господин инженер!

Он намеренно не отреагировал.

— У вас есть сухая тряпка?

Он взял кусок простыни, использовавшийся, видимо, чтобы завязывать в него узлом вещи, и кинул в мою сторону. Ловить на лету у меня не было сил. С трудом нагнувшись, я поднял простыню с пола и вытер ею мокрые волосы...

— ...Аллах акбар! Аллах акбар! Аллах акбар!

...Я коснулся лбом пола. Как хотелось бы мне снять эту мокрую одежду и надеть вместо нее комплект сухого шерстяного белья...

«О Аллах! Помогни мне этой ночью хорошо выполнить мои обязанности. Ничего больше не прошу у Тебя. Только убереги Асадоллу и Мухаммада! Больше не буду Тебе ничем докучать!»

Я оторвал лоб от молитвенного коврика. Что еще нужно сделать до начала операции? Не вставая с пола, я подтянул свое тело к кровати и сел, опираясь о нее спиной, вытянул ноги. Для малейшего движения требовалось такое усилие, что я буквально задыхался. А инженер — я знал это, не глядя на него, — следил за мной орлиным взором. Но ничто для меня уже не было важно. До момента начала операции у меня была только одна задача: отдыхать; отдыхать; отдыхать; сберечь последние остающиеся у меня силы...

— Господин! Господин!

Кто-то встряхнул меня за плечо, и я открыл глаза. Силуэт наклонившегося ко мне инженера темнел перед моим затуманенным взором.

— Переоденьтесь, господин! Идите сюда, я помогу вам.

И опять мои веки склеились. Как приятен, как опьяняющ был этот темный мир, раскрывавшийся передо мной, внутри... Но нет, я должен сопротивляться сну!

— Я сам сниму одежду...

И я не давал своим векам закрыться... Вот белая рубашка с широким воротом и темные брюки; света было недостаточно, чтобы я точнее мог определить их цвет. Я расстегнул первую пуговицу своей мокрой гимнастерки, потом вторую... Значит, мозг мой еще работал. И при инженере мне вовсе не хотелось переодеваться...

— Инженер! Господин инженер!

Голос мой был очень слаб, но он услышал.

— Господин! Похоже, вам совсем плохо?

— Нет, я устал просто. Ничего. Только... Одна просьба к вам! Принесите мне снизу рацию и автомат!

— Значит, настолько больны? Хорошо, принесу. А ведь вы поломали весь мой распорядок жизни. Этих непрошенных гостей без разрешения привели сюда. Неправильно это...

Я кивнул, соглашаясь с ним, и он продолжал:

— Особенно, дорогой господин, эта ведьма — Гити! Я ее не выношу!

— Согласен, согласен. Но это позже...

Инженер еще помедлил, потом быстрым шагом двинулся к лестнице. Я подумал об остальных

кошках... Где они? Только пушистая была здесь. Я снял гимнастерку, и мое тело охватила сильная дрожь. Медленно я облачился в рубаху инженера. Рукава были длиннее моего размера. И брюки тоже широки в поясе. Пришлось продевать в них мокрый военный ремень.

Военная промокшая одежда лежала на полу возле моих ног. Нужно было сделать усилие и повесить ее сушиться. Я одной рукой схватил этот мокрый ком, другой держался за спинку кровати и, напрягая все оставшиеся в моих мышцах силы, сделал шаг... И вдруг упал на кровать. Пружины ее закачались подо мной, потом остановились...

Я был в сомнении. Отдыхать, лежать на этой кровати я не имел права. Ведь старик справедливо говорил: я разрушил весь порядок его жизни, а теперь еще и займу его место отдыха. Но лишь несколько минут...

Я поднял ноги на кровать и теперь целиком лежал на ней. В ногах было сложено одеяло, я подтянул его, развернул и накрылся целиком... В сухой одежде, в мягкой, теплой постели, под крышей и в тишине, которая установилась на фронте на время долгого дождя... что мне еще было желать от жизни? Жаль, что придется покинуть эту постель, как только я услышу шаги инженера...

Чтобы лучше согреться, я повернулся на бок, свернулся в калачик...

«Э! Что там воткнулось мне в ребра? Шахматная фигурка, что же еще! Этот растяпа ничего тут не прибрал! Достать, что ли, ее? По ощущению,

совсем маленькая... Пешка или слон? У слона верх был бы шире... Вряд ли это слон. Но какого цвета?»

Я чувствовал боком фигурку, но цвет ее определить, конечно, не мог...

«Раз так, доставай рукой! Я опять весь в поту... И дрожь снова началась. Белая или черная? Что там инженер говорил? Говорит, мы — всегда черные фигуры... Повернуться, еще повернуться... Черная пешка ворочается... Вот я все-таки достал ее рукой! Теперь смотреть или нет на ее цвет?»

Я становился суеверным...

«Если она окажется черной, тогда победит Машина Страшного суда, если белой — победим мы».

«Когда кончится дождь, начнется операция. Нужно что-то решать с моей болезнью. Сообщить о ней по рации. Амир! Единственный выход — Амиру заменить меня. Столько надежд на операцию, а в итоге — пшик? Начнется артиллерийская дуэль, Асадолла и Мухаммад будут под огнем в новом окопе, Амир будет наблюдателем, а я, выходит, в уголке, лежу себе в стороне...»

«Ты сам во всем виноват, безумец! Зачем ты собрал сюда всех этих людей? А ну как, вопреки всем расчетам, хороший артиллерийский снаряд ударит в стену и всех этих, что прячутся там, внизу, превратит в кровавый фарш? Не пожалеешь ли тогда, что не оставил их на прежних местах?»

«Сейчас, под этим дождем, что происходит с Машиной Страшного суда? Наверняка накрыли ее брезентом, чтобы не намочла... Это ведь, наверное, чувствительный аппарат. Может, по воле Аллаха, дождь повредит его, и завтра его отправят в тыл?»

Но толку всё равно не будет. Как говорит инженер, один уничтожите, они другой привезут. Точно как этот нефтекомбинат, долбят и долбят его, разрушают и никак не разрушат...»

«Сколько же вкалывал инженер на этом заводе! Сорок лет! Вдвое с лишним больше, чем я живу на свете! И к чему пришел в результате? Кошки и старое письмо. Несчастный, которого я добил своим вселением сюда. До меня Парвиз хоть его не трогал...»

«Парвиз! Как же я забыл? Теперь мы оба с ним в одном положении. Без сил лежим на койках. С такими ранами, как у него, выживают ли? Но, чего бы это ни стоило, сегодня ночью нужно решить судьбу электронного чудовища!»

«Сколько времени я зря потратил! Если бы в эти два дня я не отрывал бинокля от пальмовых рощ, возможно, уже и нужды не было бы для этой самоубийственной операции...»

«Так будешь ты смотреть пешку или нет? Мне кажется, она белая. А если нет? Мнительность инженера, похоже, заразила тебя. Ты надел его одежду и в его комнате лежишь на его кровати — значит, ты уже превратился в такого же, как он...»

«Как мне объяснить тем, кто внизу, что в определенное время им следует быть особенно осторожными? Священники, впрочем, ничего предпринимать не будут, они не активны, разве что обещали построить памятник погибшим, за упокой души помолятся...»

«А вот Гити как удержать? Дождь кончится, ее дурь разыграет, возьмет за руку дочь — и домой!

Как удержишь? Попросить мать Джавада удержать ее?..»

«Сама мать Джавада не больно хороша... Всё выпрашивает у меня посмертное фото Джавада. На какое-то время забыла, потом опять почему-то вспомнила. Но как ей показать это фото? Взрывом ему оторвало обе руки выше локтей, а лицо превратилось в такую кровавую кашу, что и мать ни за что не опознала бы его. Нет, ни в коем случае не сделай этой глупости! Пусть в ее памяти Джавад останется веселым и здоровым. И всякий раз, как будет просить у меня фото, я буду отвечать ей, что запаматовал! И так ты много врешь, хоть соври для пользы дела!»

«Ну что ж, доставай пешку из-под одеяла! Ты загадал; проверь результат: черная или белая? Смена белья тебе не помогла. Опять всё тело мокрое от пота. Тогда был мокрый от дождя, теперь от собственной влаги. Но не думай ни о чем! Отдыхай! Достань пешку! Достаточно вытащить из-под одеяла сжимающую ее руку и разжать ее. Свет фонаря позволит отличить черное от белого. Решайся, наконец! Тащи ее на свет...»

Я открыл глаза. Мой кулак сжимал пешку. Следовало, наконец, победить колебания. И я их победил. Я начал один за другим разгибать пальцы. Чернота уже ясно была видна. И все-таки я еще не верил своим глазам, которые с напряжением держал открытыми. Я так развернул руку, чтобы свет фонаря лучше падал на пешку. Черная, и точка! Несчастный солдатик, полностью зависящий от движений моей руки.

«Чем ты отличаешься от этой пешки? Вот чем, конкретно? Тебя, как и ее, поставили на определенную игровую доску. И Машина Страшного суда уже готова вас проглотить. Вы как крохотные мухи, которые при малейшем шевелении станут ее добычей! Кстати, зачем ты и твои друзья так стремитесь навстречу этой опасности? Разве не сказано в указе военного штаба, что после каждого выстрела следует передислоцироваться? Почему вы не выполняете этот приказ?..»

Я всё еще держал перед глазами пешку, которая иногда вдруг становилась невидимой. Наконец, я медленно разжал пальцы, выронив ее, а потом сжал кулак...

— ...Господин! Господин, проснитесь!

Голос шел откуда-то из глубин моего мозга. Знакомый голос!

— Проснитесь, господин! Там человек вас по рации вызывает.

Я с трудом открыл глаза. Всё мое тело сотрясала дрожь. Я по-прежнему лежал на кровати инженера.

— Ого! Как вас лихорадит! Не хотел вас будить, но этот ваш товарищ уже полчаса вас вызывает. Поверите ли, я от верещания этого аппарата уже с ума схожу!

Он протягивал мне трубку рации. Я с трудом вытащил руку из-под одеяла и взял трубку. А сил пошевелить языком почти не было.

— Эхсан... Эхсан, Эхсан!

Я рта закрыть не успел, как услышал ответ:

— Муса! Эхсан говорит! Ты где вообще? Слушай внимательно. Еще ровно полфута. Понял меня?

Меня словно током ударило. Я, наконец, по-настоящему очнулся. Дождя на улице не было слышно. «Полфута» означало: через полчаса начнется операция.

— Вас понял! Но где Амир?

— Господин Гасем сказал: еще полфута. На этом конец связи. Всё, конец!

Иными словами: радиомолчание до начала боя. Но я был болен! И я должен был доложить об этом Гасему.

— Эхсан, Эхсан, я Муса, прием!

Инженер стоял рядом, весь внимание.

— Эхсан, Эхсан, я Муса, прием! Эхсан, Эхсан, я Муса, прием!

Я чуть промедлил, и Мухаммад уже успел отключить рацию. Теперь самой опасной вещью, которая могла насторожить противника, были бы дополнительные переговоры по рации, однако я буду вынужден нарушить эту предосторожность. Нужно было как-то использовать эти полчаса, другого выхода я не видел.

— Очень плохо вам, гляжу. Вы во сне всё время бредили.

Я опустил трубку и повернулся к окошку.

— Дождь! Когда он кончился?

— Минут 10-15 назад. А что?

— Время! Времени сколько?

Часы Асадоллы были у меня на руке. В свете фонаря я с трудом различил стрелки. Было три часа сорок две минуты ночи. Если прибавить полчаса, получится 4 часа 12 минут.

Я медленно сел и опустил ноги на пол. От прикосновения босых ног к холодному полу мурашки пошли по телу...

«Нет, на то, чтобы встать, у меня нет сил. Нужно что-то придумать. Во-первых, как быть с людьми там, внизу? Когда начнется бой, они могут не понять новой ситуации. Могут даже захотеть выйти из здания. Кстати, где отец Джавада?»

— Отец Джавада! Он вернулся?

— Нет, не приходил. Я вашу одежду повесил сушиться.

Одежда моя висела на проволоке. Главная трудность оставалась нерешенной. Секунды уходили, а моя болезнь... Главное мое орудие боя, глаза, видели темно и неустойчиво. Может быть, я каким-то невероятным усилием преодолею слабость, но зрение я себе восстановить не смогу. Если бы вернулся отец Джавада, я попросил бы его взять бинокль и сообщать мне о выстрелах. Но его отсутствие перечеркивало этот план. Или он все-таки вернется? А если нет?

«Молодой священник! Здесь не будет риска!»

— Господин инженер! Сделайте мне одолжение!

— Какое именно?

— Там внизу два священника, молодого позовите сюда! Его зовут Ованес.

Инженер переминался.

— Что с вами?

— Да так, господин! Но я ведь тоже имею право отдохнуть. Со вчерашнего дня и до сих пор я глаз не сомкнул.

— Согласен. Я через несколько минут пойду наверх. Потом спокойно отдыхайте. И его, не будь я болен, я бы сам привел...

Инженер кивнул и ушел. Я воспользовался паузой и снова лег. Единственный выход был найден.

Вместо Амира я попрошу священника стать моими глазами. Если только ребята снова не выйдут на связь и я не добьюсь присылки Амира. Будет лучше, если Амир приедет сюда...

Послышались шаги двоих. Слава Аллаху, слух мой работал нормально. Но как мне снять этот жар? Опять нужно садиться... На этот раз я завернулся в одеяло.

Вошли инженер впереди и за ним священник. И в качестве третьего гостя появилась пушистая кошка и юркнула под кровать.

— Пожалуйста! Вот начальник!

Так меня назвал инженер и отступил.

— Вас не разбудили? — спросил я.

— Нет, я не спал. К вашим услугам. У вас какое-то дело?

Передо мной была высочайшая вершина, которую следовало покорить. А именно: попросить священника помочь ополченцу в боевых действиях.

Инженер сунул руку под кровать и, вытащив оттуда пушистую кошку, взял ее на руки. Вот жизнь спокойная у человека! Обо всех забыл и занимается лишь кошкой. Я знал, чего он ждет: только того, чтобы закончились эти разговоры и я ушел бы наверх.

Молчание затягивалось. Мне следовало решаться...

— Господин священник! Вы знаете, почему вчера вечером я вас привел сюда из церкви?

— Есть определенные догадки.

— Например, какие догадки? Не волнуйтесь! Скажите мне откровенно.

— Предположение такое, что этой ночью у вас и ваших друзей произойдут какие-то важные события. Что именно произойдет, я не знаю. Но поэтому вы нас сюда привели, так как вам нежелательно присутствие посторонних людей в городе.

Ни времени, ни энергии для долгого разговора у меня не было...

— В принципе, какие бы ни были причины, но я жду от вас сотрудничества.

— Сотрудничества? А в каком деле?

— Послушайте внимательно. Вы пробывали в городе два дня и утром уедете. За эти дни сколько взрывов вы слышали?

— Я не считал их; но тот снаряд, который попал в церковь, мы, конечно, не забудем. Я доведу эту информацию до сведения нашего центрального церковного управления, и, возможно, официальное письмо будет отправлено в Красный Крест.

Я постарался улыбнуться не злорадно, а по-доброму.

— И что сделает Красный Крест?

— Этого я не знаю. Но я исполню свой долг.

Я пальцем поманил его к себе, делая знак нагнуться, и вот уже наши лица сблизились.

— Кажется, вам очень плохо. Вам нужно лежать!

— Да! Мне очень плохо. Но я должен вам что-то сказать. У меня этой ночью очень важное задание. Очень важное. На той стороне есть военная установка, которая не позволяет нам уничтожить те пушки и минометы, которые и убивают жителей города. Сегодня ночью группа наших ребят решила

вывести из строя эту установку. Однако... Возникла трудность, которую можно разрешить только с вашей помощью.

— Именно с моей? А какая трудность?

— Мое состояние вы видите. Сегодня я должен работать в качестве наблюдателя. Но из-за этой внезапной болезни всё рушится. Поэтому мне нужен помощник. Человек, который просто будет внимательно смотреть и сообщать мне о выстрелах врага.

Он всё понял хорошо. Медленно отодвинулся от меня и задумался.

— Уж не шутите ли вы? Я ничего не знаю о военном деле, я приехал, только чтобы забрать церковные вещи.

— Нет, я совершенно серьезно. Мы вместе поднимемся на крышу, и от вас многого не потребуется. Только сообщать мне время и место выстрела врага с той стороны реки.

Он оглянулся на инженера, словно ожидая от него помощи. Но инженер выбрал лучшую для себя тактику: продолжать играть с кошкой.

— Вроде бы проблем нет, но я ведь священник. Как вы можете ожидать от священника прямого участия в боевых действиях? Это невозможно!

Я завернулся в одеяло и всё равно дрожал. Но хуже было то, что мою просьбу он отверг. Священник, со всех точек зрения, был мне ближе, чем инженер. Мы оба верили в Бога и в спасение человека. И вот в решающий миг он отступил. Значит, всё между нами было кончено. Я должен был сказать свое слово.

«Послушай меня! Я не хотел в этот последний вечер обидеть кого-либо. Но этой самой ночью, этой дождливой ночью, есть дети, чья мать сегодня не вернулась домой. Я уж не знаю, какую лживую историю рассказал им отец. Не знаю я, сколько их, этих детей, которые заснули сегодня, поверив его лжи. Мать этих детей сегодня утром была еще жива, как я и ты! Но один из этих снарядов, который разрушил и твою церковь и о котором ты хочешь куда-то писать и жаловаться, — такой же снаряд попал в торговые ряды зеленщиков. И знаешь, где она теперь? Теперь она в холодильнике бывшего завода мороженого, превращенного в морг, лежит и замерзает».

Однако ничего этого я не сказал. Вместо этого меня одолел жестокий кашель. Но злость на моем лице сделала свое дело. Ованес, растерянный, поднес руку к своему воротнику. И достал золотой нагрудный крест.

— Я клялся этим святым крестом, что буду служить только миру.

— Мне тебе больше сказать нечего. Можешь идти.

Ованес встал и пошел к лестнице, но вскоре обернулся.

— Я могу сделать для вас одну вещь. Я до утра буду молиться за вас и за ваших друзей.

— Молись, но знаешь, каково мое мнение о таких молитвах? Это как здоровый мужчина, который может работать, а вместо этого просит милостыню. Только не забудь одно, когда приедешь в Исфахан, хорошо?

— Что именно?

— Я уже говорил раньше: монумент в память о массовом убийстве жителей этого города. Можете поставить такой?

Мой жар был так силен, что я, быть может, наполовину бредил. Священник ушел вниз, а инженер всё гладил кошку.

Я поднял левую руку с часами Асадоллы: четыре часа и одна минута. Осталось 11 минут до начала боя. Наверняка после конца дождя враг расчехлил Машину Страшного суда, и через 11 минут ее чувствительные датчики заработают.

Слабость моя стала совершенно непреодолимой. Рядом с кроватью валялась пешка, и я поставил на нее ногу. И моя нога качалась вправо и влево на этой круглой фигурке, как на качелях.

«Ты должен признать свое поражение. Другого выхода у тебя нет. Смешнее и придумать нельзя: просишь христианского священника принять участие в войне! Ты проиграл, парень! Признай это! Признай, что проиграл!»

«Но ты болен. У тебя жар, который валит с ног. Никто тебя, такого, не сочтет виноватым. Достаточно лишь как-то сообщить по рации Гасему... Но нет! Это увертка! Если ты не хочешь, чтобы на тебя указали как на причину отмены операции, повесь это на шею отца Джавада! Все его любят. Скажи: он ушел без разрешения и не вернулся. Если начнется операция и провалится, возможно, его сочтут виновным. Вот хорошая отговорка! А ты сохранишь свою репутацию...»

Инженер тронул меня за плечо.

— Что с вами? Оцепенели, господин! Прилягте!
И тут как искра! «А почему бы и нет?»

— Куда вы дели мой бинокль?

— Он в том же месте наверху. Хотите, чтобы
я его принес?

Я попытался встать. Одеяло не снимал с себя.

— Можете мне дать какие-то ботинки?

Он принес пару облезлых коричневых туфель
без шнурков и со смятыми задниками. Поставил их
к моим ногам.

— Куда-то пойдете?

— Я должен идти наверх, но сделайте одну вещь!

— Я хочу лечь.

— Я знаю; но это последняя просьба.

— Хорошо, что?

— Я не могу снизу принести каску. Сейчас пойду
наверх. А вы сделайте одолжение! Принесите мне
наверх каску и рацию. Автомат я сам донесу.

И я сунул правую ногу в ботинок. Прикоснове-
ние жесткой кожи ботинка царапнуло голую ногу.
Потом вторая нога... Волоча ноги по полу, я пошел
к лестнице. Поскольку нагибаться я не мог, то при-
сел и так взял автомат.

— Идите же!

— Если я это принесу, других приказаний не
будет?

Я не ответил. Нельзя было раскрывать ему мой
план.

— Когда спуститесь, скажите матери Джавада,
что ребята по рации сообщили: Хаджи у них. Ска-
зал, мол, вернется утром. Скажите ей, пусть молит-
ся за нас.

— А откуда вы взяли, что муж этой женщины у ваших друзей? Вы предлагаете мне соврать?

— Только не надо, как этот ваш друг, изображать из себя претендента на рай! Наверняка в такой дождь он где-то нашел укрытие. Мы только не знаем, где именно. А я вас жду наверху.

И я опять двинулся к лестнице. Четыре этажа, восемь лестничных пролетов в недостроенном здании! Я чувствовал себя скалолазом, готовящимся покорить абсолютно отвесную скалу. Одеяло я сбросил и надел ремень автомата на шею, потом присел и, подобрав одеяло, опять завернулся в него. Меня так тряс озноб, что зубы громко стучали. Но я призвал Аллаха на помощь и полез вверх: одна ступенька за другой... Следил, чтобы одеяло не упало. И вот я уже добрался до следующего пролета...

— Господин! Не запачкайте мое одеяло!

Он сказал это и двинулся в противоположном от меня направлении — вниз. Не ведая о той ловушке, которая вскоре его ждала.

ГЛАВА 24

Из-за дождя пожар на нефтекомбинате уменьшился, а на небе в разрыве туч я увидел одинокую звездочку. Единственной частью моего тела, не закутанной одеялом, были сейчас мои плохо действующие глаза.

Из-за слабости я полз по лестнице на четвереньках, при этом отчаянно задыхаясь. И всё же добрался до верха и первым делом достал бинокль.

Затишье после дождя стояло то самое, что нам очень нужно было для успеха нашего плана. Сейчас царила именно такая тишина. Если, не приведи Аллах, подует хоть маленький ветерок и если, согласно плану, враг поймет, что стрельба его не поражает цель, — то он в первую очередь отнесет эту ошибку на счет ветра, а не на счет самой Машины, как нам бы хотелось. Мне нужно было выбрать место наблюдателя. Та точка, откуда виден был бы и новый окоп, и все пальмовые рощи. И лучшим местом, решил я, будет то самое, откуда инженер махал мне рукой.

К этой точке я пополз всё так же на четырех конечностях. То и дело мне приходилось вытирать одеялом пот с шеи и головы. И всякий раз, как я приоткрывал одеяло, слышнее становилась

лихорадочная дробь моих зубов, похожая на пулеметные очереди...

«Дальше... что следует сделать по плану?»

Во-первых, определить ту цель, по которой мы нанесем свои удары. Это должен быть объект, достаточно важный для иракцев, который они немедленно примутся защищать, для чего откроют ответный огонь.

«Какой их пункт лучше выбрать? Одну из минометных батарей в дальнем конце пальмовой рощи? Асфальтовое шоссе? Нет. Ни одна из этих целей не будет достаточно чувствительной».

Я поднес бинокль к отверстию в одеяле и поставил окуляры к глазам. Голова сразу пошла кругом: настройка изображения была сбита! Но я не стал поправлять ее: ведь сейчас бинокль был настроен на глаза того, кто сегодня будет выполнять работу наблюдателя.

Счетная сетка внутри правого объектива бинокля состояла из двух равных половин, каждая из которых была в свою очередь разделена на 5 долей, по 5 миллиметров в каждой доле, итого 25 миллиметров вправо и 25 миллиметров влево.

Я повел биноклем вправо. Показался поворот реки и большие войсковые окопы, замаскированные тростником.

«Это подойдет?»

Я прошелся биноклем влево. Нет! Вернусь к окопам. Лучше этой цели возле берега не найдешь.

— Господин! Вот рация, а вот каска; а вот еще кое-что, о чем вы забыли. А теперь верните мне одеяло!

Инженер принес еще зеленую полевую сумку. И всё это свалил у моих ног. Я взял сумку: мокрым-мокра. Открыть ее я не решился. И карта, и тетрадь, конечно, вымокли насквозь. Но это сейчас было не главное. Этой ночью, кроме радики и бинокля, ничего не понадобится; разве что второй наблюдатель.

— Вы замерзли?

— Нет, господин! Я не замерз. Но я хочу лечь.

Несколько секунд прошло в молчании. Самое трудное в требовании — произнести первое слово, и, чтобы вернее найти его, я посмотрел на часы. До времени выхода на связь осталось не больше минуты.

— Если вам нужно одеяло, оставьте себе. У меня внизу второе есть.

— Господин инженер! Хочу, чтобы вы мне кое в чем помогли.

Он подбоченился.

— В чем именно?

Он был единственной моей надеждой. И я не мог ослабить хватку и выпустить его. Но принудить его к сотрудничеству нужно было постепенно.

— Вы помните, как увидели сверху тот новый окоп? И вот я прошу вас вспомнить и показать мне его, его точное место.

— Да вон он там! Вот по этой линии!

И он показал рукой туда, где здания и деревья сливались в сплошную темную массу. Я знал, что при первом же выстреле оттуда я точно засеку этот новый окоп.

— Теперь возьмите два куска дерева или кирпича и положите на бортик, так, чтобы это было на линии наблюдения отсюда.

— Других приказаний не будет? Кусочек должен быть черного дерева или, может быть, тика?

Время летело. Инженер посмотрел вокруг и подобрал два обломка кирпича, отвалившихся от дефектной части парапета.

— Вот кирпичи. Сюда ставлю — ровно?

Относительно оси наблюдения это не было ровно. Оба кирпича должны были быть точно на линии с биноклем.

— Чуть правее, чуть-чуть... Вот так!

— Муса, Муса, я Эхсан, прием! Муса, Муса, я Эхсан, прием!

Ожидание закончилось. Я сглотнул слюну — она была отвратительно горькой. Неужели наш план сработает?

— Так я пойду?

— Подождите секунду!

И я схватил трубку:

— Эхсан! Муса слушает!

— Полфута закончились. Как понял? Мы готовы.

Это был голос Мухаммада. Значит, они с Асадоллой в новом окопе ждут моей команды на то, чтобы открыть огонь. Как мне теперь объяснить инженеру, что он должен сыграть роль моих глаз?

— Господин, я ухожу спать.

— Подождите, на несколько минут у меня есть для вас работа. Я хочу, как только миномет выстрелит, чтобы вы точнее поставили эти два кирпича.

Такая точность в выставлении кирпичей требовалась для того, чтобы после взрывов ответных снарядов я уже не сомневался ни в чем. Я открыл зеленую сумку. Как я и предполагал, тетрадь

и карта промокли насквозь. Под одеялом я зажег свой фонарик и осветил им карту. Возле реки, большие войсковые окопы, отметка «Хусейн-3»? Нет, отметка «Хусейн-4»! Цель, которую я должен задать минометчикам, называлась «Хусейн-4».

— Эхсан, Эхсан, я Муса, прием!.. Эхсан-джан! Цель — отметка «Хусейн-4». Как понял? Прием!

— Понял тебя. Будь на связи.

Я опустил трубку. Теперь еще максимум две-три минуты, пока Асадолла выставляет угол прицела, пока заряжают, чтобы накрыть миной войсковой окоп.

— Инженер! Наденьте эту каску, пожалуйста!

— Зачем?

— Этой ночью мне нужна ваша помощь!

— Для ведения боя?

Он был очень догадлив.

— Может быть, для шахматной партии! Называйте это, как хотите, только, пожалуйста, сядьте здесь за бинокль и при каждом вражеском выстреле сообщайте мне сведения.

— Но я ведь уже спать ухожу...

И он пошел к лестнице. Что ж, раз так... Придется прибегнуть к силе.

— Хотите, чтобы я языком автомата говорил с вами? — крикнул я ему. — Я даю вам честное слово: пока мы делаем эту работу, ни один человек во всем городе не будет под угрозой, кроме тех ребят в нашем окопе.

— Господин! Ваша война меня не касается. Я уже давно оставил общение с людьми. Не хочу ни с кем ни дружить, ни ссориться. У меня есть кошки — и хватит.

— Пусть так, но скажите: а вы не видели, как животных ранят осколки? Ваши кошки не попадали под обстрелы?

Этот довод мне подсказало воспоминание о хромой собаке возле штаба дивизии. А в инженера эти слова ударили так, как снаряд попадает в танк при прямой наводке. Он как подкошенный сел на пол.

— Под обстрелы? Да, я двух самых красивых кошечек похоронил. Вон там, в саду соседнего дома. Знаете, как я по ним горевал?

Эту мысль о кошках мне, видно, Сам Аллах послал. И «соображалка» моя еще работала!

— Но я не хочу никого убивать! — продолжал инженер.

— Муса, Муса, я Эхсан! Муса, Муса, я Эхсан, прием!

— Эхсан-джан! Муса слушает.

— Мы готовы! Отдавай приказ «Огонь!»

— Нет! Побудьте на связи еще минутку.

Я опустил трубку.

— Уж не уподобились ли вы этому священнику, желающему попасть в рай задаром? — спросил я инженера.

— Да нет, я даже в ад не хочу попадать. А вас очень сильно знобит!

Действительно: хотя я и опустил руку с трубкой, рука продолжала непрерывно дрожать.

— Но что вы тянете? — торопил я его. — Скорее решайте! Если сегодня не сделать эту работу, то завтра — неизвестно, сколько человек в городе погибнет; сколько кошек погибнет, если на то пошло! Я умоляю, прошу вас! Если откажетесь — всё рухнет.

— Но у меня на вас жалоба. Вы не должны были подбирать эту Гити и притаскивать сюда. Разве я не прав?

— Правы, конечно. Я вас сильно стеснил. Но если сегодня ночью всё сделаете, то даю вам слово, что вы меня больше вообще здесь не увидите.

Он молчал, глядя мне прямо в глаза.

«Умоляю вас! Прошу вас!»

Инженер встал и приосанился. Опять начиналась игра кошки с мышью?

— Что ж, ради кошек, а не людей, я согласен. Но есть условие.

— Эхсан-джан, вы готовы?

— Да, Муса! Готовы.

И вдруг инженер резким движением вырвал трубку из моей руки. Если бы я не был болен...

— Что это вы им говорите, уважаемый сэр? Я же сказал вам, что у меня есть условие!

— А я согласен. Любое ваше условие — иншалла! — будет выполнено сразу после окончания операции. Я согласен заранее!

— Нет, так не пойдет! Выполнить ты должен сейчас!

Лучше всего было оставаться в границах здравого смысла, а следовательно, узнать эти условия. Но не безумие ли, в такой обстановке...

— Согласен, слушаю вас! Только отдайте мне трубку! Если в нее попадет вода — она выйдет из строя.

Он поднял трубку с мокрого пола. Но не отдал мне, а держал на весу.

— Условие мое следующее...

— Давай! Ну, говори же!

— Нет, проявляйте уважение, пожалуйста! Вы должны себя вести со мной до конца с полным уважением. Только с полным уважением.

Послышался голос из трубки:

— Муса-джан! Мы готовы.

...Уважение! Старик имел, конечно, на него право. Даже если бы и не согласился со мной сотрудничать...

— Я слушаю вас с полным уважением.

— Тогда второе условие.

— Принимаю заранее!

— А вот это — снова неуважение. Сказать, что принимаете заранее, это и значит проявить полное и открытое неуважение.

— Если можно, учитель, давайте всё же ускоримся. Говорите, что имеете сказать. Они ждут, там, внизу.

— Ну что ж, слушайте...

И он стоял передо мной, уперев в бок руку с трубкой. А витой провод трубки висел позади него совсем как хвост.

«Значит, и я, держа трубку возле пояса, столь же нелепо выгляжу?»

— Я задам вам три вопроса. Если ответите...

«Опять цирк начался! Он все-таки сумасшедший! Неужели ты не понимаешь ситуацию? Как бы мне хотелось иметь связь с артиллеристами врага: я бы им сейчас дал точные координаты этого здания!»

Он тронул меня рукой.

— Почему вы замолчали, господин? Я же сказал вам, что у меня есть условие.

...Я должен взять себя в руки. Придется ему подыгрывать: баланс сил был сейчас явно в его, а не в мою пользу...

— Я согласен отвечать на ваши вопросы. Но во имя Аллаха! Нет, нет, нет! Во имя ваших кошек! Задавайте вопросы одновременно с работой. У нас нет ни единой лишней секунды.

Вновь он как-то загадочно смотрел на меня. Я начал считать про себя: «тысяча один, тысяча два, тысяча три, тысяча четыре...» На этой цифре он заговорил:

— Хорошо. Ради моих кошек, даю вам послабление. Начинайте вашу работу. Но и на вопросы отвечайте обдуманно.

И я, почти как его пушистая кошка, стоящая перед ним на задних лапах и опирающаяся на его колени, схватил трубку из его рук и преданными глазами стал на него глядеть. Он в ответ смотрел на меня издевательски.

— Итак, вот первый вопрос!

— Слушаю. Однако прежде всего наденьте, пожалуйста, эту каску!

Он надел ее и сел спиной ко мне и лицом к своим двум кирпичикам, то есть к нашему миномету. Я почувствовал было удовлетворение, которое, однако, быстро исчезло. Глаза мои словно были полны черной жидкости; и я напрасно, напрягая их, вглядывался в расплывчатую темную массу домов и деревьев.

Я нажал на рычаг вызова.

— Эхсан-джан, вы готовы?

— Да, Муса! Мы готовы.

— И так, «не ты бросил, когда бросал, а Аллах бросил»¹! Огонь!

— Муса-джан! Аллах акбар!

— Господин инженер! Внимательно смотри в ту сторону!

Инженер поднес бинокль к глазам. В этой каске он казался заправским солдатом из числа пожилых. Тут, наконец, сверкнул огонь выстрела, словно мощный прожектор на миг осветил небо, бросив свой луч в его бесконечную глубину. Через несколько секунд в уши ударил грубый звук выстрела.

— Теперь смотрите туда, на тот берег реки! — Я рукой указал туда, где должна была упасть наша мина.

— Понял. Но с какой целью вы это делаете?

Что ж, он теперь стал нашим бойцом и, значит, имел право знать все детали операции...

— Цель такая, — ответил я. — Мы должны достаточно сделать больно их береговым войскам, тогда они свяжутся со своими командирами и потребуют огневой защиты. Командиры свяжутся с Машиной Страшного суда, чтобы она дала координаты нашего миномета их орудиям, и те начнут уничтожать наших.

— Я ничего не понял!

— Понемногу поймете, — ответил я. — Только не прозевайте взрыв.

Вспышка этого взрыва была не столь яркой, как мы ожидали.

— Вон он!

¹ Коран, 8:17.

— Тишина!

Звук нашего взрыва был приглушенным. Значит, мина упала ближе окопов, на заболоченный берег реки. Из-за сильного дождя я вообще-то не ожидал очень быстрого ответа Машины.

— Два кирпичика чуть-чуть правее сдвиньте, а потом всё внимание — на выстрел противника!

Наш огонь следовало скорректировать: чуть «поднять». По крайней мере, на 50 метров.

— Эхсан, Эхсан, я Муса, прием!

— Эхсан слушает!

— Эхсан-джан! Прицел больше 70 и правее 20, как понял?

— Понял тебя. Мы быстро будем готовы.

Инженер поправил куски кирпича и вернулся на свое место.

— Господин, пока мы не забыли! Мать Джавада спала, я не стал ее будить.

— Правильно сделали. Ваши действия все правильные.

...Теперь Асадолла достает мину из ящика, вынимает из укупорки, сдирает колпачок взрывателя. Подстраивает прицел миномета, убирая неточность. Амир, ничуть не вмешиваясь ни во что, лежит сейчас на крыше берегового здания, наблюдает за всем происходящим. И для того, чтобы противник не заметил в наших действиях чего-то экстраординарного, не будет выходить в эфир без самой крайней нужды.

Гасем и ребята отряда тоже находятся в полной готовности: по двое сидят в окопах береговой линии. Даже майор и его коллеги из штаба слушают

сейчас наши переговоры по рации. Этой ночью все ждут результатов артиллерийской дуэли — нашего поединка с радаром.

— Муса-джан! Мы готовы.

— А теперь моя очередь! — это заявил инженер; только его не хватало.

— Понял вас. Будьте на связи, — это я сказал минометчиком, а у инженера спросил: — Очередь чего?

— Очередь моего вопроса. Вы готовы отвечать?

Рация подала голос:

— Муса-джан, мы готовы!

Я умоляюще посмотрел на инженера. Он развел руки в ответ. Выхода не было. И я показал ему жестом, что готов ответить на его вопрос.

— Эхсан-джан, я вас понял. Ждите!

Итак, была очередь инженера... Он откашлялся.

— Первый вопрос! Да, только первый. Но будьте внимательны, ибо более одного ответа не допускается. И ответ должен быть верным! Три вопроса и три правильных ответа. А если ошибетесь, то я, при всём моем сожалении, вынужден буду прекратить сотрудничать с вами.

— Но мы так не договаривались.

— Глубокоуважаемый заявлял, что заранее согласен на все условия.

«Что остается делать? Что вообще тут можно сделать?»

— Хорошо, слушаю!

— Итак, первый вопрос. Будьте внимательны! Вы готовы?

Я промолчал.

— Значит, готовы. Вопрос произношу один раз и больше не повторяю. Уважаемый господин! Кто был первым на свете, заложившим основы политической игры или политической интриги?

И опять заговорила рация.

— Муса-джан! Почему молчишь? Мы готовы.

Нужно было найти какой-то трюк, чтобы протянуть время...

«Первый на свете, заложивший основы политической игры? Как это понять?»

— Инженер, будьте готовы. Сейчас будет второй выстрел.

Он кивком подтвердил. И, хотя я отвратительно себя чувствовал, от меня не ускользнула какая-то тревога на его лице...

«Чем провинился старик, что попал в лапы такого, как я? Но и я чем провинился, что попал в твою хватку?»

— Эхсан-джан! Аллах акбар! Огонь!

— Аллах акбар!

Я продолжал сидеть, но так повернулся, чтобы видеть и наш миномет, и позиции иракцев. И вот свет второго выстрела сверкнул по прямой линии от земли к бесконечности небес. С этого мгновения мой мозг произвольно начал отсчет: тысяча один, тысяча два, тысяча три... тысяча двенадцать: и тут звук выстрела долетел до нас. Двенадцать секунд умножаем на 333, что соответствует почти четырем километрам от нас до нового окопа... Итак, пошла вторая мина.

— По крайней мере, объясните мне, что вы делаете?

Вместо ответа я приложил палец к губам, потом пальцем же указал на свое ухо. Он меня понял: молчание и еще раз молчание!

Та сторона реки, погруженная в абсолютную тьму, казалась до крайности загадочной. В отличие от предыдущих ночей, когда над рекой скрещивались цветные линии трассирующих пуль, посылаемых с обеих сторон фронта, сегодня дождь заставил всех остановить боевые действия.

Но город, лежащий у наших ног и тянущийся вдаль во все стороны, так же, как всегда, ждал обстрелов. Ждал удара снаряда и превращения в ничто стен и крыш, дверей и окон... Вдруг сверкнул взрыв нашей мины, прямо в их окопах. Это была вторая наша мина. Инженер аж вскрикнул:

— Вон он! Видели, господин?

Как ему, похоже, нравилась эта игра! Но я ничего ему не ответил. Попадание наше было прямо в окопы, и сейчас люди в этих окопах наверняка требуют огневого прикрытия; потом иракцы свяжутся с радаром. Этот второй наш выстрел, поразивший окопы, совершенно точно был для врага ощутимым; они ведь не знают, что это — всего лишь ловушка для их Машины Страшного суда!

...И вновь сомнение пронзило мою душу... Да существует ли эта машина? Ведь мы, кроме указаний штаба на точность ответного огня врага, не имеем никаких других доказательств ее наличия. И построили целую теорию о радаре с такими-то характеристиками на нашем участке фронта...

— Видели, господин? Очнитесь!

— Тишина, господин инженер! Молчание!

Он не понимал значения молчания, нашей нужды в тишине в этой рискованной игре...

Старик приник к биноклю. Облака в небе сгустились, и уже ни единой звездочки не было видно. Вторая мина попала в чувствительное для них место — этого нам и нужно было; и люди в их окопах, вероятно, укрывшиеся от проливного дождя и спавшие, теперь пробудились самым неприятным для себя образом...

Инженер встал и начал руками разминать мышцы ног.

— Сырость какая! Там, где вы сидите, не сыро?

А я сырости крыши не чувствовал под собой: толстая подстилка из одеяла спасала меня от нее. Бедняга инженер! Знал бы он, каким образом я сейчас использую его любимое одеяло...

Истек обычный промежуток времени между выстрелом и связью наблюдателя с артиллерийским расчетом. Если противник слушал сейчас наши переговоры по рации, он ничего необычного в них не должен был заметить.

— Эхсан, Эхсан, я Муса, прием!

Но тут опять инженер:

— Дорогой господин! А где же ответ на мой вопрос?

— А какой вопрос? Повторите, пожалуйста!

— Ни в коем случае! Это невозможно! Следует соблюдать нашу договоренность. Один раз произносится вопрос и один раз — ответ.

«Первый в мире, заложивший основы политической игры? Господин Адам? Нет, этот раб Божий

вряд ли был на это способен. Каин и Авель? Нет, их опередила Ева. А может, сам шайтан?»

— Время истекло!

— Какое, простите, время?

— Время на обдумывание! Дорогой господин! Я вычел время вашей военной работы, и 20 секунд на обдумывание ответа прошли. Итак, ваш ответ!

«Что ответить? На чью шею повесить это деяние? Пожалуй, на Адама?»

— Что ж, пусть это будет Адам!

— Неправильно! Первый ответ неправильный! Перейдем ко второму вопросу!

— Но какой тогда правильный ответ?

«Мальчик мой! Зачем ты порешишь эту чушь? В такой напряженной боевой обстановке как ты можешь...»

— Правильный ответ? Он таков: это был Сам Бог!

— То есть как это?!

— А вот посмотрите, господин! Изложу очень сжато, чтобы вы не промедлили в вашей работе. Когда Господь сотворил Адама, то избалованные и высоко себя ценящие ангелы слетелись с претензией: мол, что такое, зачем Вы это сотворили? Что отвечает им Всевышний? Мол, не вмешивайтесь в то, о чем не имеете понятия! Затем призывает Адама и тайно шепчет ему на ушко имя Бога — «Величайшее Имя»! После чего объявляет общий сбор. Ну, ангелы Мои верные, всем необходимым обеспеченные! Ответьте Мне: знаете ли вы Величайшее Имя? Если знаете, произнесите его, а Я послушаю! Те, ничтоже сумняшеся, отвечают: не знаем! Тогда Господь:

а ты, Мое новое творение, ты, ненаглядный Мой Адам, ты знаешь Величайшее Имя? И Адам его произносит, и все ангелы в посрамлении — щеки обвисли, глаза потухли — покидают Высочайшее присутствие. Итак, если бы Всевышний не применил эту политическую игру и тайно не открыл бы Величайшее Имя твоему предку, разве так сложились бы судьбы рода человеческого? Конечно, они бы иначе сложились!

— И что же из этого?

— А то, что первый в мире, кто применил политическую игру, был Сам Всевышний Господь!

И инженер победоносно взглянул на меня.

«Продолжай свою работу, парень!»

И я нажал на рычаг трубки.

— Эхсан, Эхсан, я Муса, прием!

— Муса-джан! Эхсан слушает!

Никаких мыслей о том, как изменить прицел для следующего выстрела, мне в голову не приходило. Лучше той же самой точки в окопах и придумать нельзя было для того, чтобы спровоцировать врага.

— Эхсан-джан! Десять метров правее — как понял меня?

— Муса-джан! Понял тебя! Будь на связи.

Инженер между тем вновь сел на свое наблюдательское место, не переставая массировать ноги.

— Но как минимум ответьте мне: зачем эти два кирпича?

— Эти два кирпича? Когда заработает вражеская установка и засечет наших ребят, то я проведу мысленную прямую через эти два кирпича

относительно местоположения миномета и замечу, на каком расстоянии от миномета взрываются снаряды противника. Это понятно?

Его растерянный и раздраженный взгляд показал мне, что я его скорее запутал...

— Кирпичи оставьте мне! Ваше дело — засечь выстрелы противника!

— Муса-джан, мы готовы!

— Эхсан-джан, Аллах акбар! Огонь!

— Во имя Махди! — откликнулся Мухаммад. И в сторону врага полетела третья мина.

Я впился взглядом в черную линию пальмовых рош, сплошную от левой стороны горизонта до правой. Где-то внутри этой полосы притаилось то чудовище, которое призваны были разбудить наши выстрелы.

«Ах ты, чертова лягушка! Разве ты не караулишь добычу? Тогда действуй! Мы пошевелились. Почему же ты не выстреливаешь своим длинным липким языком? Очнись, тварь, и попытайся нас заглотить!»

...В уши ударил гром выстрела. Мина еще несколько секунд летела вверх в небо, потом в свободном падении секунда за секундой стала приближаться к окопу врага и одновременно к собственной почетной гибели, к намеченной для нее цели. Целью этой была линия вражеских окопов. Хотя этой ночью никакое поражение вражеской цели само по себе не могло нам помочь...

Мощный и грозный огонь нового взрыва разодрал темноту лишь на несколько метров правее предыдущего попадания. О болезни своей я и думать

забыл. Лишь дрожь сотрясала мое тело, но это скорее было невыносимое напряжение, сводящее с ума ожидание их ответного выстрела.

«Неужели мне нужно молиться, чтобы они дали залп? Вот так молитва! Но иная, пожалуй, невозможна?»

Я сидел тут, наверху, и думал об Асадолле и Мухаммаде там, в окопе, бок о бок с минометом, еще недавно холодным, а теперь постепенно накаляющимся — при сильной стрельбе труба ствола может раскалиться докрасна. И они ждут; и неужели Асадолла молится именно этой молитвой? Почему же те не стреляют?

Наверняка Мухаммад сейчас зажмурился и бормочет «зикр»; повторяет одну и ту же фразу: «Ибо в поминании Аллаха крепость сердец». И снова, и снова, и снова...

Я открыл глаза. Нельзя давать векам сомкнуться ни на миг...

— Господин, второй вопрос!

Он положил бинокль на бортик. Я тут же указал ему пальцем на этот жизненно важный инструмент.

— Возьмите в руки бинокль! И не прекращайте наблюдать за пальмовой рощей. Теперь говорите!

Он без промедления взял с бортика бинокль и положил к себе на колени.

— Второй вопрос следующий. Двадцать секунд на обдумывание. Слушайте внимательно! Какова была причина изгнания Адама из рая?

— А зачем вы вцепились в эту тему?

— Любопытство прочь! Отвечайте!

Он почти кричал на меня...

— Думаю, ответ простой. Адам и Ева съели там что-то — пшеницу или плоды с дерева, которые Господь запретил, и вот неповиновение, что ли, или как это назвать, и было причиной для изгнания, ну и для всего прочего, что с нами с тех пор происходит на земле.

По-моему, ответ был стопроцентно правильным.

«Ну, господин инженер, что ты скажешь? Пслушаем тебя».

Но его не так-то просто было сбить с толку.

— Ответ неверный! Абсолютно неверный!

— Ну, господин инженер... Ведь все это знают.

— Уважаемый господин! Вот все вы и ошибаетесь! Все до единого! Смотрите сами: если бы Всевышний из всех бесчисленных деревьев в раю не указал им именно на это, с какой стати Адам и Ева им бы вообще заинтересовались? В раю семь небес, и в каждом еще по семь небес; с полной уверенностью можно сказать, что не только сами Адам и Ева, но и внуки их никогда не наткнулись бы на это дерево, хотя жили бы в раю в свое полное удовольствие!

— Так кто же виноват?

— О виновности речи нет. Но причину и повод для изгнания создал Господь.

— То есть как?

— А вот подумайте, господин! Господь Сам сотворил эту парочку и хорошо знал их души, а именно, то, что они жадные. Так зачем Он их ткнул носом в это дерево?

— И зачем же?

— Вот прекрасный вопрос! Замечательный. Всё ясно как день: Господь искал благовидный предлог, чтобы отправить их в ссылку. Чтобы иметь возможность сказать: видите, это ваша вина! Я ведь запрещал есть плоды с этого дерева! Улавливаете? Ведь Адам после этого дерева пошел бы покушать с древа бессмертия, и вообще камня на камне там не осталось бы. Где была бы разница между Богом и человеком? А? Уважаемый начальник? И на второй вопрос вы не смогли ответить. Прошу это запомнить.

«Тебе мало собственных трудностей, теперь еще взялся за древние тяжбы с Адамом и Евой? А между тем в чем твои военные обязанности?»

«...Так почему они не стреляют? Люди, дома и даже асфальт улиц сегодня — в отличие от предыдущих ночей — просто жаждут выстрела со стороны врага. Так стреляйте же! Ну, стреляйте!»

— Господин, вы меня не слышите?

— Нет, а что я должен слышать?

— Я хочу пойти вам навстречу. Если ответите верно на третий вопрос, то, может быть — заметьте: может быть! — для вас всех откроется путь к спасению.

«Опять издеваешься? Одурачить решил? Что за новая интрига, старик?»

— Так я задаю вопрос?

Пути спасения я не видел. У меня не было даже возможности воевать с ним его же логикой.

— Спрашивайте!

— Итак... Я уже имел честь объяснить вам, что не вижу смысла... Зачем вообще вы участвуете

в этом неравном бою, в котором вам гарантирована смерть? Даже я, пусть не очень знаю военную обстановку, абсолютно уверен, что вы проигрываете; вы изначально проиграли. В точности как праотец Адам и все люди, что были после него и что будут после нас! И почему я еще должен участвовать в этой глупости? Ведь я в вас совершенно не верю...

Каждая клеточка моего мозга, казалось, корчится от боли. Людей убивают, а он тычет мне в лицо проблемами многотысячелетней давности, из дней сотворения мира... Но что делать, раз без него я не могу воевать?

«Священники обещают построить мемориал в Исфахане — хорошо; но если бы они мне хоть на полчаса вернули нормальное зрение...»

«Асадолла! Вот выход!»

И у меня в голове начал складываться новый план действий.

— Мои двадцать секунд истекли?

— Практически да, господин! Время вышло, и вы, боюсь, проиграли...

— Но сделайте мне уступку!

— А по какой причине?

— Ну хотя бы... по причине моей болезни!

— Согласен. Просрочки не было, но давайте ответ.

— Вы готовы его услышать?

— Я его жду. И помните, что это — последний ваш шанс.

— Вы правы. Однако я не могу ответить громко.

— Почему?

— Потому что может услышать Всевышний.

— Что?

— Ответ мой связан с военной тайной. И, чтобы не услышал Господь, я скажу вам на ухо.

Удивленный, он наклонился ко мне.

— Муса, Муса, я Эхсан, прием!

— Эхсан-джан, слушаю тебя!

— Ты как будто забыл давать нам корректировку!

— Сейчас дам!

И я бросил трубку. Пусть она намокнет и испортится, это было уже неважно. А мне нужны были обе мои ладони: я ими прикрыл с боков свой рот, заставив инженера еще ближе пригнуться ко мне. И прошептал ему на ухо:

— Господин инженер! Я вас обманул, говоря о цели нашей операции. Она другая.

— Обманули?

— Говорите тише! Господь не должен слышать.

— Так чего вы добиваетесь?

— Вы сказали верно. Те двое в новом окопе сегодня обязательно будут убиты. Операция наша по виду провалится, однако... Цель операции — в ином мире!

— В ином мире?

Опять рация окликнула меня:

— Муса, Муса, я Эхсан, прием!

— Секунду побудь на связи!

Я понимал состояние ребят, но я все-таки должен был «дожать» инженера. И я опять притянул к себе его голову.

— Цель операции в том... — я помедлил, чтобы придать больше достоверности моим словам...

— В чем?

— В том, чтобы Асадолла и Мухаммад стали шахидами. Они погибнут сегодня и попадут на тот свет, и вот там они, согласно плану операции, взорвут мост Сират и так отомстят Господу!

Инженер отпрянул и глядел на меня выпученными глазами.

— Это вранье!

Что ж, значит, он был достаточно умен, чтобы не поверить тому трепу, в котором мы упражнялись с Асадоллой. Он продолжал:

— Если вы не врете, чем они будут взрывать?

Я вспомнил о кладбищах и неразорвавшихся снарядах.

— Уважаемый, если вы хоть раз в последнее время бывали на кладбище, вы должны знать, сколько снарядов там упало и не разорвалось. Мост Сират как раз довольно узкий и хрупкий по конструкции: он как лезвие, чтобы по нему было труднее пройти. И, по нашим расчетам, одного 120-миллиметрового снаряда, неразорвавшегося, хватит, чтобы превратить в ничто этот мост! Так вот, вам довольно этой нашей идеи, чтобы нас поддержать?

— Но почему вы раньше не сказали? Почему об этом обо всём молчали?

— Потому, что это военная тайна, дорогой мой! Но по вашим словам я вижу, что вы уже — один из нас. Подумайте: когда будет взорван этот мост...

Он встал и начал расхаживать взад-вперед.

«Осрамился ты, парень! Никогда он не поверит такой лаже! Он взбрыкнет и уйдет вниз, и будешь расхлебывать один. Можешь считать: всё потеряно, он потерян для тебя...»

А он вдруг торжествующе вскрикнул и сел. И так ударил меня по плечу, что я чуть не застонал.

— Да, дорогой мой! Именно так: Господь всё предусмотрел, кроме вот этой одной вещи! Если мост будет взорван, весь замысел Страшного суда рухнет. Удивительная мысль! Это шедевр, а не операция! Она мне нравится. Великолепная месть — за всё то, что до сих пор было нашим уделом.

«Знал бы Асадолла...»

— Итак, что будем делать, инженер?

— Я с вами до конца. Пойду до конца! Но... Постойте-ка! А вдруг вас обманывают, тогда что? Зачем вообще сообщать вашим ребятам о выстреле?

Я вновь зашептал ему на ухо:

— Разумный вы человек! Чтобы следы замести! Человеческий мозг так устроен, что люди очень боятся смерти; этот страх — самое мощное оружие. Но вот два парня решились умереть и нащупали слабое место Машины Страшного суда. Стать шахидами и попасть в иной мир; и всё: дело сделано!

Я уже нес совсем невообразимую чушь. Но заставлял себя улыбаться, любой ценой держать на лице гримасу торжествующей улыбки. И инженер смотрел на меня обрадованными, загоревшимися глазами.

— Великолепно... Великолепно! Я пойду с вами до конца.

— Тогда занимайте позицию и ни слова не говорите до самого конца. Правильно?

— Слушаюсь, генерал! Слушаюсь!

Он сел на свое место. Я вспомнил о майоре и его звездах; и о том, что сказал Гасем: «Это не звезды младшего офицера, парень, это знаешь, что? Это звезды майора!»

И я опять до рези в слезящихся глазах всматривался в черную ленту пальмовой рощи...

«Не глаза — голову используй; шевели мозгами!»

Как хотелось бы мне заменить батарейки моих глаз, как это делается в рации! Отпала бы нужда прогибаться перед инженером! Увы...

«Войсковые окопы! Неужели там не нашлось ни одного энергичного человека, который вышел бы на связь со своим начальством и потребовал артиллерийского прикрытия? Неужто... Неужто наши выстрелы перебили им телефонный провод и они просто не могут связаться с начальством? Не приведи Аллах!»

— Эхсан-джан! Еще одну мину в то же место!

— Понято!

И я опустил трубку. Следовало караулить только одно: вражеский выстрел. Чтобы успеть оповестить ребят, и они бы укрылись в том боковом блиндажке. Какой бы ни был блиндаж, он не выдержит прямого попадания снаряда со взрывателем замедленного действия.

На взрывателях вражеских снарядов есть насечки, соответственно: «мгновенное» и «с замедлением». Если повернуть резьбу так, чтобы риска стала против насечки «с замедлением», то снаряд взрывается не сразу после попадания в цель, а с промедлением на доли секунды. Этого, однако, хватает,

чтобы снаряд пробил крышу блиндажа и взорвался уже внутри него. И вот этого самого мига будут ждать Асадолла и Мухаммад... Думать об этом я не мог.

— Муса-джан! Букет готов!

— Во имя Махди!

И инженер вытянул шею, чтобы получше разглядеть между домами вспышку нашего выстрела.

— Господин инженер! На это вы не отвлекайтесь! Пальмовые рощи! Вражеский берег!

Он, как послушный ребенок, тут же подчинился мне. А я коснулся рукой лба: он был весь мокрый.

«Почему я не чувствовал, что потею?»

Вдали вновь усилилось пламя на бензохранилище. Даже такой сильный дождь не смог полностью загасить тот пожар.

«Отец Джавада! Почему он всё еще не вернулся?»

ГЛАВА 25

— ...Эй, дурачок! А куда ты чай заныкал, а ну, говори!

Это была Гити. Она стояла в дверном проеме лестничной площадки. Я различал лишь ее смутный силуэт; и в руке ее, похоже, был чайник. Что ей не сидится на месте-то?

Инженер вскочил, как ужаленный, и быстро подошел ко мне. В небе летела наша мина, но страх перед Гити заставил его забыть о войне.

— Почему вы покинули пост? — спросил я его, а он сел со мной рядом на корточки и забормотал негромко, чтобы она не слышала:

— Видали ведьму, господин? Дурачком меня назвала! Ей-богу, зачем вы ее сюда привели?

Гити огляделась вокруг и осторожно сделала несколько шагов. Потом встала, подбоченясь, и крикнула:

— Ты думаешь, я не слышала? Ведьма — это твоя жёнка беглая! Ну и где она сейчас обретается? Может, на старости лет в паломничество двинула, грехи отмаливать?

Инженер был сильно напуган. Я присмотрелся к тому, что было в руках у Гити. Слава Аллаху, свою железяку она не взяла. То есть непосредственной угрозы не было. Донесся грохот взрыва нашей мины с того берега реки.

— Скажите ей, где чай, она уйдет!

Инженер встал и повернулся лицом к Гити.

— Какое право вы имели оскорбить мою жену? Это приличная женщина, и за то, как вы о ней отозвались, я не скажу вам, где чай!

— Ах, как гостей тут принимают, да еще и насильно пригнали! Но я вам клянусь Аллахом, если к утру моя девочка заболит, то я возьму тебя за шкуру и прямо вот с этой высоты скину к чертям на асфальт! Быстро говори, где чай, пока у нас костер не потух!

Я должен был вмешаться и поспешно сдернул с себя одеяло:

— Инженер! Не дразни ее, скажи — где?

— Нет, господин! Это исключено. Она сначала должна извиниться. Иначе пейте чай без заварки!

И он отошел к бортику и уселся там, повернувшись к нам спиной. И поднес к глазам бинокль.

— Если я его ударю вот этим чайником — голову расколется пополам? — спросила меня Гити. — Дурак ты старый! Обезьяна ты! Ты кто такой, шакал, чтобы я перед тобой извинялась?

Инженер, по-прежнему повернувшись к Гити спиной, разглядывал в бинокль наш новый окоп.

— Уходи, женщина! — бросил он ей, не оглядываясь. — Иначе я такое скажу, что ты до утра орать будешь. Уйди отсюда!

— Здра-асьте! Раскрыл свой рот! Ну давай, скажи, что там хочешь сказать. Мне уже страшно!

Инженер положил бинокль на бортик и повернулся к ней.

— Что ж, сама напросилась. Скажи, где твой любимый сыночек? Отправлен в Европу на учебу? Дорогой мамочке пишет письма? А? Отвечай! Онемела?

Я посмотрел на Гити и увидел, что слова инженера и впрямь чувствительно ранили ее. Она молча кусала губы. Где же, на самом-то деле, был ее сын?

И тут чайник, кувыркаясь, пролетел над самой головой инженера и продолжил полет над бортиком вниз на асфальт улицы. А Гити вдруг разрыдалась — ее вскрики больно били по ушам.

— Сукин ты сын! Старый дурак! Такой говнюк осмелился... сына моего порочить? От таких тварей, как ты... от таких... вся эта канитель и идет!

И, подняв голову к небу, она начала причитать:

— О Аллах! Убей меня лучше, забери из этой адской жизни! Зачем так мучаешь меня? Доколе страдать мне, не зная покоя?

Рыдания ее усилились, и она обеими руками закрыла лицо. Ее била нервная дрожь, и она кинулась назад к лестнице. К счастью! Может, уйдет сейчас? Но нет, она остановилась на площадке, лбом уперлась в стенку.

— ...Где мне укрыться от вас, мужчин-трусов? Скажи, Аллах Всевышний, куда бежать мне от них? Говорила: Господь, уйду туда, где нет этой грязи по имени мужчины! Ты Сам знаешь, Всевышний... Не будь этой девочки, я давно бы уже упокоилась! Сколько мне слышать еще эти гадости?

Инженер, уставившись в пол, молчал. А я не мог решить, кто виноват в этой ситуации: Гити, которая сама начала свару, или инженер; а может, и я, который всех тут собрал в эту ночь.

И вдруг слышалось то, чего мы так напряженно ждали. Гром выстрела и звук полета вражеского снаряда. Я схватил трубку: нужно было оповестить Асадоллу и Мухаммада — однако ведь было уже поздно!

И инженер тоже непроизвольно впился глазами в наш новый окоп. Вот-вот снаряд накроет наш миномет... Мне хотелось зажмуриться, чтобы не видеть этого момента. В самый критический миг нелепая ссора отвлекла меня! И неужели снаряд поразит окоп и разорвет ребят на клочки?..

Я смотрел вдоль кирпичей, по линии, которая проходила между домами и заканчивалась в новом окопе. И вот прямо в точке окопа бесшумно развернулась полоска взрыва и полетели красного цвета осколки.

И слышались громкие всхлипы женщины. Инженер смотрел на меня ошеломленно. Наши предположения, к сожалению или к счастью, оказались верны: Машина Страшного суда существовала. Первый же выстрел врага накрыл цель совершенно точно. Если это произошло с задержкой и лишь после трех наших выстрелов, то виной был только сильный дождь.

С этого момента вопрос наличия или отсутствия Машины снимался с повестки дня, и важнейшей становилась другая проблема. Можем ли мы сбить с толку эту машину? И, еще важнее, в каком состоянии сейчас ребята?

По нашему плану, через несколько секунд после выстрела, с полным спокойствием, Мухаммад должен выйти на связь. В противном случае, если бы

миномет оказался уничтоженным, на радиосвязь должен выйти Гасем, находящийся на пристани.

— Господин, что мне делать?

Всё мое раздражение из-за собственной беспечности я вывалил на голову инженеру.

— Молчать и ничего другого! Я обоим вам говорю! Хватит, молчать!

Если бы не было этого дурацкого спора, я обязательно засек бы вражеский выстрел! И если попадание было точным и снаряд взорвался прямо, как говорится, у ребят под ногами, тогда меня вскоре спросят: почему ты, находясь на наблюдательном пункте, прошляпил выстрел? Ты знал, что должен сразу, увидев вспышку, предупредить Асадоллу и Мухаммада! И даже если меня в этом прямо не обвинят, меня заест собственная совесть!

«О Всевышний Аллах! Всё в мире в Твоих могучих руках. Так не позволь же потерять жизнь Асадолле и Мухаммаду по вине этого Твоего глупого раба!»

Единственное, что я теперь мог сделать, — это ждать. Ждать! Если бы я не был болен, то вскочил бы сейчас и по привычке расхаживал бы взад-вперед по этой крыше...

Всхлипывания Гити перешли в стонущий плач. Нужно было, наконец...

— Почему вы не спускаетесь вниз?

— Не уйду. Это всё твоя вина. Если бы нас сюда не притащил, этот негодяй не распустил бы язык. Да сожжет тебя Аллах, мужчина! Да спалит Он твои кишки! Если есть Бог, пусть Он сожжет тебя, который меня так измучил!

Что ж, ответить ей мне было нечем... Я прижал к уху трубку. Впервые в жизни мне было бы неприятно услышать голос Гасема. Услышать Гасема означало бы, что ребята погибли.

— Мамаша! Еще раз прошу вас: идите вниз! Дочка ваша одна осталась!

— Нет! Мать Джавада с ней!

— А разве мать Джавада не спит?

— Творение Божье, знай, что она и не ложилась. Молится непрерывно, мужа ждет, не смыкая глаз.

«Так почему же инженер сказал, что она спит? Не пойму я этого новоиспеченного наблюдателя...»

— Так тем лучше, мамаша! Идите вниз и попросите ее помолиться за нас. И правда, мамаша, идите себе! Я с инженером тут сам за вас рассчитаюсь.

Гити отняла от лица руки и какими-то ничего не понимающими глазами смотрела на меня и на старика.

— Идите, правда! Идет ведь бой, я не могу вашим арбитром быть!

И Гити пошла, придерживаясь за стенку.

— Мамаша!

Она обернулась.

— Когда спуститесь вниз, помолитесь и вы за нас! Вот всё, что я хотел сказать!

В темноте ее лицо казалось темным бесформенным пятном. Она отвернулась и пошла вниз по ступенькам. В последний миг, когда я еще видел ее голову, она, кажется, помедлила... Оглянулась на нас...

«Если бы знала ты, как нам нужны этой ночью твои молитвы!»

Рация молчала. Инженер вздохнул с облегчением:

— Видели, как она меня обработала?

Жестом я велел ему не разговаривать. Только молиться! Только молиться нам теперь оставалось!

Инженер пожал плечами и вдруг вспомнил о своем:

— Вернемся к вопросам! Если вы сказали правду, тогда почему вам нужно, чтобы именно иракцы убили ваших?

«Вот так ситуация! Опять он за свое принялся! Да освободи же меня от хватки твоей!»

— Ну, господин инженер... Слава Аллаху, вы образованный человек, а следовательно, должны знать, что только шахиды удостоиваются исполнения своих молитв, им дается сила достичь всего, чего они добиваются.

И опять глаза его сверкнули.

— Это так, господин! Вы правильно говорите!

«Быть может, ребята сейчас лежат в луже крови, и вот-вот товарищи подойдут и увидят их мертвые тела. Если снаряд разорвался в самом окопе, значит, бесчисленное количество осколков поразило их обоих. А всего-то одного осколка достаточно, чтобы убить человека. И красная яркая кровь залила сейчас дно окопа...»

...Вот оно! Я выдохнул воздух, который долго удерживал в груди. Ошибки нет! Я слышал голос Мухаммада! Теперь мне следовало взять себя в руки, чтобы мой голос не выдал моего ликования...

— Эхсан! Муса слушает!

— Асадолла передает для тебя сообщение.

И опять мое сердце прыгнуло от радости.

«Какое сообщение может быть мне от Асадоллы?»

— Асадолла сказал: опять же браво Парвизу-красавцу! Он, по крайней мере, хоть и с опозданием, но нам еду доставлял. А уважаемый нас сегодня законсервировал!

— Ответь ему: он только консервы и заслужил!

Я прекрасно понял подтекст этого сообщения. Отчасти это была шпилька за то, что я не доставил сегодня вечером еду, а отчасти — за то, что не сообщил им о выстреле противника. И если бы земля не была насквозь мокрой от дождя, то наверняка снаряд этот обрушил бы в окоп тучи пыли, и каким же потешным было бы в этой пыли лицо Асадоллы — и вся его голова, и борода...

— Муса-джан! Мы готовы.

Они всё делали точно по плану операции!

— Вас понял, — ответил я. — Аллах акбар!

— Аллах акбар!

...Итак, нужно было еще немного «помочь» врагу — как его командирам, так и персоналу Машины. Машина установила точные координаты нашего миномета, передала их артиллеристам, и те послали ребятам снаряд. Я закрыл глаза. Требовалось представить себе ситуацию с иракской точки зрения...

— Господин инженер! Вы нашим огнем не занимайтесь! Смотрите только на ту сторону, за их выстрелом!

— Согласен; но я не понимаю всё же, что происходит?

— Вы продолжайте наблюдать! А я вам объясню. Они засекли наш миномет и послали туда снаряд. Причем считали, что огневую точку нашу подавили и что с тех координат, которые дала им Машина, выстрела больше не будет.

Когда донесся звук нашего выстрела, инженер опять повернулся к нашему окопу.

— Туда не смотрите! После этого нашего выстрела противник начнет теревить свое командование: мол, мы всё еще под обстрелом. Командование к радару: в чем дело? Опять стреляют по нам! Тогда и они вторично по нам выстрелят.

— Господин, вы просто сумасшедшие! Вы сами стараетесь, чтобы иракцы обнаружили вас и накрыли?

— Так я же и говорил вам: есть список идущих на тот свет, вы присоединяетесь? Вы ответили: «да!»

— Понял вас, понял, господин! Весь ваш план хорошо понял. Ухо подставьте, пожалуйста!

Хочешь не хочешь, мне пришлось приблизить ухо к его губам. Опять меня начал бить озноб. Инженер приставил руку к моему уху и зашептал:

— То, что вы о шахидах сказали, это правильно. Эти двое идут на тот свет. И, поскольку они шахиды, ангелы обязаны внести их в списки райских жителей. После этого они взорвут мост Сират, и ангелам после смерти человека делать уже будет нечего, списки их всякие — на что тогда будут? Эти два — последние прошедшие через мост, и на том Господня Машина Страшного суда застопорится! Это настоящий переворот! Всё станет возможно!

Может, они адские топки потушат и с помощью тех неглупых людей, которых много в аду, сконструируют пушку какую-нибудь... И когда в раю все, как обычно, перепьются до положения риз, вдруг: огонь! огонь! — как сейчас... Штурмом возьмем рай! А что? Почему нет? Вот это будет отмщение! Вся бухгалтерия Последнего суда летит вверх тор-машками! Вот это великолепно! Просто здорово!

И он сунул обе руки под одеяло, чтобы пожать мои руки. От его холодных рук у меня новая волна дрожи пошла по телу.

— Но, господин! Одну вещь в вашем плане вы не просчитали. Надо один пункт лучше продумать.

— Какой же пункт, господин инженер?

— А вот какой! Сейчас объясню! Очень может быть, что шайтан пронюхал об операции еще до ее начала и пришел к Всевышнему, мол: да буду я Твоей жертвой! Я, мол, с самых первых дней закли-нал Тебя не верить этому двуногому Адаму! Я был единственным, кто Тебе хранил верность всегда, а ему не доверял. Ангелы эти разленившиеся помо-гают Адаму вовсю — и не потому, что приказы Твои желают исполнять, а потому, что не хотят поте-рять дармовой рай и свои собственные привиле-гии. И смотри, Всевышний, что делается! Эти два шахида узнали «Величайшее Имя»! Как им Адам сообщил его, этого я не знаю. Хотя Джибрил ведь сказал: договор был, чтобы только Адам знал, и точ-ка. Даже жене своей Еве, а также этой вот, Лилит, не говорить! Короче говоря, раз они теперь шахиды, то они не достижимы для моих чар и хитростей. А поскольку они уже получили бессмертие, а потом

начали эту авантюру, то и от Твоего праведного воздаяния они застрахованы. Так давай, о Господь, пока не поздно, вновь с Тобой станем сотрудничать — пока они не взяли еще власть над этим миром и следующим — разгромим их наголову!

«Что за чушь ты несешь, человек?»

Кажется, он вновь перехватил у меня инициативу.

«Нет! Еще час-другой я должен это потерпеть!»

— В принципе... Я не против! — через силу выдавил я из себя. — Хорошо, что вы лучше нас продумали этот пункт.

— А мне понравился ваш план. Очень понравился. Великолепная операция! Вы знаете, что произошло после того, как шайтан взбунтовался против наших предков? Ангелы что ему сказали, знаете? Ангелы — конъюнктурщики, спекулянты, лицемеры... А шайтан по-своему наивен; и вот они пришли к нему и говорят: дорогой ты наш! Ты с ума, что ли, спятил — разве можно так? Один раз поклонись, а потом всю жизнь можешь расслабляться и отдыхать, в зубах ковырять... Кстати, если ваш план сработает, как мы поступим с Аллахом?

Он обхватил руками затылок...

— ...Мы строго поговорим с Ним, сначала, конечно, подержав Его в тюрьме... Скажем Ему: уходи Ты отсюда! Эпоха, когда Ты делал, что хотел, закончилась. Непонятны вообще Твои цели: замысел Творения, его результаты; в общем, мы Тебе предлагаем: уходи и сотвори Себе где-нибудь другой мир, тем более, и Сам Ты, наверное, устал от этого мира... Мы будем говорить с Ним демократично,

логично, ведь это действительно так: наверняка, надоело Ему, может, Он Сам только и ждал повода уйти, и этот взрыв моста Сират как нельзя кстати, в общем, скажем: всё кончено, в наших руках и ад, и рай! А Тебе: пожалуйста, на выход.

И инженер озабоченно на меня посмотрел.

— Он, конечно, может не согласиться, и что тогда? В какую тюрьму мы Его посадим? Нет, обязательно нужно выпроводить, смотреть только, чтобы ангелы вкуче с шайтаном не кинулись бы Его вырывать, не всадили бы нам в спину нож!

...Вспышка нашего взрыва на миг разорвала черноту пальмовой рощи, потом опять всё стало сплошной тьмой. Надо заткнуть ему рот. Он ведь в сто раз хуже Парвиза!

— Хватит, уважаемый! После переворота мы рассчитаемся с ангелами. А сейчас вы только наблюдайте за вражеским огнем!

— Эхсан, Эхсан, я Муса, прием!

— Муса, слушаю тебя!

— Молодцы, хорошо работаете. Доверни чуть влево и еще один апельсин туда же отправь.

— Понял тебя.

«Эй вы, бедняги в окопах! Срочно свяжитесь с вашим начальством. На повышенных тонах потребуйте огоньку! Начальники! Нажмите на малоопытных операторов радара! Пусть они вновь прильнут к экранам мониторов, где увидят вновь те же самые координаты нашего миномета. И пусть вновь тот же прицел передадут своим артиллеристам!»

— Шайтан-то на самом деле был мужчиной!
Мужчиной!

— Вон оно!!

Это мы вскрикнули с ним в один голос. Пламя выстрела тяжелого орудия вспыхнуло в левой стороне, позади рощи. Точно засекаешь его времени не было, я схватил трубку. Ошибку при первом выстреле я больше не повторю!

— Страшный суд идет! Оплачем Повелителя!

Именно так и было условлено: бейт из траурного плача. И сейчас Асадолла и Мухаммад должны были поплотнее укрепить каски на голове и с большей истовостью повторять молитвенный зикр. В эти мгновения, когда снаряд приближался к ним, никто, кроме Всевышнего, не мог им помочь.

— Инженер! Молись!

— Я молитв не знаю.

— Не болтай зря! Молись!

И я нашел глазами наши кирпичи. Темнота позади них, между домами, ничем не отличалась от тьмы на той стороне реки. Снаряд приближался. Я открыл глаза пошире... Вспышка взрыва в точности вровень с линией кирпичей сверкнула в мои зрачки. У меня было странное чувство: будто я очень близко к этому всполоху. Почему? Почему мне хотелось быть там, с ребятами?

Рация ожила...

— Муса, Муса, я Эхсан!

— Муса слушает!

— Муса-джан! Мы готовы!

После взрыва и нескольких секунд не прошло. Каким образом они успели перебраться из своего тесного блиндажа в минометный окоп? Наверное, прямо из блиндажа и говорят со мной...

— Если готовы: Аллах акбар!

— Аллах акбар!

На наш выстрел смотреть не нужно было...

— Господин, взбесила она меня. Иначе я бы о сыне ее не сказал.

— Вы смотрите туда, наблюдайте!

— Знаю, господин! Но мне это покоя не дает. Из-за бешенства ее это выскочило. Она не может язык за зубами держать! Ну и там произошел случай... Кто-то — по злобе или как — пришел и рассказал о ней всё ее сыну.

— А сын, значит, не знал? Пока ему не сказали, не знал?

— Ничего не знал! Уважаемая уже давно жила портняжным ремеслом, сын учился, и вот однажды какой-то мужчина — уж не знаю, что там у них вышло — подошел к ее сыну и всю ее подноготную ему выложил от и до.

...И опять разлетаются осколки в окопе врага, и опять телефонный звонок: «Почему вы не подавите этот миномет?»

— И через несколько дней сын ее ушел и уже не вернулся.

— Вы туда смотрите! То есть, узнав о матери, ушел совсем? И где он сейчас?

— Насколько я знаю, стал наркоманом. Несчастный парень! Ему тогда было четырнадцать лет всего.

Опять мне слова инженера казались подозрительными...

— А вы откуда знаете, что сказал ее сыну какой-то мужчина?

— Знаю, видишь ли! Шила в мешке не утаишь...

Я, не отвлекаясь, обводил взглядом черную полосу пальмовой рощи, то место, где сверкнул предыдущий их пушечный выстрел.

«А если бы я был на месте того мальчишки? Если бы мне кто-то сообщил такой ужасный секрет?..»

— Ради всего святого, инженер, закройте эту тему! Душу не терзайте — давайте работать будем.

— В общем, она сама виновата, — заключил инженер.

— Хватит, говорю вам!

— Вон он! Выстрел!

И вновь я прозевал вспышку выстрела. Но мгновенно большими пальцами обеих рук нажал на рычаг трубки.

— Говорят, когда мама меня родила...

Что я несу? Прочел вдруг строчку из школьных стихов о матери. Я тут же поправил себя:

— Куфийцы, решается ваша судьба! Хусейна убили! О горе! Беда!

И я опустил трубку. По ушам ударил грохот выстрела, потом донесся звук летящего снаряда. Наверняка Асадолла и Мухаммад заметили мою оплошность.

И вновь я смотрю вдоль двух кирпичей на бортике крыши. И вновь точно на месте окопа загорается всполох нового взрыва. Значит, Машина Страшного суда дала их артиллеристам прежний прицел.

И опять мною владеет та же тоска и отчаяние... Разница нескольких метров, но в этой разнице — смерть!

— Муса, Муса, я Эхсан, прием!

Опять голос Мухаммада! Я должен был придать своему тону безразличие. Нажал на рычаг.

— Эхсан-джан! Было сделано хорошо. Еще один туда же!

— Асадолла над тобой смеется. Говорит, следи получше за котлами и поварешками, вверенными тебе другом!

— А ты ему ответь: один раз не поужинал, а шуму-то поднимает!

— Он сам тебя слышал.

— Тогда вместо разговоров шлите еще один апельсин!

Опустив трубку, я увидел озадаченное лицо инженера.

— Да вы дураки! В такой страшной ситуации шутить друг над другом?

— А мы всегда вышучиваем друг друга, поэтому и нельзя, чтобы иракские слухачи почувствовали сегодня разницу. Это мы всё обговорили заранее.

— Аллах акбар!

— Аллах акбар!

И после этого обмена репликами по рации установилась тишина. Бедняга инженер! Что он видел в жизни, кроме одного часа мировой войны и повышения зарплаты на риал за служебное рвение? И Аллах Один знает, сколько раз он расписывал в красках своим знакомым всё тот же один час той войны...

Гролом донесся звук нашего выстрела... Как долго еще нам придется рисковать, чтобы враг, наконец, усомнился в своей Машине Страшного суда?

— Чем я отличаюсь от этой женщины? А? Чем отличаюсь?

— Не начинайте! Нужно сосредоточиться на нашем деле.

— Нет, господин! Вы ведь всё знаете обо мне. Почему вы уходите в сторону?

— Что именно я знаю? О чем?

— Вы знаете из того письма, которое вытащили у меня из кармана. Помните, возле башни с часами. Не надо этого отрицать!

...И вот опять у иракцев взрыв!

«Звоните! Кричите в трубку! Требуйте объяснить, почему ошибается Машина! Может, операторы радара не умеют им управлять? — “Чего мы орем? А как же нам не орать, если иранский миномет опять накрыл наш окоп?”»

И вновь всё мое тело сотряс озноб. Странно, что я вот только что несколько минут не вспоминал о своей болезни. Может быть, возбуждение сказалось, страх и затем освобождение от него...

— Инженер! Следите за вражескими позициями!

— ...Итак, вы знаете всё о взлетах и падениях моей жизни...

— Вы всё еще об этом письме?

Он кивнул, а я улыбнулся:

— Да ведь я по-английски не понимаю!

— Не врете, господин! Не надо! Как же вы поняли, что письмо — от моих детей?

— Очень просто. Наверху было написано “*Dear father*” — настолько-то я язык знаю!

— То есть письмо вы не прочли?

— Нет, дорогой мой. Я бы не смог его прочесть. Но оставьте вы меня в покое! Ради всего для вас святого — смотрите за той стороной!

Он казался довольным, счастливым. Кивнул, соглашаясь со мной, и прижал окуляры бинокля к глазам.

«Почему иракцы так много времени зря теряют?»

— Эхсан, Эхсан, я Муса, прием!

— Эхсан слушает!

— Эхсан-джан! Прицел правее 50, меньше 10. На этот раз два апельсина пошли им!

— Понял тебя! Но не забудь и о нашем дереве!

Я знал, что для уменьшения риска взрыва у ребят заготовлено было лишь небольшое количество мин, однако нам нужно было как можно большее сделать врагу, чтобы он злее требовал у своего начальства огневого прикрытия.

В правой стороне вражеских позиций я увидел свет выстрела тяжелого орудия. Инженер, между тем, смотрел влево. Итак, они решили бить из другого орудия?

— Кто грузом веры себя нагружает, тот в райский сад себе путь открывает!

И я отпустил рычаг трубки. Сейчас Асадолла и Мухаммад устремились по коротенькому крытому переходу в свой тесный блиндажик. Но стреляет ли новое орудие по миномету? Это выяснится через несколько секунд.

«Только именем Аллаха укрепляем сердца! Только именем Аллаха укрепляем сердца...»

— Инженер! Молитесь, чтобы новый снаряд летел в наш новый окоп!

— Господин, вам совсем плохо. Отдохнуть нужно! То вы говорили молиться за ваших друзей, теперь говорите, наоборот, чтобы снаряд по ним ударил! Вы бредите, господин?

Я фиксировал свой взгляд на двух кирпичях. Их вид у меня в глазах колебался и искажался: то они казались объемными, то плоскими. Одежда давно соскользнула, и я вообще ничего не чувствовал...

«О Аллах! Помоги, чтобы этот снаряд ударил рядом с окопом!»

Звука полета самого снаряда в воздухе я не слышал.

«Скорее разорвись! Скорее, черт тебя...»

И вот рядом с окопом вспыхнуло пламя более яркое и более объемное, чем прежде, и осветило всё вокруг. Это было похоже на зажигательную бомбу: пламя встало в виде колонны, раскрываясь вверху шляпкой гриба. Теперь следовало ждать выхода Мухаммада на связь, чтобы убедиться, что они целы.

— Муса, Муса, я Эхсан, прием! Два апельсина мы очистили!

— Огонь!

— Огонь!

И я потряс над головой сжатым кулаком и, не помня себя от счастья, крикнул в небеса:

— О Всевышний, спасибо Тебе!

— Что с вами, господин? Совсем плохо вам, гляжу. Пожалейте вы самого себя!

— Совсем хорошо мне, инженер, наоборот! Со всем хорошо!

— Ну, тогда я ничего не понимаю...

— Они уже сомневаются сами в себе! Из-за этого сомнения они, когда увидели, что Машина выдает прежние координаты, но что их огонь не может подавить миномет, — они пришли к какому выводу?

— К какому?

— А угадайте!

— Господин, я совсем запутался!

— Тогда я сам вам скажу. Они наверняка решили, что их первое орудие может работать неточно. Поэтому наши координаты они передали другому орудью. Они допустить не могут того, что у них всё точно, но наш миномет всё равно продолжает стрелять.

— Вон ваша мина взорвалась!

Я настолько был упоен случившимся, что забыл следить за нашими выстрелами. И очень правильно, что я дал команду о двух минах. Я закрыл глаза. И тут еще один наш взрыв!

«Итак, и после огня нашего нового орудия иранцы продолжают стрелять! Да еще беглым огнем!»

И что в этой ситуации решит вражеский командир?

— А где мое письмо, скажите?

— Какое письмо? А, от детей?

«Действительно, где оно? В кармане моих мокрых брюк, сохнущих на проволоке в комнате! Останется ли что-то от него после такого дождя?»

— Письмо в кармане брюк, на бельевой проволоке. Если хотите — забирайте его.

...Но опасность по-прежнему оставалась грозной. Этот зажигательный снаряд, учитывая силу горения, мог создать большие проблемы. Осколочный

снаряд поражает по прямой линии, но зажигательное вещество нового снаряда разбрызгивается... И даже если взорвался он рядом с окопом, пламя может проникнуть внутрь и взорвать боезапас у ребят под ногами...

Я смотрел на мрачную черноту пальмовых рощ, туда, где вспыхнул огонь выстрела этого их нового орудия. Нужно было ждать нового выстрела.

— Теперь предположите...

Слова инженера перебила вспышка огня из пушечного ствола, разорвавшая тьму. Я должен сообщить!

— Праведных кровь полилась, как вода... Выше мечи! Мы в атаку пойдём, Все за Хусейна-героя умрем!

И начались секунды ожидания, каждая из которых длилась как век. Моя недавняя радость оказалась недолгой. Слишком поспешная радость! Если предыдущий снаряд отклонился от цели на несколько метров, а в этом случае такого отклонения не будет?

— А почему вы читаете траурные стихи?

— У меня есть дружок по имени Джафар. Вот он читает плачи так плачи! Траурный чтец, каких мало. Думаю, если б не война — быть ему профессиональным волынщиком и певцом для траурных пеней! В общем, я тренируюсь заменить его.

— Ага, понятно!

Неужели он поверил, что я в самом деле учусь искусству плакальщика? Я напряженно смотрел вдоль линии кирпичей. И огонь взрыва вспыхнул над землей как минимум на высоте пятнадцати метров.

— Бризантный снаряд!

— А что это такое?

— Иракцы сменили тактику. Используют бризантные снаряды, взрывающиеся над землей. Вы ведь видели, что взрыв был в воздухе?

Инженер почесал щеку.

— И что это влечет за собой?

— Снаряд взорвался над минометным окопом. Этот тип снаряда опаснее предыдущих.

Боковое действие осколков не могло поразить ребят. Теперь началась обработка сверху. Значит, и враг разнообразит усилия!

«Неужто они разгадали наш план? Вряд ли; скорее, принимают к сведению возможную ошибку Машины и таким образом пытаются ее компенсировать?»

— Муса, Муса, я Эхсан, прием!

У меня отлегло от сердца. Нужно было говорить спокойным голосом.

— Эхсан-джан, я слушаю тебя!

— Что же ты не даешь корректировку? Если устал, может, перерыв сделаем? Но нет, Асадолла говорит, у нас десять – двадцать очищенных апельсинов, подадим к столу! Как считаешь?

— Эхсан-джан! Одобряю. Посылай на этот раз три апельсина! Прицел выставляй сам!

— Понял тебя, Муса-джан!

Тут инженер похлопал меня по плечу, накрытому одеялом.

— Господин генерал! А у меня есть более удачная мысль для выполнения вашего плана. Выслушаете меня?

Голос его дрожал от радости. А я ответил чуть раздраженно:

— Что за мысль?

— Докладываю вам, глубокоуважаемый! Вместо долгого ожидания и всех этих трескучих эффектов почему бы вам не выйти на иракскую радиоволну и не дать им точную наводку огня на ваш миномет! С такой же, знаете ли, дотошностью: 20 влево или, там, 20 вправо, как вы своим даете. Чтобы накрыли точно и закончили всё дело? Таким образом ваши друзья быстрее попадут на тот свет! Разве нет?

Я посмотрел на него, вытаращив глаза.

«Что ты несешь, безумец?»

Но молчание было сейчас, пожалуй, наилучшим лекарством. Я должен был продолжать работать.

На всей длине речного фронта нигде не слышалось ни одного ружейного выстрела. Наши — я был в этом уверен — сидят в окопах и, слушая рацию, ждут результатов артиллерийской дуэли. Но что противник? Неужели и они ждут тех же результатов?

До нас долетел грохот трех подряд минометных выстрелов.

«Боевые мои друзья! Вот еще три посылки вы отправили авиапочтой! Сегодня вам достаточно запросить по рации, и тут же вы получаете разрешение на огонь!»

«Это что же вы делаете? (Думает та сторона.) На этот раз тремя снарядами нас угостили?»

«Если есть потери — раненые или убитые — значит, всему делу конец. Такой сложный радар не смог справиться со стареньким минометом! Выходит,

вся эта пропаганда насчет передовой техники выеденного яйца не стоит!»

И на берегу реки один за другим вспыхнули огни трех взрывов.

— Господин, три апельсина взорвались! — сказал инженер.

— Вы, гляжу, радиокодом заговорили?

— А что ж вы дурачите меня? Разве это война?

Эти наши мины явно разрушили надежды иракцев. Иранский миномет продолжал свой беглый огонь!

— ...Э, а посмотрите-ка сюда! Вах-вах-вах! Хадж-ага собственной персоной! Где же ты был, дружище? Мы измучились от беспокойства о тебе!

Так инженер приветствовал запыхавшегося отца Джавада, который, поднявшись по лестнице, сел там, возле площадки, скрестив ноги. Не в силах отдышаться, он только рукой ответил на приветствие инженера.

А я совсем забыл об отце Джавада! Может быть, потому, что был уверен: пока не закончится схватка с нашим минометом, иракцы не будут обстреливать другие точки. Лишь позже может начаться большой артиллерийский бой.

Отец Джавада попытался встать, но не смог. Мне стало его жалко:

— Сидите, не вставайте! Отдохните.

— Нет-нет! — но он всё не мог отдышаться. — Я бензину — уфф, уфф! — принес!

— Бензин принесли? — меня так и передернуло. — Уж не оставили ли вы его внизу, рядом с людьми?

— Ну да, уфф, уфф! Пока там, потом зальем в бак.

— Господин! Они стреляют!

Если бы не было инженера, я бы минимум два-три выстрела пропустил. Поскорее нажал на рычаг трубки. Однако траурные стихи вдруг исчезли из памяти. Рация работала в режиме передачи, а мозг мой как заклинило.

«Хоть какой-нибудь стих! О Аллах! Помоги мне хоть что-нибудь вспомнить! Любой стих, любой!»

Вместо траурного стиха мне вновь припомнилась строка из Корана:

— Не ты бросил, когда бросал, а Аллах бросил!

И я дал отбой. И вздохнул с облегчением. Теперь было время объяснить отцу Джавада опасность бензина для первого этажа. Поставить канистру возле людей, спокойно спящих и не ведающих об угрозе! А если иракцы начнут обстрел? Достаточно осколочка в эту канистру...

— Хаджи! Срочно идите вниз и отнесите бензин в соседний дом, поставьте в ванную или туалет!

— Сейчас, отдышусь только!

— Нет, идите срочно!

И я впился взглядом в наш окоп. Будь я на месте противника, я обязательно вновь послал бы бризантный снаряд. И вдруг огненный гриб взрыва, осветив небо, поднялся не в той же точке, а заметно правее ее.

— Дайте бинокль!

Инженер быстро протянул мне бинокль, а я старался зафиксировать в уме точку взрыва. Прикинув к окулярам, начал считать по измерительной

сетке, вычисляя расстояние от взрыва до минометного окопа. Опустил бинокль.

— Вы понимаете, что произошло, инженер?

— Нет, ничего я не понял.

— Противник скорректировал прицел на сто метров. Иными словами, они допускают возможность своей по меньшей мере стометровой ошибки.

И рация запела мне песню как сладкоголосый соловей.

— Муса, Муса, я Эхсан, прием!

Отвечать следовало равнодушным тоном.

— Мы еще туда же отправим, хорошо?

— Да! На этот раз два апельсина!

— Понял тебя.

Отец Джавада ушел.

«Не дай Бог, обиделся на меня! Но мать Джавада-то была точно счастлива его возвращению».

— Муса-джан! У нас готово.

— Аллах акбар! Огонь!

— Аллах акбар!

Словно прожектор дважды вспыхнул и сразу погас: так выстрелы осветили всё вокруг окопа. И вновь я весь напрягся, наполнившись ожиданием, от которого захватывало дух.

«Эти две новые мины собьют их с толку. О Аллах! Я прочел Твой аят... Но Сам Ты, Всевышний, покарай тех, из-за кого сегодня мертвая мать семейства лежит в холодильнике, а ее дети этой ненастной ночью заснули сиротами! Не дай этой Машине одержать над нами верх! Мы сделали максимум того, что было в наших силах. О Аллах! Ты знаешь лучше всех, что все эти ребята могли бы

просто удрать из города, как сделали многие, утверждающие, что они — Твои верные рабы. Но они лишь сидят где-то в безопасном местечке и молятся. Так благослови же наши усилия!»

— Что вы там шепчете?

— Да так; ничего.

— Или вас озноб бьет от холода?

— Ну да: это озноб.

И я натянул одеяло на голову. Не было нужды открывать инженеру то, о чем я столь жарко умолял Всевышнего.

И вдруг глаза мои расширились от изумления! На позициях той вражеской батареи, которая стреляла последней, вспыхнуло сразу пять огней выстрелов! И вообще-то лишь большой опыт наблюдателя позволил мне определить число выстреливших стволов в этом плотном залпе — да еще я ведь был в лихорадке, больной...

Я нажал на рычаг трубки:

— «И хитрили они, и хитрил Аллах, а Аллах — лучший из хитрецов»¹!

Мой запас траурных стихов явно кончился, и я вновь прочел из Корана. На этот раз все пять вражеских стволов выстрелили еще до того, как долетели до цели наши мины.

— Господин, смотрите! Там что-то загорелось!

В месте взрыва предыдущей нашей мины что-то воспламенилось. Пальмовые листья? Но после такого дождя вся трава и листва были мокрыми. А языки пламени вдруг превратились во взрыв.

¹ Коран, 3:47 (54).

— Машина! В машину попали!

Я обернулся на наш окоп. Внимание мое вновь было отвлечено. Неяркие огни двух взрывов утонули в клубах пыли и дыма от предыдущих взрывов. Наш окоп окутали такие густые клубы, что не определить было, на каком расстоянии от него взрывались новые снаряды.

— Инженер! Инженер! Вы видели первый взрыв?

— Нет!

— Так чем же вы занимаетесь? Только меня отвлекаете?

Какое-то тусклое пламя пробилось сквозь дым, затягивавший наш окоп. А враг больше ведь не стрелял...

— Эхсан, Эхсан, я Реза, прием! Эхсан, Эхсан, я Реза, прием! Эхсан, Эхсан, я Реза, прием!

Я не выдержал и нажал на рычаг трубки:

— Реза, Реза, я Муса, прием?

— Муса, будь на связи, но только слушай! Понял меня? Только слушай! Эхсан, Эхсан, я Реза, прием!

Гасем говорил быстро и сердито. Через несколько секунд раздалось шипение, такое же, какое издает рация, когда кто-то, не собираясь ничего говорить, нажимает на рычаг и держит рацию в режиме отправки сообщения.

— ...Реза, Реза, я Эхсан...

Голос Асадоллы слышался еле-еле. Почему Мухаммад передал трубку Асадолле?

— ...Реза, помогите! На помощь...

И связь прервалась. Инженер тоже слушал внимательно. Мы искали глазами места взрывов пяти вражеских снарядов, но дым и пыль еще не улеглись.

— Эхсан-джан, мы сейчас придем на помощь, — сказал Гасем и отключил связь. Наверняка ребята были ранены.

— Почему твой друг слабым голосом говорил?

— Не знаю. — Погрузившись в размышления, я не сразу ответил инженеру. — Ничего не понимаю. Нужно связаться с ними.

— Эхсан, Эхсан, я Муса, прием! Эхсан, Эхсан, я Муса, прием! Эхсан, Эхсан, я Муса, прием!

Нет, они не отвечали...

«Что бы там ни было, я должен связаться с Гасемом».

— Реза, Реза, я Муса, прием! Реза, Реза, я Муса, прием!

Но и эта рация была выключена. Я с усилием сумел встать возле бортика. Недавней радости и в помине не было. Глаза мои закрылись. Это, кстати, было лучшим способом сосредоточиться.

— Уважаемый! Что же за план у вас? Ваши друзья не стали шахидами! Опять они стреляют!

Я с усилием разлепил веки. Итак, ребята еще стреляют. Из последних сил напрягая зрение, я пытался разглядеть что-то во тьме, но пыль и дым еще не осели.

Что-то ткнулось мне в грудь. Это инженер протянул мне бинокль. Была ли улыбка на его губах? Я без промедления прижал окуляры к глазам.

«Уйди, тьма! Отступите, проклятые пыль и дым!»

С трудом можно было различить несколько небольших языков пламени. Верно ли я видел? Эти вспышки отнюдь не были какими-то новыми

взрывами. Что же там происходит? И вот один из языков вытянулся вверх. Да, это было то самое, чего я видеть никак не хотел. И в одном взрыве слились эти огненные языки...

— Это иракские новые снаряды?

Я опустил бинокль. Инженер ошибался. В районе нашего минометного окопа, окутанного дымом и пылью, что-то горело или загоралось.

«Помоги Аллах, чтобы это было не так!»

Потом до нас донесся низкий и мрачный звук взрыва. Языки пламени по-прежнему тянулись вверх.

— Господин, глядите на ту сторону! Сколько выстрелов!

Я с неохотой повернулся и увидел две вспышки выстрелов. Потом мне показалось, что и слева сверкнули выстрелы. Как минимум, четыре! Значит, обе вражеские батареи вели огонь одновременно. Наверняка иракцы засекли взрыв в минометном окопе. А в каком состоянии были ребята? Почему голос Гасема звучал столь тревожно?

— Господин, еще залп!

А на этот раз из совсем новой точки. «Одна, две, три...»

Вспышки слились в один постоянный свет, и оттуда долетал грохот, не похожий на звуки предыдущих выстрелов, и слышался гул от полета снарядов в воздухе, и взрыв в минометном окопе... А я всё считал:

— ...двадцать пять, двадцать шесть... Тридцать!.. — Я повернулся к инженеру. — ...Инженер! Это «катюша»! Выпустила 30 ракет!

И вот тяжелый свист у нас над головой. Первый взрыв на расстоянии от нашего здания, но второй...

— Ложись! Инженер, на пол!

Я сам бросился на пол и невольно обеими руками натянул на голову одеяло. И вот страшный вой и свист второй ракеты, и взрыв третьей, и барабанная дробь осколков по окружающим наше здание более низким домам. Все ракеты летели примерно в этот же — наш! — квадрат.

«Ибо в поминании Аллаха крепость сердец... Ибо в поминании Аллаха крепость сердец...»

Ракеты одна за другой летели на нас сверху, подобно бомбардировщикам, снижающимся в пики, один за другим сбрасывающим бомбы. Одеяло скрыло от моих глаз внешний мир, я лишь слышал его. И это само по себе было способом успокоиться...

Но как там инженер? Он лежал, вжавшись лицом в мокрый пол, и, видимо, все те ругательства, которые не были произнесены во время ссоры с Гити, теперь чередой проносились в его мозгу...

— Инженер!

— Уничтожил ты меня! Уничтожил...

И всё ухнуло в какой-то иной мир. Взрыв содрал с меня одеяло, и сквозь клубы пыли и дыма я увидел звезды, которые...

ГЛАВА 26

Всё еще бьют барабаны. Бум! Бум! Бум! Звук как у ручного тамбурина. Это траурные певцы из Бушера. Но не слышно тарелок. И один выбивается из ритма! Который? Который из них выбивается? Почему везде темно? Всё утонуло во мраке. Дыхание! Мне не выдохнуть. Что-то не дает мне дышать. Выпихнуть это! Задохнусь! Йалла! Сильнее!.. Наконец мне стало легко!

Одеяло слетело прочь. Не верю. Асадолла приклонился к стенке окопа и широко-широко открытыми глазами смотрит на меня. Опять вышучивает. Мухаммад! Мухаммад! Ответь мне! Ты что это? Почему не отвечаешь? Почему вы молчите? Почему вы не отвечаете?

Пушистая кошка лижет и лижет ботинок Мухаммада.

— Прекрати! Хватит лизать!

У них обоих побелели глаза.

«Нет! О Аллах! Не кажется ли мне это?»

Те же ребристые штыри! Через макушки они вошли в головы их обоих, и кровь хлынула из носов и ртов. Опираясь на стенку, я встал. Радуга выгнулась в дыму, на абсолютной черноте неба! Значит, нефтезавод еще горит... Но нет, это не радуга. Это мост! Выгнутый празднично сияющий мост! И все

ребристые штыри, которыми щетинится небо, они по ту сторону моста...

«Ай, мои уши! Какой грохот! Этот свист страшнее свиста любой из ракет «катюши»!»

...Штырь прошел мимо моего лица и с силой ударил в стальную плиту миномета, потом, отскочив, завертелся в воздухе, как жезл регулировщика, и ударил мне в ногу, в голень.

«Это из тех самых штырей, которые привезли с базы вместе с бетонными блоками, чтобы из них делать защитный бруствер...»

А сверху в окоп наклонилась женщина в цветастой накидке.

— Грех это! Чем ребенок провинился?

И кто-то дернул ее за накидку, и женщина исчезла, но еще слышался в окопе ее голос:

— Уходи! Нечего тебе тут делать!

Да! Ребятам пришел конец. Мне нужно уходить.

«Да ведь я удираю? Нет! Я иду на помощь».

«Ты врешь! Ты удираешь! Ты струсил... Ты трус! По той же причине ты отказался везти женщину в морг. Ты всё время трусишь. Всё время!»

«Нет! Я иду на помощь. Я должен выбраться из окопа».

Я высунул голову из окопа. Моя голень всё еще болела от удара ребристого штыря. И штыри всё еще залпами летели с той стороны. Всё небо было заполнено этими кусками арматуры, под их обстрелом был весь город. И все они сияли. Всё кругом было полно штырей! Вертикальные длинные штыри арматуры... Но вот беда! У штырей не было воронок, и я не мог вычислить точку, откуда ими выстрелили.

«Бежать тебе надо! Беги! Беги скорее!»

Рация была у меня за плечами, и висящий на ней фонарь громко брякал. И все арматурные штыри в небе поворачивались — в мою сторону, вдогонку за мной.

«Мне бежать надо! Спасаться! Гасем, где ты? Амир, где ты?»

Я сорвал с шеи автомат. Штыри подлетали всё ближе и ближе.

«Стреляй по ним... Но автомат не стреляет!»

Из ствола вываливались на землю целехонькие патроны.

Послышались голоса, читающие намаз. Несколько женщин, одетых в цветастые чадры для молитвы, читали намаз в окопе. Вот они склонились в земном поклоне, и всё в окопе стало черным, и лишь слышались выпеваемые молитвенные слова и плач этих женщин.

— Вставайте! Сейчас штыри арматуры ударят по вам!

«Но нет! Штыри целятся только в меня! Так беги! Беги! Они настигают тебя. Послышался голос. Голос джинна? Нет, это голоса священников...»

«На этот раз я не должен ошибиться. Ориентир 1440 тысячных! Прицел 20 вправо, 40 влево. Они уже близко. Штыри догнали тебя. Беги, глупец!»

Глаза Асадоллы были открыты.

«Сначала штыри войдут в макушку и проткнут всю твою голову, потом горло, потом удушье. Невероятное мучение! Хотя нет! Уже в первый миг отключится сознание, и никакого удушья ты не почувствуешь».

«Может быть, так, а может, и иначе! Наверняка еще несколько мгновений ты останешься в сознании и всё будешь видеть. Почувствуешь, как кровь хлынула у тебя изо рта. Захочешь крикнуть, но не сможешь. Смотри умоляюще; может, кто поможет тебе? Но все отворачиваются. Кто-то из них даже говорит: не троньте его! Дайте ему спокойно умереть!»

«Однако я еще жив! Вытащите штырь из моей головы. Может, чудо случится! Чудо! Ведь Аллах — где Он? Что Он делает сейчас?»

А штыри падают сверху.

«Ты должен лечь! Ляг! Только в этом спасение. Закрой глаза и усни! Обе руки положи за голову! Тогда эти штыри должны будут сначала пробить твои руки, потом уже горло, чтобы пригвоздить тебя к земле...»

Кстати, у женщины-зеленщицы руки не были сложены на затылке!

«Почему земля такая мокрая?»

Ведь это не вода... Я широко открываю глаза.

«Оно белое. Земля стала белой. Соль? Нет, земля залита простоквашей. Я барахтаюсь в простокваше, в этом белом болоте. И штыри, один за другим, падают вокруг и исчезают в нем. И я погружаюсь. Нужно барахтаться сильнее! О Аллах! Тут красный слой! Да! Это под простоквашей целая река крови! И мои руки по локоть в крови. А ведь я всегда убивал издали. Никогда никого я в упор не убил. Почему же мои руки в крови? Я тону. Помогите мне! На помощь! Помогите!»

Парвиз, с капельницей, с десятком кровавых трубок, стоит надо мной и смеется.

— Завтра очередь мороженого! Мороженого!

И я ухнул вниз. Я погружаюсь под воду, и штыри вокруг меня погружаются. Но нет, нет! Это уже не штыри. Это белые стаканчики мороженого! Ну да, это мороженое «Мехр»! Вкусное и питательное! Получив мороженое, я своими руками выкинул его целиком в реку и наблюдал, как эти стаканчики крутятся и как их уносит течение, и эти капельки инея на них, и они стали одним с водой реки, и проточная вода омыла их. Но сейчас мороженое всё еще падает в воду. Кто его бросает?

«Нет! Нет! Плывут акулы Парвиза! В пасти крючки!»

— Клянусь Аллахом, я вас не ловил. Это не я! Это Парвиз. Парвиз вытащил вас и сунул в эту черную бочку!

Но акулы проплывают мимо меня. Почему они меня игнорируют? Акулы набрасываются на мороженое! Перед моими глазами акула раскрыла пасть и рвет зубами — не меня, а стаканчик мороженого. И белая молочная масса обволакивает изнутри акулью пасть. Но... Теперь акулья пасть наполняется кровью! И все акулы извиваются. Их вытаскивают вверх, и там в их головы и пасти втыкают ребристые штыри... Нет! Это дубинка Парвиза!

— Я здесь! Парвиз! Вот я, здесь!

И меня тоже, против моей воли, тащат вверх. Да! Акулий крючок был и у меня во рту! И меня тоже вытаскивают вверх. Всех акул уже вытащили из воды, только хвосты их в воде. И акулы задыхаются.

— Несправедливо! Не убивайте их!

И вся верхняя часть моего тела — с рацией, фонарем и автоматом — тоже вытащена из воды. И наверняка меня будут бить сейчас ребристыми штырями!

— Нет-нет! Посмотрите! Я могу дышать без воды! Не бейте!

И штыри непрерывно падают в воду.

«Ты должен пытаться достичь берега, края причала. Двигайся, напрягайся! Сейчас штыри воткнутся в твою голову. Вперед! Не стой!»

Я схватился рукой за край причала. Я был очень тяжелый. Автомат! Рация! Рация всё еще работала: шипела по-змеиному.

Я перевалился через бетонный бортик и вылез на сухое, и лег там. Вокруг была тишина и тьма. Нужно, чтобы глаза привыкли к темноте. Но я был совсем без сил. И было очень холодно. Очень. Я весь заледенел.

И они еще были рядом со мной. Коробки с мороженым «Мехр»! Обледенелые! И женщина-зеленщица, она тоже, как и я, лежала на окровавленных носилках и плачущими глазами глядела на меня. Я должен был отвернуться.

«О Аллах! Я замерзаю, превращаюсь в лед. Но ведь я еще живой!»

Я должен был напрячь все свои силы, чтобы кто-то снаружи этого большого холодильника услышал мой крик.

«Ты должен открыть глаза! Шире! И понять, в какой стороне находится дверь холодильника. Вон она! Вон там!»

«Нет! Почему там свет? Почему эту стену они освещают?»

Ну да! Это же она самая. Та самая скульптура Девы Марии с младенцем. Или не так? Это была не Дева Мария? Священник сказал, что это не Дева Мария?

— Помогите мне!

Они могли мне помочь. Они, духовные лица, могли прийти мне на помощь. Да, я их снабжал пищей, и у меня были права на них. Но оба они смотрят в другую сторону. Там была Гити! Да, Гити, на руках которой спала ее дочка Махтаб...

«Гити-ханум! Нет! Не говори «ханум»! Она сейчас начнет оскорблять тебя».

— Гити! Помоги мне, ради Аллаха! Помоги ради всего святого...

ГЛАВА 27

— Салам!

Я с трудом раскрыл веки и увидел какое-то смутное лицо, которое тут же начало искажаться, прыгать, дрожать.

«Я должен сильнее напрячься и открыть глаза. Напрягись! Еще сильнее! Еще! Белая занавеска? Нет, открой все-таки глаза!.. Бум-м! Грохот взрыва!»

Я лежал на спине. Здесь был огонь, горело что-то. Отсвечивало красным, но языков пламени не было видно. А рядом двигалась какая-то тень.

«Я должен шире открыть глаза!»

Я узнал его! Это был инженер! Он стоял, держа руки на поясе!

«Но почему он так рассказывает? Оркестр тарелочников! А где мой тамбурин? Бум-м! Бум-м!»

Девочка сидела на корточках, склоняясь надо мной.

— ...Девочка! Пусть он отдыхает!

Это сказал инженер, остановившись и глядя на нее. А девочка молча смотрела на меня во все глаза.

— Заткнись, дурачок! Сейчас дочка моя напугается! Доченька, где ты? Ляг, поспи немного! Пойдем, говорю тебе!

Громкий крик Гити заставил инженера вновь начать рассказывать. А мое тело пронзила боль.

«Я должен любым способом перевернуться, высвободиться из этого положения».

Одеяло весило словно бы сотни килограммов и, как плитой, давило мою грудь, прижимая меня к полу.

«Напрягайся! Ты можешь!»

По членам моего тела, одному за другим, побежали мурашки. Я начал поворачиваться. И повернулся на правый бок. В результате этого одеяло соскользнуло, и мокрое от пота тело ощутило холодный воздух. Я весь задрожал, и этот ток холода сыграл роль дирижерской палочки. В полной тишине, подчиняясь движению этой палочки, все музыкальные инструменты начали играть, а дрожь моего тела заставила зубы стучать, выбивая механические очереди, похожие на работу пулемета ДШК¹: «Так-так-так! Так-так-так! Так-так-так!»

Этот стук зубов мне было не остановить. Они упрямо продолжали свое. И в руках у меня не было силы, в противном случае я бы руками отжал свою нижнюю челюсть от верхней. Лучше было отвлечься на что-то другое, забыв об этой дрожи и о моей болезни.

«Где я?»

Я был рядом с костром! Значит, на первом этаже семиэтажки. Но предыдущее мое воспоминание было о крыше, как же я попал сюда, вниз?

¹ ДШК — крупнокалиберный пулемет советской конструкции («Дегтярева — Шпагина крупнокалиберный»), применялся после Второй мировой войны во многих войнах и конфликтах, в том числе в Ирано-иракской войне.

Возле стены я заметил смутные силуэты двух священников. Стараясь быть как можно экономнее в движениях, я скосил глаза, чтобы посмотреть под лестницу. Но там всё было погружено во тьму. Допустим, там мать Джавада и Гити, а где отец Джавада?

Моего лба коснулось что-то прохладное. Я опять невероятным усилием открыл глаза. Но это что-то не давало смотреть. Это был влажный, прохладный платок, который в моей невыносимой лихорадке был для моего пылающего лба райским подарком. Когда у меня со лба снимали этот платок, чей некрасивый, грязный цвет мне не был виден в темноте, у меня было такое чувство, будто он дымит горячим паром — так раскаленно-горячо было всё мое тело. Но кто меняет платок у меня на лбу? Тот, кто делал это, находился у меня за головой. «Наверняка, мать Джавада».

Гром выстрелов и взрывов слышался по-прежнему. Как там ребята? И что мог бы я сделать для них раньше утра? Не был бы я болен, я бы так или иначе, хоть пешком, но добрался бы до минометчиков.

И вновь прохладный платок лег мне на лоб.

— Так лучше?

Невероятно! Это был голос девочки! И я с усилием вновь повернулся. Теперь я лежал лицом к ней.

— Кто сказал тебе делать это?

Голос мой был слабым и безжизненным.

— Мама сказала, что ты умираешь. А я ответила: наверняка твоя мама молилась Богу, чтобы тебя не стало. Разве нет?

И вновь она сполоснула платок в том глиняном сосуде, что стоял рядом, и, выжав его, положила мне на лоб. Как живительна была эта прохлада! И в тот миг, когда она прикладывала ткань к моему лбу, какое чувство радости и невыразимого покоя охватывало меня!..

«И всё же, ребята! Что с вами-то случилось?»

— Так... почему не дала мне... умереть?

— Я сказала: может, и ты, мама, как и я, не хочешь, чтобы он умер? Разве ты этого хочешь, мама?

Инженер, руки на поясе, стоял здесь же. Услышав ее слова, он кивнул — не совсем понятно, что имея в виду. Я движением век дал девочке свой ответ. И она убрала пальцы, которыми касалась собственного подбородка.

...Взрыв был такой силы, что инженер упал на пол лицом вниз. Осколки, залетев внутрь с улицы, градом ударили по стенам. У меня сил ни для какой реакции не было. Но, вообще-то, лежащее положение, в котором я находился, и было самым безопасным при таком близком взрыве.

Снаружи послышалось:

— Все целы?

Это был голос отца Джавада. Что он там делает, на улице?

— Целы! — откликнулся инженер. — А вы там как, господин? Оставьте вы этот драндулет, сейчас не время!

— Нет. Он просто сильно отсырел под дождем, — голос отца Джавада звучал устало. — Надо поворачиваться, и заведется. По крайней мере, парня отвезу в армейский госпиталь.

И отец Джавада ушел. А инженер сел рядом со мной, обхватив руками колени. Я решил выяснить, как все-таки я оказался вместо седьмого этажа на первом:

— Как я... сюда попал?

Инженер смотрел в какую-то точку и словно вовсе меня не слышал.

— Инженер! Господин инженер!

— Инженер, так твою и разэтак! Достали уже инженера! — воскликнул он. — Самая большая милость, которую Аллах оказал этому городу, это свалить тебя с ног болезнью! Иначе ты, парень, со своей рацией всё продолжал бы эти игры! Вы разве не понимаете, что вы наделали?

Я поразился. Инженер разговаривал очень смело, дерзко.

— Когда такое было, — продолжал обвинять меня инженер, — что этот город подвергался такому ураганному обстрелу? Тогда, когда господа сели в кружочек и решили потягаться с Машиной Страшного суда? И вот результат! С той минуты, как ваши минометы открыли огонь, — инженер обвинительно уставил на меня палец, — и до сего времени они, не прекращая, как горохом, сыплют на город снаряды и ракеты! Раньше на закате мы получали по 10-20 снарядов, да на рассвете еще несколько. А сейчас бьют без перерыва! Господин! Что вы наделали-то такое? И зачем вообще меня втянули в это? А я-то, глупый старик! Как надо было из ума выжить, чтобы безбородый юнец тебя так облапошил? Обвел вокруг пальца! Вот уж правда, всеобщим посмешищем я стал этой ночью!

«Ребята! Как там ребята? Асадолла! Мухаммад! Если стали шахидами, кто виноват? Конечно, я! Зачем мне нужно было в абсолютно больном состоянии так упрямо приказывать им стрелять? А Гасем не виноват?»

Вообще, зачем мы затеяли бой с аппаратом, наличие которого, в сущности, не подтверждено? Почему нам было не уподобиться майору, который действует только по уставам и ни на шаг не отступает от них?

«Министерство сельского хозяйства Ирака прислало уже тебе орден? Нашими шальными снарядами и минами мы так вспахали и удобрили их землю, что иракским крестьянам на несколько лет вперед никакой работы делать не надо! Так ведь, господин наблюдатель?»

Эти слова Асадоллы я хорошо запомнил, а вот какое у него было выражение лица, когда он их произносил? Теперь что с ним — бог весть. А вместо его слов я слышу критику инженера! Может, и справедливую критику. Жизнь инженера скромкана — и обстрелами этими, и незванными гостями. Но был ли у меня иной выход? Мог ли я вчера действовать как-то иначе?

— ...Господин, те фундаменталистские принципы, которым вас научили, — они всего лишь интеллектуальные трюки. Вы не понимаете сами, какого дракона вы разбудили, — зачем это вам?

— Хватит ныть! — это был единственный ответ, который я смог ему дать.

— Ныть? Это я ною? Господин, вы всего два дня назад появились в моей жизни и уже пустили по

ветру весь порядок и строй семидесяти лет! И я не должен жаловаться на это? Нет, я прошу у вас разъяснений! Задумайтесь над моими словами! Остановитесь и задумайтесь!

Он вскочил, указал на меня рукой, потом схватил за руку молодого священника Ованеса и подвел его ко мне. Священник вначале не хотел вставать с того места, где сидел, но затем вынужден был подчиниться инженеру. А девочка уже не охлаждала мой лоб влажными платками, она была сама не своя, закрыла руками лицо. Напрасными ей показали все ее хлопоты обо мне!

И вот передо мной встали инженер и священник.

— Пожалуйста, господин священник, — настаивал инженер. — Пожалуйста, выскажите этому молодому человеку то, что вы о нем думаете!

Священник колебался.

— Почему молчите, уважаемый? — продолжал настаивать инженер. — Откровенно и ясно выскажите свой взгляд на ситуацию! Ведь я вам всё объяснил. Я умоляю вас! Как ученое лицо духовного звания, выскажите ваше мнение о самоубийственных деяниях этих господ!

Было совершенно ясно, что священнику не по себе; он избегал смотреть мне в глаза.

— Вы от меня требуете нелегкого поступка, — сказал он, наконец, инженеру. — Хотите какой-то публичной беседы о личных грехах. А я просто высказал вам мои религиозные убеждения, и только.

Но инженер всё прибавлял злости в голосе, словно укрепляясь в своем решении вовлечь Ованеса в спор.

— Вот и выскажите эти самые убеждения, господин. Речь идет о том, что молодого человека нужно совлечь с гибельного пути. А разве не в этом ваш священнический долг? Вот заблудший человек, который нуждается в вашем духовном руководстве. Этому господину невдомек, какую беду он навлек на свою голову и на весь город.

Свист снаряда заставил инженера на миг замолчать. Какой же он болтливый, оказывается! Снаряд взорвался вдалеке. Ованес попал в сложный переплет. Наконец, он принял решение.

— Дорогой друг! — сказал он мне. — Я выражу лишь мое личное мнение. Но когда друзья попросили меня помочь отнести вас вниз с седьмого этажа, мне господин инженер всё объяснил. Реальность такова...

И он замолчал. Инженер не выдержал:

— Продолжайте, падре! Этого заблудшего юношу окружили шайтаны, так преподайте ему, пожалуйста, наставление. Он сильно нуждается в вашей проповеди.

Хотя я был страшно слаб и все предметы плыли передо мной, но все-таки в глубоко посаженных глазах инженера я сумел разглядеть насмешку. Он явно наслаждался тем, что нашел себе помощника в своем противостоянии со мной.

— Нет, дело не так обстоит, что уважаемого окружили шайтаны, — поправил инженера Ованес. — Но, на мой взгляд, лучше было бы противопоставить этой Машине Страшного суда обычное поведение, так чтобы события текли своим нормальным ходом...

И он указал рукой куда-то вглубь города.

— Вы сами слышите канонаду... Мы, надеюсь, все-таки уедем сегодня, но вы сами видите, что произошло, когда вы разворошили осиное гнездо. Факт тот, что план ваш не имел успеха, разве что в том смысле, как говорилось, чтобы всё было разгромлено. Но и я, и отец настоятель, как только мы узнали о судьбе ваших товарищей в окопе, мы начали молиться за их души.

Улыбка инженера уже превратилась в открытый оскал.

— Красноречиво сказали, падре! Видите ли, не только у вас и друзей ваших есть вера! У них тоже есть, господин! Они приехали за церковными вещами и уезжают. А мне и Гити некуда идти!

— Заткнись ты, дурачок! — послышался голос Гити. — Не трожь меня своим грязным языком!

Инженера этот окрик заставил замолчать. Он оглянулся на занавеску под лестницей... А я решил использовать этот момент, так как давно копил все свои силы для ответа. Нельзя было сдаваться! Однако после провала плана никаких логических доводов у меня вроде бы и не было...

Инженер отвел Ованеса прочь, потянув его за рукав, но затем вернулся и приблизил свое ехидное лицо к моему. Сказал мне негромко:

— Лучше используйте вашу болезнь как предлог для того, чтобы вас отправили в тыл. Это уникальный шанс, который нельзя потерять. Так не потеряйте его! Хватит вам играть роль пешки. Не так ли, падре?

И инженер рассмеялся, однако лицо Ованеса осталось задумчивым.

— Вы простите меня! — сказал мне священник издали. — Состояние ваше неважное, а я вас напряг! Вам нужно отдохнуть!

И он пошел ко второму священнику. А инженер остался возле меня. Моя болезнь и слабость, а также провал нашей попытки обмануть Машину Страшного суда — всё это были признаки полной победы инженера в нашем споре. Ясно было, что он сейчас отыгрывается за всё, что претерпел от меня. Нужно было что-то придумать, и я закрыл глаза...

«Неужели я в этой войне играю лишь роль шахматной пешки? Неужели мы должны были сидеть, сложа руки, позволив Машине Страшного суда навязать нам свою волю? Не прав ли тогда инженер, утверждающий, что мы, подобно майору, должны были слепо следовать уставам и инструкциям?»

Машина Страшного суда действовала в точности, как та лягушка, а мы — как та муха. Она заметила наше движение и выбросила свой липкий язык, дабы поймать нас с его помощью. И главный мой страх всё время заключался в том, что ребята станут жертвой этого липкого языка.

«Если ребята стали шахидами, то моя вина в этом стопроцентна».

— Почему ты плачешь?

Это спросила девочка. Она смотрела на меня внимательно и, конечно, была права. Я и сам не заметил, как мои глаза наполнились слезами. Трудно сказать, случилось ли это от тревоги за ребят или от жара.

— У тебя мамки здесь нет, которая тебя бьет, а ты всё равно плачешь! — продолжала девочка.

— Вот бы была! — сказал я невольно.

— Значит, ты плачешь оттого, что мамы нет? — предположила она.

И вновь она накрыла мой лоб прохладной салфеткой. Единственным моим отдохновением среди бед были эти салфетки...

— А твоя мама разве не говорит: «Хоть бы прибрал тебя Аллах!»? — спросила девочка. — «Когда ты, наконец, помрешь, чтобы мне успокоиться?» Не говорит?

«Моя мама... Где она сейчас? Если в этот ночной час она не спит, то наверняка снова и снова читает «Стихи о Троне»¹... Как бы мне хотелось, чтобы она была здесь! Наверняка сварила бы горячий бульон и ложкой скормила бы мне его, а может, обтирание для ног сделала бы. Как бы мне хотелось сейчас положить голову на ее колени, и чтобы она перебирала мои волосы, пока я не засну...»

— Опять ты заплакал!

Я вытер слезы тыльной стороной ладони. Со всем я себя не контролировал.

«А ведь ты мужчина! Некрасиво так плакать, тем более перед девочкой. Прекрати!»

— Когда я говорю маме: зачем мне умирать? В чем я таком провинилась? — знаешь, что она отвечает?

— Нет! Что?

— Говорит, не было бы тебя, я бы сама на себя руки наложила, освободилась бы от этого мира. Почему моя мама хочет умереть?

¹ «Стихи о Троне» — «Айат аль-корси», Коран, 2: 255.

«Что ей ответить? Я знаю ответ, но для нее незнание благословенно...»

— Нет, мама твоя шутит. Она тебя очень любит.

— Когда я маленькая была, она меня била. А сейчас только ругается, а потом сама себя колотит. Ты скажи ей, чтобы она себя не била! Скажешь?

— Хорошо, скажу.

И девочка, обрадованная, положила мне на лоб новую мокрую салфетку.

«Кому больше досталось этой ночью, этой девочке или мне? Она не по своей воле подвергается этим трудностям, а я-то по своей. Но обоих нас закрутил такой водоворот, который нам даже не осмыслить, не понять, как выбраться из него. Если бы отец Джавада сумел завести машину, то прежде госпиталя надо бы обязательно подъехать к окопу минометчиков...»

— ...Куда ты, черт тебя дери, ускакала? А ну иди сюда! Чего ты там околачиваешься? Иди ложись спать! Если ты меня еще раз поднимешь, я от тебя живого места не оставлю!

— Скажи ей! Хорошо?

— Хорошо, обязательно скажу!

И девочка ушла, оставив мне глиняный горшок, в котором было немного воды, и влажную салфетку. Придется ухаживать за собой самому. Преодолевая слабость, я опустил салфетку в горшок. Выжимать ее не было сил. Значит, прямо так положу на лоб...

Руки меня не слушались. Вместо лба платок упал мне на горячие глаза, и от них буквально пошел пар. Какая же у меня температура?

Гром выстрелов слышался по-прежнему, но взрывы гремели теперь в другой части города. Сколько сейчас времени?

«Когда же закончится эта ночь? Нужно заснуть, во что бы то ни стало...»

— ...Вставай, поедем сейчас!

«Опять этот инженер! Неужели не даст мне поспать?»

Кто-то снял с моих глаз салфетку. Это был не инженер. Но кто — в темноте я не мог понять.

— Вставай скорее: в госпиталь повезем тебя!

Это не был и голос отца Джавада. Когда человек повернулся и блики костра упали на его лицо, я узнал: Гасем!

Изо всех сил я попытался сесть, но слабость меня переборола, и я вновь упал на спину.

— Давай-давай! Сейчас помогу тебе!

— Что с ребятами, господин Гасем? А? Что с ними?

Гасем смерил меня взглядом.

— Сейчас не время для этих разговоров. Позже скажу.

«Наверняка случилось что-то, раз уходит от ответа!»

— Нет! Скажи сейчас: что с ними?

Гасем спокойно огляделся по сторонам. Инженер, священники и даже Гити смотрели на него внимательно.

— Очень хочешь знать?

— Очень.

— Не передумашь? Ну что ж, сам этого просил... Увы! Оба стали шахидами.

Хоть бы он соврал, что ли! И как спокойно говорит это...

Все, кто стоял в ожидании ответа, услышав его, сели там, где стояли.

— Ну что ж, поднимайся, наконец, ехать надо!

Но я совсем ослабел. И столько вопросов теснилось в голове! Вопросов без ответов! Выходит, прав оказался инженер в нашем споре? Может, и священник прав? Если уж на то пошло, и Гити с ее проклятьями всем и вся? Зачем я вообще спросил об этом?

Инженер выступил вперед. Он колебался и всё же в конце концов заговорил:

— Господин! Ваши товарищи погибли?

Гасем ответил кивком, и инженер закусил губу. Гасем добавил:

— Война ведь идет. Не пир горой.

Мне хотелось высказаться, но инженер опередил меня:

— Дорогой господин, мы только и слышим о войне! Только и слышим это слово, а ведь есть и другие слова! Будьте добры, объясните нам, к чему вся эта надменность и непреклонность? К чему упрямство, не будь которого, эти бедняжки были бы живы? Я говорю об этих двух ваших товарищах. Вы буквально вынудили этот радар вступить в дело, а следовательно, вся вина за их гибель лежит на вас!

Гасем повернулся ко мне и произнес со своей характерной манерой говорить как бы отстраненно:

— Опа! Поздравляю! Широкая общественность знает все наши планы. Спасибо тебе!

Затем он ответил несколько смутившемуся инженеру:

— Господин Парвиз кое-что говорил мне о вас. К счастью, у вас не возникло никаких проблем? Или возникли?

Священник Ованес сделал несколько шагов в нашу сторону. Инженер, заметив его, тут же повернул разговор по-новому:

— Что я... Я неверующий... Но вот этот господин чем виноват? Он ведь священник! Официальный христианский священнослужитель. И он тоже не понимает цели ваших действий.

Гасем только сейчас обратил внимание на священника:

— Здравствуйте, падре! Простите, что не заметил вас раньше. А вы какими судьбами здесь?

— Мы приехали за церковным имуществом. Но эту ночь по милости вашего товарища провели в этом здании.

— Так что говорит этот господин? Он говорит, что вы не понимаете цели наших действий?

— Нет, хозяин этих помещений не совсем прав. Мы в целом начинаем понимать ситуацию, но еще не до конца ее поняли.

— И как вы понимаете ситуацию в целом?

— Я понимаю так, что идет война, и я, будучи священником, не имею права вмешиваться в военные дела. Но ваши действия кажутся довольно-таки странными.

— Значит, вы все-таки в курсе наших действий!

И Гасем опять иронически оглянулся на меня.

— Думаю, что да, — ответил Ованес.

— И в чем ваш вопрос?

— Ну, допустим... — Ованес запнулся, а Гасем продолжал внимательно смотреть на него.

— Допустим, не лучше ли вам покориться воле Божьей? — сказал Ованес. — Для того чтобы, насколько это в человеческих силах, уменьшить, при-тушить страшный пожар этой войны. По крайней мере, не раздувать его дальше?

Гасем рассмеялся. А я не понимал, как можно смеяться в ситуации, когда погибли Асадолла и Мухаммад...

— А вы что скажете, господин инженер?

— А я хочу выразить протест, уважаемый господин. Сам Аллах, во имя Которого, как вы утверждаете, вы воюете, попустил это насилие, и потому всякие барахтанья мои или ваши абсолютно бессмысленны. Допустим даже, что вы уничтожите этот радар; но они привезут еще более мощный. Так зачем вы провоцируете иракцев, господин?

В это время до нашего слуха долетел звук долгой работы автомобильного стартера. Наверняка это отец Джавада действовал. И прогремел выстрел и взрыв. А за всё предыдущее время диалога выстрелов не было слышно.

— Вижу, что этой ночью здесь имели место жаркие философские споры, — сказал Гасем. — И мне понятно теперь, почему столь рассеян был наш наблюдатель.

Инженер с досадой возразил:

— Нет, дорогой вы мой! Он ведь только шахматная пешка. И вы, и мы — то же самое. Все здесь пешки, господин!

И Гасем вновь с любопытством и с улыбкой смерил меня взглядом.

Вновь послышался звук стартера, и на этот раз двигатель завелся.

— Всё, нам пора ехать, наш товарищ должен скорее попасть в госпиталь. Надеюсь, в Божью волю не входит, чтобы он тут умер сегодня?

И Гасем взял меня под мышки и поставил на ноги. Что-то в его поведении было не так. Улыбки его, какие-то промедления с ответами... И нужно было быстрее ехать! Не в госпиталь, а к минометному окопу!

Вошел отец Джавада.

— Распределитель, катушка, свечи — всё мокрое было. Помогли Аллах, чтобы в пути опять не заглохла.

Отец Джавада пошел будить свою жену, которая еще спала, а Гасем и инженер подхватили меня под мышки и повели наружу; я тоже старался переступить ногами... Было еще темно, и вдаль виднелось разгорающееся пламя нефтекомбината. Если такой мощный ливень не смог его потушить, то что могут поделаться пожарные?

И вот я на сиденье фургона, а мысли мои — о ребятах в окопе.

— Наповал их убило? Они что-то сказали перед тем, как стать шахидами?

Гасем осматривал побитую и покоруженную кабину фургона.

— Если Парвиз вернется и увидит, что ты сделал с машиной... Бьюсь об заклад: несколько дней будет за тобой с поварешкой бегать!

— Господин Гасем! Разве сейчас время шутить? Ребята ведь погибли!

До сих пор я держал себя в руках, но сдерживаться дальше не было сил. Чувствовал себя более несчастным, чем когда-либо. Ведь я был виноват! И я застонал и упал головой на грудь Гасему. Рыдания мешали мне говорить...

— Во всём... я виноват. Гордость не дала признать, что я болен. Амир должен был делать мою работу. Эх, был бы я вместе с ребятами в окопе! Инженер прав: мы все пешки... Столько усилий, а результат? Ребят разорвало на куски. Что это за шахматную партию мы разыграли?

Гасем никак не реагировал.

— Мы всегда в цейтноте. Всегда нам не везет. Мы все станем такими, как инженер, в конце концов!

Гасем взялся снизу пальцами за мой подбородок и придвинулся ко мне. Наши лица были прямо одно против другого.

— У тебя сильный жар. Ты бредишь. Кто стал шахидом? Асадолла? Чтобы Асадолла стал шахидом?

Состояние Гасема сегодня было необычным. Шуток и улыбок больше, чем всегда, так же как и уклончивости... А обычно, когда ребята погибали, он становился замкнутым дня на два-три.

— Знаешь, в чем твоя проблема? Ты очень много думаешь, но и так же много разговариваешь. Умел бы ты держать язык за зубами, я бы тебе сказал.

— А я согласен.

— Мало ли что согласен! Все старики и старухи, оставшиеся в этом городе, по воле твоей милости

осведомлены о нашем плане. Это постараться надо было!

— Ну хочешь, я поклянусь, что буду молчать?

— Клятва не принимается, потому что ты наверняка будешь вынужден ее нарушить. Но я скажу тебе. Вчера вечером мы прибавили к операции еще одну составную часть. А именно: подготовили к взрыву значительный боезаряд, целый боекомплект на некотором расстоянии от минометного окопа. Когда иракцы усомнились в своем радаре и увеличили прицельный охват на двести метров, мы взорвали эти ненужные боеприпасы. А Асадолла, согласно этому плану, попросил по рации помощи. Что и требовалось доказать.

Услышав это, я испытал противоречивые чувства. Не знал, радоваться ли тому, что ребята живы, или сердиться из-за того, что план от меня скрыли.

— Да ты не унывай! — сказал Гасем. — Во первых, некогда было тебе вчера это сообщать, во вторых, не зная этого, ты более естественно звучал по рации. Ну и потом, все ведь мы знаем, что язык твой с тайной не очень дружит.

Но меня не эти резоны сейчас волновали...

— Значит, Машина Страшного суда оказалась одураченной? — спросил я.

— А что такое «Машина Страшного суда»?

— Радар.

— До некоторой степени! Но нужно то же самое повторить еще два-три раза, а уважаемый должен обязательно рот держать на замке. Я понятно говорю? Ты два-три денька полечишься, а Амир будет

пока делать твою работу. А теперь скажи-ка мне: что это за разговоры о шахматных пешках?

— Да так, ерунда!

— И всё же. Скажи-скажи, я должен знать.

Я откашлялся, так как недавний плач мешал говорить.

— Инженер утверждает: мы все черные пешки. Несчастные пешки, которые всегда проигрывают...

— Ну, можешь не продолжать. Остальное мне понятно. А хочешь ли ты услышать ответ на это?

Я кивнул.

— Непременно хочешь ответ?

— Да. Я и мои друзья — мы жизни свои поставили на кон. И ты должен ответить нам.

— А почему именно я должен ответить?

— Потому, что этот план ты придумал.

Гасем надолго задумался; очень надолго...

— Хотя многие вопросы в жизни не имеют столь же простого ответа, как «сколько будет дважды два», — заговорил он, — все-таки я выскажу свое мнение. Во-первых, являемся ли мы, люди, безвольными шахматными фигуркам? Слушай внимательно. Если фигуру — черную либо белую — убирают с доски, а потом вновь выставляют на доску для следующей партии, то она никакого прежнего опыта с собой не несет, она не помнит, что уже ходила вправо, влево или на две клетки вперед, это всё повторяется и проходит бесследно. Однако любой человек, приходящий в этот мир, получает в помощь себе весь опыт людей прошлых веков: изобретения, лекарства, даже одежду, тысячи тысяч других вещей, которые оставили нам

предыдущие поколения, — без этого наша жизнь и ее продолжение не имели бы смысла. Потому мы, по сути, являемся игроками, двигающими эти фигуры, ибо мы весь опыт предыдущей партии применяем в следующей, если, конечно, мы разумны, что, к сожалению, не всегда бывает...

Можно, конечно, и иначе взглянуть на вашу, уважаемый высокий наблюдатель, проблему, допустив даже, что мы не игроки, а пешки, хотя мы ими и не являемся. Помни лишь то, что самая сильная фигура на доске — это визирь, или ферзь. По сути дела этой фигуре в шахматах дана вся полнота власти. Но если семь простых пешек — как называет их инженер, черных, несчастных и угнетенных — пойдут вперед в осмысленном и дружном натиске, помогая друг другу, то одна из них, дойдя до конца доски, станет ферзем. И тогда весь ход игры изменится.

— Я ничего не понял.

— Ну что ж... Тогда это и неважно.

— В самом деле неважно?

— Нет, шучу, конечно, парень! Наоборот, это очень важно. Нужно, чтобы ты это понимал... давай я на другом примере объясню. Допустим, мы принимаем тот факт, что Бог сотворил мир с семью небесами или в виде здания из семи этажей. Тогда мы раньше или позже придем к умозаключению, что Он сделал это не для того, чтобы мы вечно здесь барахтались, но пошли бы выше этих семи этажей и сами построили бы восьмой. Понимаешь? Семи этажей нам мало, и мы не должны здесь зря тратить время. Нужно идти вверх! Выше...

— Но почему Бог схитрил? Почему Он тайно сообщил «Величайшее Имя» Адаму?

Гасем усмехнулся в своей обычной манере — сдержанной, но теплой. В его улыбке насмешка сочеталась с любовью.

— Всё это фигуральные выражения, парень. Бог не шепчет в уголке, всё это не нужно понимать буквально. Настоящее Величайшее Имя, которое нам дал Господь, состоит в том, что мы как бы берем займы Его волю, в точности как земля берет займы энергию у солнца. Нарращивай свои усилия настолько, насколько сможешь, бери как можно больше у солнца — в этом смысле человек есть полномочный представитель Бога во Вселенной. А мы, люди, вместо этого из-за нашей лени разводим философию об абсолютной нашей несвободе, о черных пешках, в то время как несвобода — это всего лишь стена, да еще и такая, которая уже рухнет, и в нашей воле отойти, чтобы не погибнуть под обломками. Стена рухнет обязательно, и нечего под ней стоять и ждать бомб на свою голову.

— Опять я ничего не понимаю...

— И опять это неважно. Думай просто о том, что мы этой ночью плечом к плечу сражались для того, чтобы нанести поражение этому радару, который у врага теперь вроде ферзя. Ты приобрел в этом реальный опыт, и этого достаточно. Понимаешь меня, парень?

Я немного успокоился, а это, пожалуй, и было всего важнее. То, что я разрыдался на груди у Гасема, было совсем уж крайней слабостью. Но в словах

Гасема что-то меня укрепило. Хотя в шахматы я, конечно, по-прежнему не умел играть. А обязательно нужно будет научиться! Но сейчас я вроде бы воспрянул духом... И нужно было доделать еще одно недоделанное дело.

— Господин Гасем! Давай на секунду вернемся в здание. У меня там дело есть.

Гасем помог мне выйти из фургона и добраться до стенки здания, на которую я оперся. Ованес и второй священник подошли ко мне, и я протянул руку для пожатия.

— Хотел попрощаться с вами. Кажется, уже вторично.

Пожилой священник с чувством пожал мою руку и зашептал молитву. Ованес пояснил:

— Падре молится за ваше здоровье.

И Ованес тоже двумя руками сжал мою руку и начал молиться. Потом сказал:

— Сегодняшние события я не забуду никогда. Некоторые священники в Латинской Америке, кстати, имеют такие же убеждения, как и вы.

— Я вам одно только должен сказать...

— Слушаю, друг мой!

— Просьба о том, чтобы поставить нам монумент, снимается. Лучше уж без монумента!

Оба священника рассмеялись. Гити сидела, держа у себя на коленях голову спящей дочери. Инженер с рацией за плечами, автоматом и биноклем пошел к Гасему, но затем повернулся ко мне.

— Кажется, и впрямь время прощаться!

И он сжал меня в объятиях. А когда отпустил, я заметил слезы у него на глазах.

— Очень ты меня измучил, парень, очень. А всё-таки это — перемена в моей несчастной жизни. При всём при том ты меня всё-таки обманул насчет цели твоих товарищей!

— Нет, я сказал правду.

— Правду?

— Ну да. Разве вы не слышали взрыв — мощный взрыв?

— Слышал, и что?

— Так это и был взрыв моста Сират! Эти двое отправились, чтобы взорвать мост Сират — как начало операции, но в последний момент план поменялся, мы решили не связываться с Господом, так как просчитали последствия того, что произойдет, если Бог покинет этот мир... Начались бы распри, кому быть Богом, возникла бы тысяча богов-претендентов; потому решили, что засылки нашей диверсионной группы и взрыва моста Сират в качестве предупредительной меры будет достаточно. Все они теперь оттуда, с небес, будут по-другому смотреть на нас, людей; может, даже считаться с нами начнут! Вы согласны с таким анализом, господин инженер?

Он вновь мерил меня подозрительным взглядом...

— Не тревожьтесь, — продолжал я. — Завтра вечером двое наших придут сюда!

И я прикусил себе язык. Несколько минут не прошло после разговора с Гасемом...

— Завтра? — ухватился за мои слова инженер. — Что будет?

— Да ничего! Отец Джавада привезет вам еду.

— Головная боль, вот что это! — ответил он. — Головная боль, геморрой, вот что это!

Мы оба рассмеялись. Инженер обратился к Гити.

— Госпожа Гити! Этот парень уезжает! Не хотите с ним попрощаться?

Она осторожно сняла со своих коленей голову девочки и подошла к нам. Инженер неуверенно переминался.

— Ты отойди в сторону! — сказала она ему. — Отойди!

Он отошел с сердитым видом. Подождав, пока он удалится, Гити сказала мне:

— Мать Джавада говорит: с дочкой переезжай к нам, в пальмовую рощу. Говорит, пока отца Джавада не будет, ей одиноко.

Я вздохнул с облегчением: большой груз свалился с моих плеч.

— Не знаю, ехать нам с дочкой к ней или нет...

— Обязательно поезжайте, — ответил я. — Обязательно! А если что-то вам будет нужно, скажите, мы всё сделаем.

— Нет, ничего мне не нужно, благодарю. Только на один вопрос ответь.

— На какой?

— Стыдно мне спрашивать... — Она принялась ковырять закопченный кирпич стены. Удивительным выглядело ее смущение. Не поднимая глаз, она спросила:

— Там, наверху... Почему меня назвал мамашей?

Я задумался: а правда, почему? Откуда появилось это слово? Я и сам не ведал.

— Потому что... Я по своей матери стосковался, вот и всё!

— Благодарю тебя! — ответила она. — Дстойного парня Аллах сотворил!

А мать Джавада спала очень крепко... Гасем сказал:

— Отец Джавада дал ей снотворного, чтобы снять боль в ноге. Утром заберет ее. Поехали, тебя отвезем в госпиталь. Сильное лекарство или укол хороший — и ты будешь в порядке.

...Мы вышли из здания, и я не смотрел назад. Было еще темно, и, как обычно, сияли всполохи далекого пожара. Хотя слабость моя не уменьшилась, но я чувствовал себя счастливым и даже ступал уверенно. А на семиэтажку не оглядывался, потому что чувствовал: она мне покажется маленькой и незначительной. Я казался себе самому альпинистом после покорения вершины... Машина Страшного суда была побеждена. Я вновь забрался в кабину Парвизова фургона, теперь уже не на водительское место. На котлы, поварешки и миски мне теперь злиться не приходилось. Одно хотелось: заснуть и проснуться лишь через много часов и даже лет и понять, что всё это мне лишь приснилось.

Отец Джавада включил передачу, и машина тронулась. Гасем ехал сзади на мотоцикле Амира. Фургон покачивался плавно, как детская колыбелька. Меж клубами дыма и густыми облаками я увидел звездочку, и она подмигнула мне... И продолжала подмигивать, а я подмигнул ей в ответ. А потом сделал из руки подушку и прислонил голову к ней и к двери фургона.

Ребристый штырь арматуры, отпотевшее мороженое, Гити, инженер, взрыв моста Сират, пешки, ставшие ферзями, священники, монумент, выстрелы минометов и другие предметы и люди... постепенно начали таять перед моим взором... И вот совсем растаяли...

«О нет! Я опять слышу голос Парвиза! Неужели этот голубятник вернулся, чтобы вновь высмеивать меня?

— ...Машина майора? Подумаешь, делов-то! А ты все-таки — спасибо за дружбу — стал водителем кухонного фургона... Такие уж мы неудачники! Поэтому не забудь: завтра мороженое! Мороженое!..»

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Примерно через десять лет после описываемых событий в руки мои попал приводимый ниже документ, который поставил точку в объяснении этой ситуации. Документ, по-настоящему не понятный никому, кроме парней, которые той ночью были в минометном окопе. Для всех остальных это была просто военно-бюрократическая бумажка, каких много было захвачено у врага и переведено в ходе восьми лет этой войны...

Совершенно секретно

14. 11. 1982

Кому: Командующему Восьмым корпусом.

*От кого: 3 группа радара «Цимбелин», бригада 111,
место дислокации: район Сибе, Шатт-эль-Араб.*

Тема: Результаты испытаний радара.

До сведения командира корпуса доводятся результаты проверки тактико-технических характеристик радара французского производства «Цимбелин».

В пустынных и горных районах аппарат работает с полной точностью, например, в пустынном оборонительном районе Мохаммаре удовлетворительно засек все пушки и минометы противника.

В городских условиях (г. Абадан) аппарат показал неожиданные ошибки до 300 метров, которые специалисты не смогли устранить; предположительно, они были вызваны наличием городских строений. В итоге результаты испытаний полностью отрицательные.

Заключение

Учитывая очень высокую стоимость такого сверхсовременного военного оборудования, рекомендуется до получения удовлетворительных объяснений от производителя и до устранения указанных недостатков воздержаться от закупки и использования данной аппаратуры.

Подпись:

Командир 3 группы электронного радара, полковник
Генерального штаба Махер Хамуд.

Копия: всем радарным группам бригад от 1 по 6 включительно для сведения и принятия необходимых мер.

Об авторе

ХАБИБ АХМАД-ЗАДЕ

Родился в г. Абадан в 1964 г. Участвовал в Ирано-иракской войне (1980–1988), закончил тегеранский Университет искусств по специальности «Драматургия и кинодраматургия». Является автором киносценариев и сборника «Рассказы воюющего города». Наиболее известным

его произведением стал остросюжетный роман «Шахматы с Машиной Страшного суда» («Шатрандж ба машин-е кийамат»), который также называют философским трактатом, иллюстрированным военными сценами.

Роман переведен на английский (“Chess with the Doomsday Machine”) и другие европейские языки, получил многочисленные литературные премии и не раз переиздавался. Для настоящего перевода было использовано 17-е издание книги: Тегеран, издательство «Сурэ мехр», 2011.

Хабиб Ахмад-заде живет в Тегеране. На русском языке публикуется впервые.

О переводчике

АЛЕКСАНДР ПАВЛОВИЧ АНДРЮШКИН

Переводчик с персидского и арабского языков, литературный критик, член Союза писателей России. Его переводы с фарси печатались в журналах «Иностранная литература», «Четки», в издательствах «Исток», «Вече» и др. Живет в Санкт-Петербурге.

ИРАНСКАЯ ВОЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА

В настоящем приложении приводится предисловие переводчика книги, преподавателя Ратгерского университета доктора Пола Спракмана. Оно написано для западного читателя к изданному в Лос-Анджелесе английскому переводу.

Книга «Шахматы с машиной Страшного суда» была написана в первые годы войны между Ираном и Ираком на основе личного опыта автора как солдата-добровольца из Абадана.

Абадан находится на юго-западе Ирана в богатой нефтью и газом провинции Хузестан. Это город на перешейке похожего на электрогитару острова и порт в Персидском заливе, который по причине протяженной береговой линии приграничных с Ираком вод считался важной стратегической целью для иракцев, так как позволял им многократно увеличить свой ограниченный доступ к одному из важнейших мировых водных путей. Он также имел жизненно важное экономическое значение, так как до бомбардировок со стороны Ирака в нем располагался крупнейший в мире нефтехимический комплекс. 22 сентября 1980 года Ирак развязал войну против Ирана. Если бы Саддам Хусейн захватил Абадан и Хузестан, он установил бы контроль над огромными запасами природного газа и нефти.

Роман Хабиба Ахмад-заде «Шахматы с Машиной Страшного суда» — это общий взгляд на жизнь

и смерть в осажденном городе. В отличие от тех немногих переведенных на английский язык работ, которые затрагивают значимые исторические моменты Ирано-иракской войны, это произведение не имеет прямой связи с ее историческими, экологическими и военными последствиями. Оно рассказывает о трех днях из жизни семнадцатилетнего юноши-ополченца — артиллерийского наблюдателя и разведчика мест дислокации вражеских сил. Мы не узнаем его настоящего имени, но те беженцы, которым он помогает, называют его Мусой. Его смывленности и ненасытного любопытства достаточно для того, чтобы сделать из него успешного военного, но ввиду юности, неопытности и человеческой сущности у него есть объективные недостатки.

Юному бойцу дают два задания. Сначала после тяжелого ранения водителя продуктовой машины он вынужден переступить через свое честолюбие и согласиться на понижение в должности с артиллерийского наблюдателя до снабженца. Затем выясняется, что у иракцев появился новейший радар западного производства (тот самый, который в романе называется «Машиной Страшного суда»), способный с высокой точностью определить источник артиллерийского огня. Теперь юноша должен найти этот радар, который никто из иранцев никогда не видел. Кроме того, у молодого бойца появляются новые обязанности. Теперь он должен доставлять горячую еду не только своим товарищам, но и, вопреки военному уставу, группе гражданских лиц, застрявших в осажденном городе, которым бывший водитель из жалости раздавал пищу из армейского рациона. Поначалу такая неуставная щедрость сердит нашего героя, но постепенно юный наблюдатель берет на себя ответственность за этих людей и проявляет все свои военные навыки, чтобы сохранить им жизнь. Борьба с Машиной Страшного суда дает ему ценный урок терпимости.

В наиболее ответственный момент поиска Машины Страшного суда с парнем случается самое страшное, что может случиться с артиллерийским наблюдателем: он лишается зрения. Теперь он вынужден полагаться на других, хотя его внутренний голос говорит, что во время операции, спланированной против вражеского радара, не следует доверять чужим глазам.

Актуальность романа

Роман «Шахматы с Машиной Страшного суда», вдохновленный ирано-иракской войной, свидетельствует о великом движении в «литературе и культуре сопротивления». Большая часть иранской прозы о войне написана в форме биографии или автобиографии с более или менее предугадываемыми темами, и они по сравнению с известными вымышленными произведениями более метафоричны. Развитие жанра мемуаров в литературе вынудило поэта и литературного критика Манучехра Аташи сказать: «Нам важно не путать мемуары о военных годах с военной литературой». Я читал многие из этих мемуаров и даже перевел один из них на английский язык («Путешествие на высоту 270» Ахмада Дехкана, издательство «Мазда», 2006). Главный персонаж этой книги — басидж (ополченец) по имени Насер. Он провел на войне два года еще до завершения средней школы. Книга повествует о событиях его второго участия на войне, когда он сражается в самых кровавых столкновениях. В первый раз он получает тяжелое ранение, но любовь к родине и соратникам возвращают его на фронт. Многие люди, прошедшие военные учения в молодые годы, знают, что там находятся друзья на всю жизнь. Так и для Насера с его товарищами война стала большим опытом. На ней они вместе растут, едят, играют, молятся, поминают погибших братьев (их в этом жанре называют шахидами). Война для многих из них — метафизическое

явление, некий духовный опыт, божественное путешествие.

«Война, достойная любви» — название еще одной книги, написанной по воспоминаниям Са'ида Таджика, о добровольном возвращении солдата на фронт (Тегеран, Издательский дом академии искусств, 1999). После участия в кровавой военной операции «Курган 1904» Са'ид возвращается домой. Родные и близкие горячо его встречают, он начинает работать маляром, но вскоре понимает, что гражданская жизнь не имеет того смысла и той духовности, что есть на фронте. Он попадает в аварию, ломает ногу и некоторое время не может работать, но, несмотря на все это, не в силах противостоять желанию отправиться на фронт. Поэтому он снимает гипс раньше времени и возвращается на войну.

Многие произведения литературы сопротивления отражают реальное стремление иранцев к участию в войне против Ирака, которую в Иране называют «Джанге тахмили», то есть «Навязанная война». Другими словами, эта война была провокацией со стороны Запада, в частности США, Великобритании и Израиля, с целью уничтожить Исламскую Республику в зародыше, а исполнителем этого плана был Саддам Хусейн. Но война с точки зрения иранцев была чем-то большим, чем просто мировой заговор. Она имела религиозный характер, она была священной обороной. Они, как и большинство шиитов, являющихся меньшинством в исламском мире, вновь приняли ту роль, которую сыграли в исламской истории, выступив яростными защитниками 'Али — своего первого имама, четвертого праведного халифа и двоюродного брата Пророка, который был предательски убит в 611 году. Многие иранцы видят себя жертвами истории и справедливости, и лишь немногие из них считают, что они безвольны в вечной войне между истиной и ложью. Тот факт, что война была навязана иранцам, внушил им всеобщее чувство того, что они стали

мишенью атаки неконтролируемой силы. Это усилило их отрицательное отношение к Западу, особенно к США. Эти антиамериканские настроения хорошо прослеживаются в книге «Мы — дети Ирана» Давуда Амирийана (Тегеран, Издательский дом академии искусств, 1999). В этой книге автор рассказывает о том, как юным солдатом он пережил трудности военной подготовки, во время которой солдаты дружно кричали: «Смерть Америке!» и топтали флаг этой страны.

Литература сопротивления может быть монотонной и однообразной там, где рассказывает об иракских врагах. Книга «Жизнь была хороша» написана Хасаном Рахимпуром (Тегеран, Издательский дом академии искусств, 1999), заведовавшим донорским отделением военно-полевого госпиталя близ фронтовой линии. В ней иракцы предстают аморальными и жестокими людьми. Одного из рассказчиков, который однажды попал в плен к иракцам, зовут Реза. Этот уроженец города Джехрум, что на юге Ирана, рассказывает, что после освобождения города иранские солдаты нашли многочисленные тела изнасилованных иракскими захватчиками девушек. О порочности иракских вояк говорится и в рассказе другого иранского военнослужащего, который вспоминает, как они нашли пустые бутылки из-под алкогольных напитков и эротические фотографии в покинутых иракцами местах. Насилие и гнет со стороны иракских агрессоров порождает среди иранцев еще более жесткое и непримиримое сопротивление.

Роман «Шахматы с Машиной Страшного суда» не повествует о слезных прощаниях и радостных возвращениях. Иракцы в этой книге не читают журнал «Плейбой» и не пьют виски «Джонни Уокер». Главный злодей здесь — не США. В книге многократно говорится о разворовывании Абадана, о массовых убийствах, но это не значит, что враг не знает человеческих эмоций и что он подобен животному. Нет, это лишь часть общей структуры произведения. Когда в романе

рассказывается о влиянии войны на гражданских, невинных лиц, автор не хочет представлять их жертвами насилия. Наоборот, в этой книге Гасем, начальник прибрежного штаба, утверждает, что люди действуют по своей воле, но Инженер говорит басиджу, что они — лишь пешки, которые никогда не победят. Еще одна особенность этой книги, которая отличает ее от многих мемуаров, — это отношения трех главных героев. Басидж, Гити и Инженер представляют собой сложную смесь греха и невинности, хитрости и простоты, неверия и святости. В ходе романа они наделяются такими чертами, которые побуждают читателя сопереживать им вне зависимости от своих религиозных убеждений.

Как было уже сказано, во второй половине романа на юношу, как в свое время на пророка Мусу, возлагается гражданская обязанность наставления людей на путь спасения, и не зря его радиопозывной — Муса. Однако в то время, как он играет роль пророка Мусы, он оказывается также в роли другого пророка — 'Исы, который почитается и в христианстве, и в исламе. Басидж спасает небольшую группу людей и собирает их вместе на скромный ужин. «Тайная вечеря» предстает в книге в виде картины над алтарем армянской церкви. Когда операция по обману радара входит в критическую фазу, басиджа дважды предают, словно Христа (книга начинается избранными стихами из Евангелия от Матфея о Тайной вечере, Иуде Искариоте и его предательстве). Сначала его предает его зрение, а потом и армянский священник, которого он просит заменить ему его глаза.

Гити, главный женский персонаж «Шахмат с Машиной Страшного суда», — бывшая проститутка. Она живет со своей дочерью Махтаб в злочном районе Абадана, куда до Исламской революции наведывались иностранные моряки и местные мужики для плотских утех. Непристойная и бесстыдная, она предстает

в романе искусительницей, как Ева в Книге Бытия. Ее очень непростое и печальное прошлое может вызвать жалость и расположение читателя (она лишилась своей молодости из-за сластолюбивых мужчин и потеряла сына из-за наркотиков). Она — как Мария Магдалина, спасенная Иисусом Христом. Несмотря на то, что она разбивает вдребезги стекла пикапа, разрезает все его сиденья и поносит мать басиджа последними словами, юноша видит в ней искорку человечности, незаметную Инженеру, которому известно ее прошлое. В конце романа басидж, сам того не понимая, искренне обращается к Гити словом «мать», а не саркастическим словом «госпожа», которое он ошибочно употребляет при первой встрече. Теперь она предстает не просто как любящая мать своего ребенка, но как Мария, мать Иисуса.

Инженер — самый несчастный персонаж романа «Шахматы с Машиной Страшного суда». Жизнь превратила его в замкнутого и нелюдимого человека, а жена и дети ушли от него. Нефтеочистительный завод, который «был построен с его помощью», превратился в руины на его глазах. Теперь он живет на третьем этаже заброшенного семиэтажного дома вместе с кошками. Вначале между басиджем и Инженером складываются недружественные отношения. Старик раздражает юношу, потому что тот должен привозить ему еду, а это значит, что его товарищам на базе достанется меньше. Когда парень видит, что старик делится своей едой с кошками, он гневается и выходит из себя. Инженер тоже не жалуется юношу, потому что тот занимает его жилище и лишает тишины и покоя. Желая утвердиться в глазах Инженера, басидж расстреливает один из его цветочных горшков. Он приводит войну в убежище Инженера. Играя свою роль в операции по обману радара, он невольно вызывает огонь «катюши» на этот заброшенный дом. Но отношения героев начинают меняться, когда они лучше узнают друг друга. Взаимная

антипатия постепенно уступает место доверию и взаимопониманию. Старик удовлетворяет любопытство юноши, отвечая на его вопросы о переносном смысле слова «ханум» (госпожа), о жизни Гити, о шахматах. Он рассказывает басиджу о своей горькой судьбе, о том, как семья бросила его, и он получил лишь жалкое вознаграждение за несколько десятков лет работы на нефтеочистительном заводе в должности инженера. Когда они в последний раз сидят на крыше семиэтажного дома, их разговор превращается в противоречивые толкования Корана. Инженер спрашивает: «Кто первый начал политические игры в этом мире?» и «Почему Адам был изгнан из рая?» Басидж дает ответы, которые, на его взгляд, очевидны и непреложны, но его собеседник отрицает их верность и утверждает, что Господь несет ответственность в обоих случаях. Этот новый взгляд на роль Бога в судьбе человека заканчивается очень пессимистичным взглядом на войну. Инженер считает басиджа и иракских врагов пешками, чья участь определена изначально. Он говорит, что его настоящий враг — это не Саддам Хусейн, а Бог. Из этого следует, что басидж, его соратники и враги из иракской армии «воюют против Бога», а это в Исламской республике считается великим грехом. Здесь Инженер предстает дьяволом-искусителем для юноши. Он приводит все доводы и аргументы в пользу того, что у басиджа и его врагов нет свободы воли и действия и что их самопожертвование на этом пути бессмысленно. Басидж слышит от старика полную противоположность тому, что говорит Гасем. Этот военачальник поощряет любопытство юноши и появляется в конце романа для того, чтобы поддержать его дух и утвердить в романе свободу воли.

Исходя из всего вышесказанного, читатель может сделать вывод, что в семиэтажном здании происходит много событий. Говоря иначе, это здание — нечто большее, чем просто дом. Потому что оно выше всех ближайших домов и самое подходящее место

для борьбы с Машиной Страшного суда. Все жертвы войны: Гити с дочерью, два священника, родители Джавада (сослуживца басиджа, которого убивают в начале романа) и Инженер со своими кошками — собираются вместе за последним ужином. Число «семь» не случайно. Согласно Корану, Всевышний Аллах «создал семь небес и столько же земель» (12:65). Когда басидж в первый раз поднимается на крышу этого здания, он видит торчащую арматуру и понимает, что архитектор планировал построить восьмой этаж. Архитектура здания сообщает о некой божественной, метафизической иерархии. Действительно, чем выше поднимается человек, тем он ближе становится к совершенству. И этот момент объясняет, почему старик, утверждающий абсурдность человеческого существования, жил на третьем этаже. Он не хотел подняться выше, добраться до крыши и построить восьмой этаж.

В отличие от Гасема, доброго советчика басиджа, Инженер, несмотря на свой жизненный опыт, остался неопытным и незрелым для понимания Священного Корана, так как не смог постичь его аллегорических смыслов. Он действительно убежден, что соратники басиджа хотят стать шахидами, чтобы попасть в иной мир и взорвать там мост Сират.

Перевод Дж. Мирзоева

Иранский бестселлер

Хабиб Ахмад-заде

**ШАХМАТЫ С МАШИНОЙ
СТРАШНОГО СУДА**

حبيب احمد زاده
شطرنج با ماشين قيامت

Научный редактор: *С.Н. Табаи*

Редактор: *Т. Ханина*

Корректор: *Т. Кречко*

Верстка: *Т. Ханина*

Дизайн обложки: *А. Эмами*

Подписано в печать 17.07.2015. Формат 84×108^{1/32}.

Гарнитура PT Serif Caption. Печать офсетная.

Тираж 1000 экз. Заказ №

ООО «Садра».

125000, Москва, ул. Коровий Вал, д. 7/1.

www.sadrabook.ru

По вопросам приобретения литературы обращаться:

+7 (495) 943 40 39